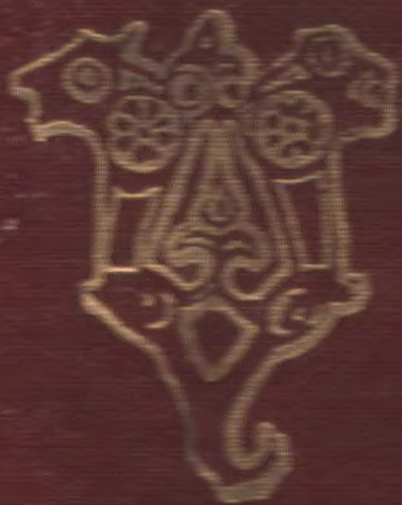
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЙ НОВОГРУДОК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

ДРЕВНИЙ НОВОГРУДОК

посад—окольный город

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Книга посвящена истории культуры одного из важнейших древних городов Белоруссии. В первой ее части публикуются археологические материалы, добытые экспедицией под руководством автора. Во второй — рассматриваются хозяйство и быт горожан конца X—XIII в.

Издание рассчитано на археологов и историков.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Н. Кирпичников

Г $\frac{10602\text{-}529}{042(02)\text{-}81}$ 115-81 0503000000

ВВЕДЕНИЕ

У Новогрудка, высясь над холмами,
в сияньи лунном замок золотится;
на дерн валов и на песок ложится
столбами тень, ломается углами
и в ров ползет, где, сжатая тесниной,
вода вздыхает под зеленой тиной.
Посад и город дремлют грудой черной;
лишь стражи ходят — по стене — у башни
и ночь тревожит оклик их дозорный. . .[1]

Письменными свидетельствами истории Новогрудка, как и других областей Западной Руси и Литвы, долгое время служили литовские и литовско-русские летописи XV—XVI вв.,[2] а также труд польского хрониста XVI в. М. Стрыйковского.[3] В русской, украинской, польской и литовской исторической науке имеется немало работ, посвященных критическому разбору литовско-русского летописания. Итоги исследования этих источников изложены в капитальном труде В. Т. Пашуто и сводятся к тому, что литовско-русские летописи не всегда могут служить источником для раннесредневековой истории Литвы и Западной Руси.[4]

Бесспорные письменные свидетельства истории Новогрудка содержатся в Ипатьевской летописи. Они появились поздно, в период монгольского завоевания. Материалы о Новогрудке, известном в летописи как Новгородок, Новгород, Новгородец, Новый городец и Новый городок, относятся к 50—70-м гг. XIII в. В них рассказывается о проникновении галицко-волынских князей из Литвы в этот город. Летописец сразу вводит читателя в атмосферу напряженной борьбы двух враждующих лагерей, во главе одного из которых стоит Миндовг — «самодержец земли Литовской». Противную сторону возглавляет выдающийся политический деятель XIII в. князь Даниил Галицкий. Борьба за Новогрудок не прекращается и при преемниках обоих князей. Завершается она разгромом города волынским князем Львом в 1274—1276 гг[1] Еще два кратких упоминания о Новогрудке относятся к концу XIII в.[5]

Специальных работ по истории раннего Новогрудка не существует. Исключением является вышедшая более ста лет тому назад статья учителя новогрудской гимназии М. Дмитриева, пересказывающая сведения о городе, изложенные в труде М. Стрыйковского.[6] Отдельные упоминания об истории города можно встретить в ряде трудов, исследующих историю Литвы, Западной и Черной Руси (последняя включает земли Белорусского Понеманья).

Наименование Черная Русь появилось поздно. Т. В. Пашуто относит его к 1351 г., Н. Н. Воронин — к XV в., а А. В. Соловьев — даже к XVIII в.[7] Тем не менее этот термин имеет широкое хождение, и мы, естественно, будем им пользоваться. Как полагает В. Б. Антонович, земли Черной Руси уже в первой половине XIII в. являлись достоянием литовских князей.[8] По мнению М. К. Любавского Черная Русь служила опорой Литве. Здесь Литва черпала свою военную силу.[9] Польский историк Г. Ловмянский локализует Черную Русь в пределах Новогрудского воеводства, где находились сторожевые города, принад-

---

[1] Мицкевич А. Гражина. — Избранное. М., 1946, с. 209—210.

[2] ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 99—100, 231—236, 425—431 сл.

[3] Strjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i Wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846, kn. 1, s. 235.

[4] Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 67, 73.

[5] ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 816, 818, 828, 831, 838, 862, 863, 872—873, 920.

[6] Дмитриев М. Несколько слов краткого исторического обозрения русско-литовского Новогрудка. — Вестн. Рус. геогр. о-ва, 1858, т. 24, с. 227—240.

[7] Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 319; Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, с. 9; Соловьев А. В. Белая и Черная Русь. — В кн.: Русское археологическое общество в королевстве Югославии. Белград, 1940, с. 64.

[8] Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885, с. 44—45.

[9] Любавский М. К. Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915, с. 16.

лежавшие князьям Полесья. Автор полагает, что даже во времена Миндовга Черная Русь была скудной и малозаселенной страной, которая не могла удовлетворять нужды князя и его дружины.[10] Иначе оценивает роль Черной Руси Пашуто. «Заняв Черную Русь, а затем другие юго-восточные белорусские земли, Литва получила отнюдь не захолустье», — пишет он.[11]

Древний Новогрудок в исторических исследованиях ставят обычно в ряду других городов Понеманья: Гродно, Волковыска, Слонима и Здитова. В литературе довольно долго держалось представление о Новогрудке как о первой столице Литвы. Еще А. Мицкевич, говоря об оз. Свитезь, лежащем в 22 км к югу от Новогрудка, писал: «Отсюда виднелись кресты Новогрудка, тогдашней литовской столицы».[12] Одним из историков, полагавших, что Миндовг учредил свою столицу в Новогрудке, был В. И. Пичета.[13] Бóльшая же часть исследователей отвергает это предположение на том основании, что Новогрудок находился на славянской, а не на литовской территории.[14] В ряде работ город Миндовга разыскивался в коренной Литве.[15] Историк И. Лятковский возражал против сведений Густынской летописи о том, что Миндовг принял крещение в 1252 г. в Новогрудке. В то время когда крестился этот князь, писал автор, Даниил Галицкий занял соседние Слоним и Волковыск и стремился овладеть Новогрудком. Следовательно, церемония совершалась в городе, находившемся под угрозой захвата. Между тем крещение Миндовга, обеспечившее ему защиту со стороны курии, происходило весьма пышно. Осуществлял его епископ Холмский, с которым прибыли магистр Ливонского ордена и другие лица. Папский нунций писал о таком большом скоплении народа, что церемонию пришлось перенести за город.[16]

При всей недостаточности письменных свидетельств о Новогрудке бесспорно, что Литва и Волынь стремились овладеть этим городом в первую очередь. Получив Новогрудок, старший сын Даниила Роман стал вассалом Миндовга.[17] В. И. Пичета считал Новогрудок наиболее крупным городом земли.[18] По Г. Пашкевичу, Новогрудок мог быть использован Литвой для того, чтобы оттуда производить набеги на Брест, Холм и другие города Галицкой земли.[19] Политическое и культурное значение Новогрудка подчеркивает В. Т. Пашуто, относя его к крупнейшим городам Юго-Западной Руси наряду с Владимиром, Холмом, Галичем, Перемышлем и Львовом. Он называет Новогрудок центральным городом Черной Руси, в одном из монастырей которого мог быть даже свой летописец.[20] Что касается времени основания города, то уместно вспомнить мнение Н. П. Барсова, считавшего таковым XI в.[21]

Возможности письменных источников истории раннего Новогрудка уже исчерпаны, и воссоздать культурный облик города могут лишь археологические материалы.

Раскопки в Новогрудке до 30-х гг. нашего столетия не производились. Изучение древностей этого города началось со времени возведения памятника А. Мицкевичу. В 1931 г. на площадке Малого Замка — любимом месте прогулок поэта — был насыпан мемориальный курган 12-метровой высоты. Значительная часть земли была взята с территории Замковой горы, где по всей поверхности сняли слой толщиной до 2 м. Польские архитекторы — Ю. Ремер, А. Шишко-Богуш, Р. Гюртлер и др. — воспользовались земляными работами для изучения и реставрации архитектурных памятников Замковой горы. Итоги их исследований весьма значительны. Были открыты остатки трех башен и расчищена каменная облицовка вала. Усилиями польских исследователей Замковая гора, где прежде отмечали лишь руины двух башен,[22] приобрела тот вид, который имеет и поныне. На площадке Замковой горы было заложено шесть раскопов и траншей; некоторые из них достигали в глубину 3.2 м. Любопытно, что в нижних горизонтах культурного слоя Замковой горы встречены остатки гнилого и горелого дерева, которые исследователи связывали с первоначальным периодом истории замка. При земляных работах были обнаружены каменные ядра и монеты, относящиеся

---

10 Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. Wilna, 1932, kn. 2, s. 273.

11 Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 269.

12 Мицкевич А. Свитезь. — Избранное. М., 1946, с. 158.

13 Пичета В. И. Литовско-русское государство. — В кн.: Русская история в очерках и статьях. М., 1910, т. 2, с. 341.

14 Łowmiański H. Op. cit., s. 109; Paszkiewicz H. The origin of Russia. London, 1954, p. 198.

15 Вольтер Э. А. Где искать Летовию XIII в.? — ИОРЯС, 1910, кн. 3, с. 95—103.

16 Latkowski J. Mendog. — RAU. Ser. II, 1892, t. III—IV, s. 349—353; Русский исторический сборник. М., 1838, т. 1, кн. 3, с. 32.

17 Брянцев А. Д. История Литовского государства с древнейших времен. Вильно, 1889, с. 95—97.

18 Пичета В. И. Указ. соч., с. 341.

19 Paszkiewicz H. Op. cit., p. 205.

20 Пашуто В. Т. Указ. соч., с. 38—42.

21 Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 133.

22 Слупский А. Два древние памятника Новогрудка. — Минский листок, 1887, № 87.

ко времени княжения Казимира Великого (1310—1370 гг.) и Ягайло (1390 г.), а также к XVI—XVII вв. Работы на Замковой горе Новогрудка привели Гюртлера к выводу, что в истории замка можно проследить два периода: первый — основание крепости в XV в., второй — XVI—XVII вв.[23] Однако польские архитекторы не использовали и не оценили материалов, которые убедительно показывали, что новогрудский замок намного древнее XV в.

Суммировав данные, относящиеся к этой территории, мы решили изучить один из древнерусских городов Черной Руси.[24] Местом работ избрали Новогрудок, привлекавший внимание тем, что был окружен поселениями и курганными могильниками с типично славянским инвентарем.[25] Археологические работы в Новогрудке начались разведкой на территории города. На Замковой горе (детинце) были зачищены стенки ямы, где прослеживались слои бесспорно домонгольского времени. Аналогичные материалы удалось собрать и на площадке Малого Замка (посад—окольный город) при зачистке траншеи, вырытой для постройки кинотеатра. Кроме того, материалы, характерные для древнерусского города, дали шурфы, заложенные на холме, на котором стоит церковь Бориса и Глеба, на территории городского парка, расположенного у подножия Замковой горы, и в ряде других мест.

Начиная археологические работы в Новогрудке, следовало избрать основным объектом свободный от застройки детинец, на котором более двух десятилетий назад вели раскопки польские архитекторы-реставраторы. Однако обстоятельства вынудили обратиться к исследованию территории посада—окольного города, ибо это район усиленной застройки и в ближайшие годы будет потерян для археологии. Нужно было в первую очередь найти здесь площадку, доступную для раскопок. Местом работ избрали северо-восточную часть (4000 м²). Правда, и здесь стоят городские постройки, растут старые деревья и расположен мемориальный курган, что намного сократило площадь исследований.

Систематические археологические работы в Новогрудке начались в 1957 г. в центре избранной нами площадки. Судя по разведочным раскопкам, обнаружившим здесь культурный слой домонгольской поры, можно было предполагать, что придется иметь дело с материалами, типичными для городского посада лесной полосы. Велико было наше удивление, когда при разборке слоя XII—XIII вв. открылись остатки совершенно необычных построек. В них поражало все: их большие размеры (площадь до 100 м²); наличие кирпича и оконного стекла, встречающегося среди строительных остатков; стенная роспись одной из построек; разнообразный инвентарь, в составе которого было много предметов роскоши и уникальных изделий. В 1959 г. вблизи южной башни детинца был заложен разведочный раскоп площадью 24 м², который лишь в 1962 г. был доведен до материка, да и то не на всей площади. Работы показали, что мощность культурного слоя достигает здесь примерно 5 м.[26] В 1965—1967 гг. археологические работы велись в южной, малонаселенной в древности части поселения, где было открыто христианское кладбище, возникшее одновременно с богатыми постройками.[27] С 1968 г. производятся исследования в северной части детинца.[28] Наряду с археологическими раскопками в Новогрудке раскапывали курганный могильник вблизи города.[29]

Кроме нас в Новогрудке работали П. А. Раппопорт и М. А. Ткачев (исследовали валы Замковой горы и Малого Замка), М. К. Каргер (под современной церковью Бориса и Глеба открыл остатки древнерусского храма), М. В. Малевская (исследовала памятники монументального зодчества).[30]

Археологические исследования в Новогрудке с самого начала показали, что задолго до того времени, когда он был впервые упомянут в летописи, здесь существовал древнерусский город. Письменные свидетельства о Новогрудке не начинали, а как бы завершали его историю. Благодаря раскопкам накоплен обильный материал и наступило время подвести итоги первого этапа его изучения. Наша работа, посвященная древнему Новогрудку, основана на материалах, добытых на террито-

---

[23] Gürtler R. Roboty konserwatorskie na górze Zamkowej w Nowogródku (Sprawozdanie ogólnie). — Ochrona zabytkow sztuki, 1930—1931, s. 181—188.

[24] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, гл. V.

[25] Гуревич Ф. Д. К истории древнего Новогрудка. — Światowit, 1962, t. 24, s. 556—575.

[26] Зильманович И. Д. Раскопки детинца в Новогрудке в 1962 г. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 93—98.

[27] Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 36—39.

[28] Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 93—99.

[29] Павлова К. В. Раскопки могильника близ древнего Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 99—105.

[30] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 122—124; Малевская М. В. Монументальные сооружения новогрудского детинца XIV—XV вв. — КСИА, 1973, вып. 135, с. 90—97; Каргер М. К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 79—85.

рии Малого Замка, т. е. на площади посада— окольного города. Своей первоочередной задачей мы считаем публикацию археологических данных, что и составляет первую часть работы. В ней определяются особенности стратиграфии, выявляются комплексы, распределение вещевого материала по жилым и хозяйственным постройкам, наконец, приводится датировка отдельных строительных периодов древнего Новогрудка. Все это — необходимая источниковедческая основа дальнейшего исследования, придающая полученным при раскопках материалам значение полноценного исторического источника. Во второй части работы рассматриваются хозяйство и быт Новогрудка X—XIII в. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные позволили прочитать некоторые страницы истории одного из городов Черной Руси, охарактеризовать его ремесло и торговлю, а также социальный и культурный облик в домонгольский период.

Новогрудская археологическая коллекция, добытая раскопками на ограниченной территории, представляет широкие возможности для специального изучения ее материалов. Нами в соавторстве с Р. М. Джанполадян и М. В. Малевской осуществлена публикация уникальной стеклянной посуды восточного происхождения.[31] Исследование М. В. Малевской посвящено новогрудской керамике.[32]

Как каждое исследование, основанное на археологических источниках, полученных в итоге раскопок, наша работа опирается на труд большого коллектива. К сожалению, автор лишен возможности перечислить всех тех, кто самоотверженно трудился в нелегких полевых условиях: новогрудских школьников, студентов Ленинграда, Минска и Горького, а также любителей археологии, проводивших на раскопках свое отпускное время. Под руководством М. В. Малевской и К. В. Павловой производились раскопки как в самом Новогрудке, так и на курганном могильнике. Их усилиями осуществлялась и камеральная обработка материала. Малевская, кроме того, в течение нескольких лет занималась графическими работами, ей же принадлежат реконструкции ряда археологических объектов и находок. Руководителями отдельных участков новогрудских раскопок за истекшие годы были также Е. А. Будяковская, И. Д. Зильманович, В. И. Кильдюшевский, В. А. Назаренко, Г. М. Падва, Т. С. Пономарева, И. М. Рахимова и Е. В. Шолохова. Много лет полевую регистрацию материала вела С. Л. Чернявская. Развертыванию археологических работ, организованных ЛОИА, способствовала денежная помощь, оказанная Белорусским историко-революционным и Гродненским историко-археологическим музеями.

Наша работа выполнена в группе славяно-русской археологии ЛОИА. Хотелось бы отметить большую помощь всех вспомогательных отделов этого учреждения (библиотеки, рукописного и фотоархивов, фотолаборатории и графического бюро). Автор очень признателен всем, кто своим участием и добрым советом помог ему осуществить работу.

---

[31] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

[32] Малевская М. В. Керамика городов Черной Руси. — Арх. автора.

Часть первая

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Глава 1

Топография и стратиграфия древнего города

Остатки древнего города уцелели на двух холмах Новогрудка: Замковой горе и Малого Замка. В Ипатьевской летописи под 1274 г. они поименованы детинцем и окольным городом: «Лев же лесть учини меж и братьею своею утаився Мьстислава и Володимера взя околнии град и с татары, а детинец остася».[1]

Замковая гора (или детинец) занимает один из наиболее высоких холмов Новогрудской возвышенности (324 м над ур. м.). Детинец имеет неправильно-трапециевидную форму, с севера на юг простирается на 75 м, с востока на запад — на 100 м. Он окружен кольцевым валом высотой около 6 м. Ширина вала у основания 25—27 м, на гребне 4—5 м. С тыльной стороны и отчасти снаружи вал облицован камнями. На валу детинца стоят развалины каменно-кирпичных башен (рис. 1). Неприступность детинца с его крутыми склонами усиливал ров глубиной 10 м, шириной 10—12 м.

Летописный «околнии град» расположен на соседней с детинцем возвышенности — территории Малого Замка. По площади окольный город, имеющий в плане форму трапеции, намного больше детинца: 180×160 м в наиболее широкой части (рис. 2). На севере окольного города едва заметны остатки земляного вала, а с юга он огражден двумя линиями каменных стен, из которых одна сооружена на краю площадки, а вторая — на склоне. По кладке они повторяют стены детинца. С юга окольный город, по-видимому, был окружен рвом, разрушенным при позднейшей застройке. У подножия обеих возвышенностей на 260 м тянется вал высотой 7.5 м.

Детинец и окольный город занимали, таким образом, господствующие возвышенности. К западу и востоку от них расположены холмы, которые также представляют интерес для археолога. На соседнем с окольным городом холме высится собор Бориса и Глеба (XVI в.), а на возвышенности к востоку от детинца стоит костел. Горой Миндовга именуется возвышенность на восточной окраине; здесь, по преданию, погребен первый литовский князь.

Видимо, на новогрудских холмах существовало несколько поселений, которые, судя по находкам, относятся к концу эпохи неолита и началу эпохи бронзы. В культурном слое древнего города изредка встречались каменные и кремневые орудия, заготовки для них; найдены обломки каменных сверленых топоров, кремневый топор и другой кремневый инвентарь (скребки, наконечники стрел, нуклеусы и т. д.). Но слой, где бы эти предметы лежали in situ, не выявлен. Возможно, что рассматриваемая территория была заселена в первые века нашей эры, на что указывают единичные обломки керамики данного периода, встречавшиеся при раскопках. Ко времени основания Новогрудка культурный слой древнейших поселений был уже разрушен.

Обратимся к культурному слою интересующего нас времени. С 1957 по 1967 г., т. е. за 10 полевых сезонов (в 1964 г. работы не велись), на территории Малого Замка раскопано 1992 м². В первый год работ площадь раскопа немногим превышала 170 м². Участок 1957 г., ориентированный с северо-запада на юго-восток, определил направление раскопов последующих лет. В 1958—1963 гг. прирезка производилась севернее, северо-восточнее и северо-западнее первоначального раскопа, а в последние годы — юго-восточнее его. В итоге наших раскопок была почти полностью исследована территория Малого Замка вблизи мемориального кургана А. Мицкевичу, сооруженного у края площадки.[2]

---

[1] ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 873.

[2] В 1957—1959 гг. глубина залегания слоев и объектов измерялась с помощью ватерпаса. Начиная с 1960 г.

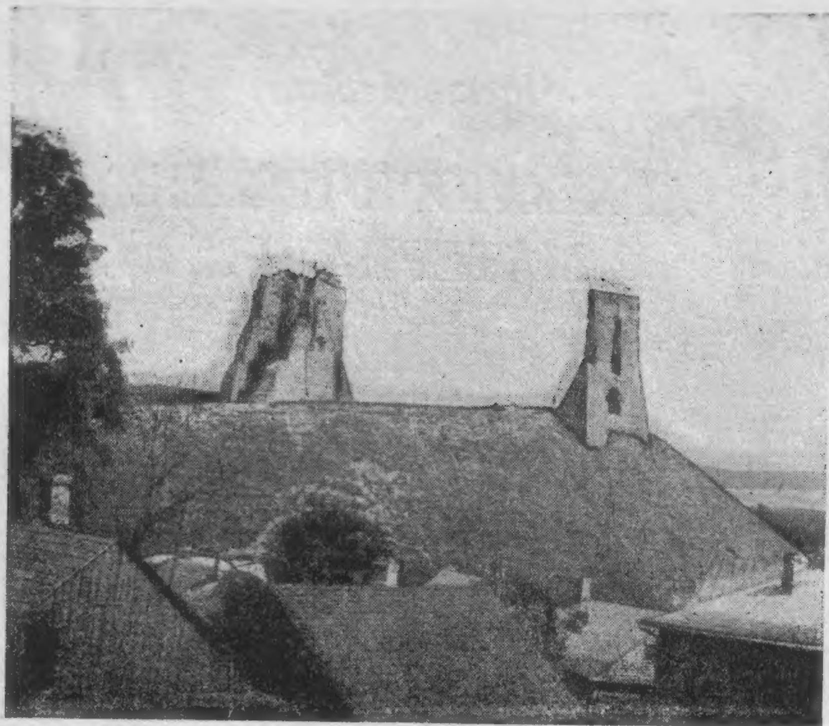

Рис. 1. Новогрудский детинец.

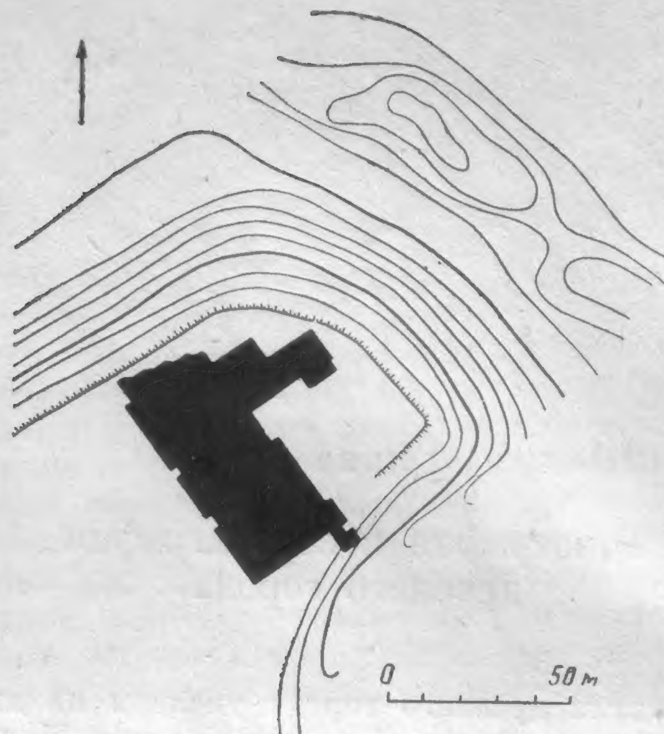

Рис. 2. Окольный город. Территория раскопа.

Культурный слой поселения, мощность которого в центре площадки 1—1.2 м, а по краям более 3 м, состоит из трех основных напластований. Представление о них дают разрезы стенок, сделанные в северной и южной частях раскопа (рис. 3). Непосредственно под дерном лежал пласт довольно светлой окраски, который простирался на глубину до 1 м. В нем встречен строительный развал из брусчатых кирпичей (28×13×7 см), камней, необожженной и обожженной глины. Найдены изразцы, керамика (много поливных сосудов), железные, бронзовые, стеклянные вещи и предметы из других материалов, а также единичные монеты преимущественно XVI—XVII вв. (определение В. М. Потина).

В предлагаемой книге, посвященной культуре посада—окольного города в домонгольскую эпоху, не могут быть рассмотрены материалы позднесредневекового Новогрудка (XIV—XVII вв.). Они ждут специального исследования. Некоторые из них анализируются в статье О. В. Овсянникова и исследовании М. А. Ткачева.[3]

Под верхним (поздним) напластованием культурного слоя нередко лежал стерильный песок. В разрезе северной стенки повсеместно прослеживался слой песка толщиной от 20 до 80 см. В других местах, судя по разрезам, песок залегал лишь на отдельных участках. Второе напластование культурного слоя (среднее) имеет темно-коричневую окраску. Толщина его, возраставшая от центральной части площадки к ее склонам, колебалась от 30 до 80 см. В этом напластовании, иногда прорезанном слоями песка, обнаружен строительный развал. Особенно интенсивным он выглядит в разрезе северной стенки раскопа, где встречены куски сгоревшего дерева, камни, обожженная глина, угольный слой, зола и кирпичи. Наличие последних несколько настораживало. Однако они коренным образом отличаются от брусчатых кирпичей, относившихся к строительным остаткам позднего Новогрудка. Кирпичи среднего напластования культурного слоя найдены преимущественно в обломках. Целые экземпляры сравнительно редки. Размеры их 25—30×16—19×3.5—5 см. Кирпичи ровно и хорошо обожжены, хотя попадаются и покоробленные при обжиге. Преобладают кирпичи обычной прямоугольной формы, но имеются и лекальные с закругленными углами, трапециевидные и др. По фактуре, размерам и форме кирпичи из среднего напластования культурного слоя близки кирпичам древнерусских монументальных сооружений, в частности тем из них, которые были возведены на территории Белоруссии.[4] Это позволяет датировать и наши кирпичи домонгольским временем. Среднее напластование культурного слоя в отдельных случаях достигало материка, представлявшего

для этой цели использовался нивелир. Репером при этом служил угол фундамента общественного здания, к которому примыкал раскоп.

[3] Овсянников О. В. Архитектурно-декоративная керамика XVI—XVII вв. из Новогрудка. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 122—125; Ткачоў М. А. Замкі Беларусі. Мінск, 1977, с. 21.

[4] Очерки по археологии БССР. Минск, 1972, т. 2, с. 199, 201, 202, 204.

собой светлый песок с вкраплениями ржавчины, но чаще всего под ним залегал пласт интенсивного черного цвета. Иногда среднее напластование от нижнего отделял слой древесного тлена толщиной 10 см. Обычно же оно лежало непосредственно на нижнем. Толщина последнего в центральной части площадки 20—25 см, а ближе к склонам 40—60 см. Черный слой нижнего напластования заполнял также бóльшую часть ям, которыми изобилует материк поселения, раскопанный на территории Малого Замка. Строительные остатки нижнего напластования, за исключением кирпичей, идентичны строительным остаткам среднего напластования.

Таким образом, основными объектами нашего исследования стали среднее и нижнее напластования культурного слоя, резко отличавшиеся от верхнего, содержавшего материалы XIV и более поздних веков. Среднее и нижнее напластования культурного слоя, которые мы впредь будем называть его верхним и нижним горизонтами, отражают основную стратиграфию раннесредневекового поселения.

Разумеется, в истории Новогрудка интересующего нас времени были не два строительных периода, а, как мы постараемся показать ниже, значительно больше. Однако в первую очередь необходимо определить абсолютную хронологию двух основных горизонтов поселения. Различие между горизонтами устанавливается не только по характеру гумуса и строительным остаткам, но и по инвентарю.

Коллекция, собранная за время раскопок поселения на холме Малого Замка, насчитывает примерно 26 500 номеров. Из них на массовую керамику, обломки амфор и поливных сосудов приходится около 17 000. Более 9000 находок — вещи из металла, стекла, кости, камня и других материалов. Ценность этих вещей в том, что они происходят из слоев, которые, как правило, позднее не были перекопаны. Бóльшую часть находок составляют предметы, аналогичные средневековым русским древностям, и в первую очередь из Новгорода. Детально разработанная шкала новгородских находок служит эталоном при датировке многих вещей нашего поселения. Хронология новогрудских изделий опирается также на другие хорошо датированные материалы. Некоторые категории вещей могут быть сопоставлены с находками из курганов, исследованных в окрестностях Новогрудка, являющихся закрытыми комплексами, в чем их особая для нас значимость.[5]

Во время разведочных работ 1956 г. нами был открыт ряд могильников вблизи Новогрудка. В том же сезоне в могильниках у деревень Бретянка, Ладенники, Городиловка, Коростово и Сулятичи было раскопано 13 курганов. С 1963 по 1972 г. в составе Новогрудской экспедиции работал курганный отряд под руководством К. В. Павловой. Им раскопано 74 кургана, расположенных в радиусе 1.5—10 км от города. Следовательно, мы располагаем данными о 87 новогрудских курганах. Наибольший интерес из них представляют ближайшие к городу курганы у д. Бретянки. Этот могильник, в котором в 1956 г. насчитывалось 120 курганов, мы считаем кладбищем первоначального Новогрудка. Здесь вскрыт 31 курган X—XI вв. Они небогаты инвентарем. Исследованные комплексы содержат общерусские, надежно датированные вещи в сочетании с керамикой, аналогичной отдельным типам новогрудских сосудов, что способствует абсолютной датировке последних.[6] В ряде случаев мы опираемся на материалы других могильников из окрестностей Новогрудка.

Возвращаясь к материалам нашего поселения, отметим, что ассортимент вещей верхнего горизонта гораздо выразительнее набора предметов из нижнего горизонта. Только в верхнем горизонте встречены следующие находки: стеклянные браслеты, амфоры, оконное стекло, сосуды византийского и сирийского происхождения из стекла, предметы христианского культа, золотые украшения, детали конского убора и т. д.[7] К этому перечню следует присоединить некоторые категории вещей, абсолютное большинство которых было найдено в заполнении культурного слоя верхнего горизонта и лишь единичные встречены в нижнем горизонте. Значительная часть находок — осколки стеклянных сосудов, изготовленных

[5] Курганные могильники в окрестностях Новогрудка — тема исследования К. В. Павловой.

[6] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 99—111; Павлова К. В. Раскопки могильника близ Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 99—105.

[7] Часть перечисленных нами новогрудских находок (стеклянные и фаянсовые сосуды, стеклянные браслеты, амфоры, поливная керамика и ряд других категорий вещей) опубликована в советской литературе (см.: Гуревич Ф. Д. 1) Стеклянный резной бокал из Новогрудка. — СА, 1963, № 2, с. 243—246; 2) Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 34—36; Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968; Джанполадян Р. М. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, 1961, т. 19, с. 166—167; Малевская М. В. 1) Амфора с надписью из Новогрудка. — СА, 1962, № 4, с. 238—241; 2) Поливная керамика Новогрудка. — СА, 1969, № 3, с. 194—203; 3) Амфоры Новогрудка XII—XIII вв. — В кн.: Тез. конф. по археол. Белоруссии. Минск, 1969, с. 185—191).

Таблица 1. Типы амфор

Тип	Форма	Орнамент	Количество (%)
I	Грушевидное тулово, узкое круглое дно, массивные, поднятые над горлом ручки	Частые бороздки	8.3
II	Широкие тулово и круглое дно, низкое горло, над которым подняты ручки	Рифление, нанесенное в верхней части тулова	81.3
III	Суживающееся книзу круглодонное тулово, ниже горла прикреплены маленькие ручки	Глубокие и широкие желобки, нанесенные в средней части тулова	0.9
IV	Сравнительно широкое тулово, почти плоское дно, ниже горла прикреплены маленькие ручки	Слабое рифление	2.6
V	Удлиненное круглодонное тулово, иногда с перехватом, низкое горло, над которым возвышаются ручки	Слабо врезанные горизонтальные линии, нанесенные на значительном расстоянии друг от друга	5.5

в древнерусских мастерских. Из 229 осколков все, за исключением двух, были найдены в верхнем горизонте. Такая же картина наблюдается в распределении фрагментов поливной керамики (200): 197 из них собрано в верхнем горизонте культурного слоя. За время раскопок обнаружено 13 стилей (писал), только один из них (железный) происходит из нижнего горизонта.

Наиболее многочисленную категорию вещей составляют стеклянные браслеты. В Новогрудке, как и в некоторых других древнерусских городах, им принадлежит второе место после массовой керамики. Работы советских исследователей, и в первую очередь Ю. Л. Щаповой, позволяют использовать стеклянные браслеты в качестве хорошо датирующего материала. Цветовая гамма браслетов, их классификация по форме и особенно химический анализ стекла дали возможность отделить привозные (византийские) браслеты от древнерусских, а среди последних выделить продукцию киевских ремесленников, отличавшуюся от изделий, вышедших из мастерских Новгорода, Смоленска, Полоцка и ряда других центров. 520 стеклянных браслетов, изученных Щаповой, аналогичны браслетам двух западнорусских городов: Минска и Волковыска. Химический анализ 46 новогрудских браслетов позволил прийти к выводу, что 80% вещей изготовлено из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Этим рецептом пользовались киевские ремесленники. Для 15% браслетов установлен натриево-кальциевый состав, свойственный продукции византийских мастерских, а для 5% — свинцово-кремнеземный состав, указывающий на то, что они сделаны мастерами городов Северо-Западной Руси.[8]

В лаборатории археологической технологии ЛОИА химическому анализу подвергли 17 браслетов. Соотношение различных стекол оказалось примерно таким же: 76.6% браслетов сделано из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, 17.4 — из натриево-кальциевого и 6% — из свинцово-кремнеземного. Иначе говоря, 94—95% новогрудских стеклянных браслетов либо изготовлено в киевских мастерских, либо попало в Новогрудок из Византии через южнорусские земли. Их могли привезти сюда до 40-х гг. XIII в. — времени разорения Киева и захвата южнорусских земель монголами. Только 5—6% браслетов, сделанных в городах, не пострадавших от монгольского нашествия, можно отнести к более поздним изделиям. Киевские стеклянные браслеты, производство которых было освоено к 30-м гг. XII в., определяют нижнюю дату бытования бо́льшей части браслетов новогрудской коллекции. Несколько раньше в город могли попасть византийские экземпляры.

В Новогрудке найдено много обломков амфор. Основные данные о них опубликованы М. В. Малевской. Исследовав 2202 фрагмента амфор, относящихся примерно к 70 сосудам, она выделяет пять типов (табл. 1). Для 0.9% амфор тип не определен. Первым трем типам новогрудских амфор можно указать параллельные находки в древнерусских городах, которые датируются XI—XIII вв. Аналогии IV и V типам амфор неизвестны.[9] Изготовленные в Северном Причерноморье новогрудские амфоры, как и большинство стеклянных браслетов, не могли попасть в Понеманье позднее 40-х гг. XIII в. Основная же часть амфор появилась в городе не раньше начала XII в.

Византийские и ближневосточные стеклянные сосуды из Новогрудка неоднократно фигурировали в советской археологической литературе. Главный вывод, к которому приводит их исследование, вполне согласуется с тем,

[8] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 112, 166, 168.

[9] Малевская М. В. Амфоры Новогрудка. . ., с. 185—188.

что, показали стеклянные браслеты и амфоры. С монгольским нашествием доступ этим сосудам в Новогрудок был закрыт. *Менее четкой* представляется дата появления стеклянных сосудов, поскольку выделка аналогичных вещей в Византии, Сирии и Египте началась с XI в.[10]

Находки оконного стекла в гражданском строительстве Древней Руси крайне редки. Новогрудок в этом отношении представляет исключение. 302 найденных здесь фрагмента оконного стекла принадлежат примерно 40 оконным дискам диаметром 20—22 см, с бортиками шириной до 4 см. Ю. Л. Щапова установила родство оконного стекла калиево-свинцово-кремнеземного состава со стеклянными сосудами киевского производства.[11]

К перечню предметов, доставленных в Новогрудок до нашествия монголов, следует присоединить стеклянные вставки. Бóльшая часть их изготовлена из калиево-свинцово-кремнеземного стекла. Прибавим к этому стеклянные сосуды киевского производства, обломки фаянсовых сосудов, изготовленных в мастерских Ирана, и некоторые другие категории вещей, о которых упоминалось выше.[12]

Киевский импорт и привозные изделия из Византии и стран Ближнего Востока, которые в новогрудской коллекции представлены массовыми находками, намечают наиболее позднюю дату верхнего горизонта — 40-е гг. XIII в. Однако очень возможно, что предельная дата немного более поздняя. Новогрудские привозные вещи, особенно стеклянные сосуды, были дороги и, очевидно, бережно хранились их хозяевами. Трудно сказать, сколь долго новогрудцы пользовались последней партией киевских и византийско-восточных изделий. Ответ на этот вопрос дает летописец, сообщающий под 1274 г. о взятии окольного города Новогрудка ратью волынского князя Льва (см. с. 7). 1274 г. — наиболее вероятная дата, определяющая конец существования поселения, соответствующего верхнему горизонту культурного напластования. Такому выводу не противоречит то обстоятельство, что среди находок встречено немного вещей, появившихся не ранее второй половины XIII в. К ним относятся бронзовые серьги в форме вопросительного знака с напущенными бусами или спиральками (рис. 4) [13] и некоторые другие предметы.

Рис. 4. Серьги.

Отнеся конец существования поселения к третьей четверти XIII в., необходимо установить время возникновения жизни на территории Малого Замка. Для этого обратимся к материалам нижнего горизонта. В нем нет того обилия датирующих находок, которое отличало верхний горизонт. Однородных предметов, за исключением керамики, встречено немного; среди них шиферные пряслица, ремесленный, промысловый и другой инвентарь, бытовавший в течение нескольких веков. Часто попадаются единичные изделия.

Прочную узкую дату имеют немногие категории вещей, в том числе и некоторые единичные находки. Только в нижнем горизонте встречены стеклянные бусы «лимонки», или лимоновидные (рис. 5, *1*), бытование которых прекращается в XI в.[14] В это же время исчезают глазчатые бусы (рис. 5, *2*). Мозаичные пронизки (рис. 5, *3*) датируются более ранним периодом — IX—X вв.[15]

Выделяются семь односторонних гребней (рис. 5, *4*) и футляр от одного из них (рис. 5, *8*). Время их существования не выходит за пределы XI в.[16] Единичной находкой является обломок навершия одностороннего гребня в виде фигурки животного (рис. 5, *5*). Гребни такого рода, найденные во Владимирских курганах, Старой Ладоге, Пскове и других местах, относятся к X—XI вв.[17] Хронологию нижнего горизонта до некоторой степени определяют и отдельные металлические украшения. К ним относится бронзовая крестовидная булавка, покрытая серебром и чернью (рис. 5, *7*). Форма этих украшений, типичная для ма-

---

[10] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 10—11.
[11] Щапова Ю. Л. Указ. соч., с. 67—68.
[12] Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия. . ., с. 34, 35; Щапова Ю. Л. Указ. соч., с. 47—51.
[13] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 65, с. 226, рис. 1, *11*, *12*.

[14] Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, с. 104.
[15] Гуревич Ф. Д. Древнейшие бусы Старой Ладоги. — СА, 1950, вып. XIV, с. 170—172.
[16] Колчин Б. А. Указ. соч., с. 100—101.
[17] Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, вып. 15, рис. 377; Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги. — АСГЭ, 1962, вып. 4, рис. 4, *1—3*.

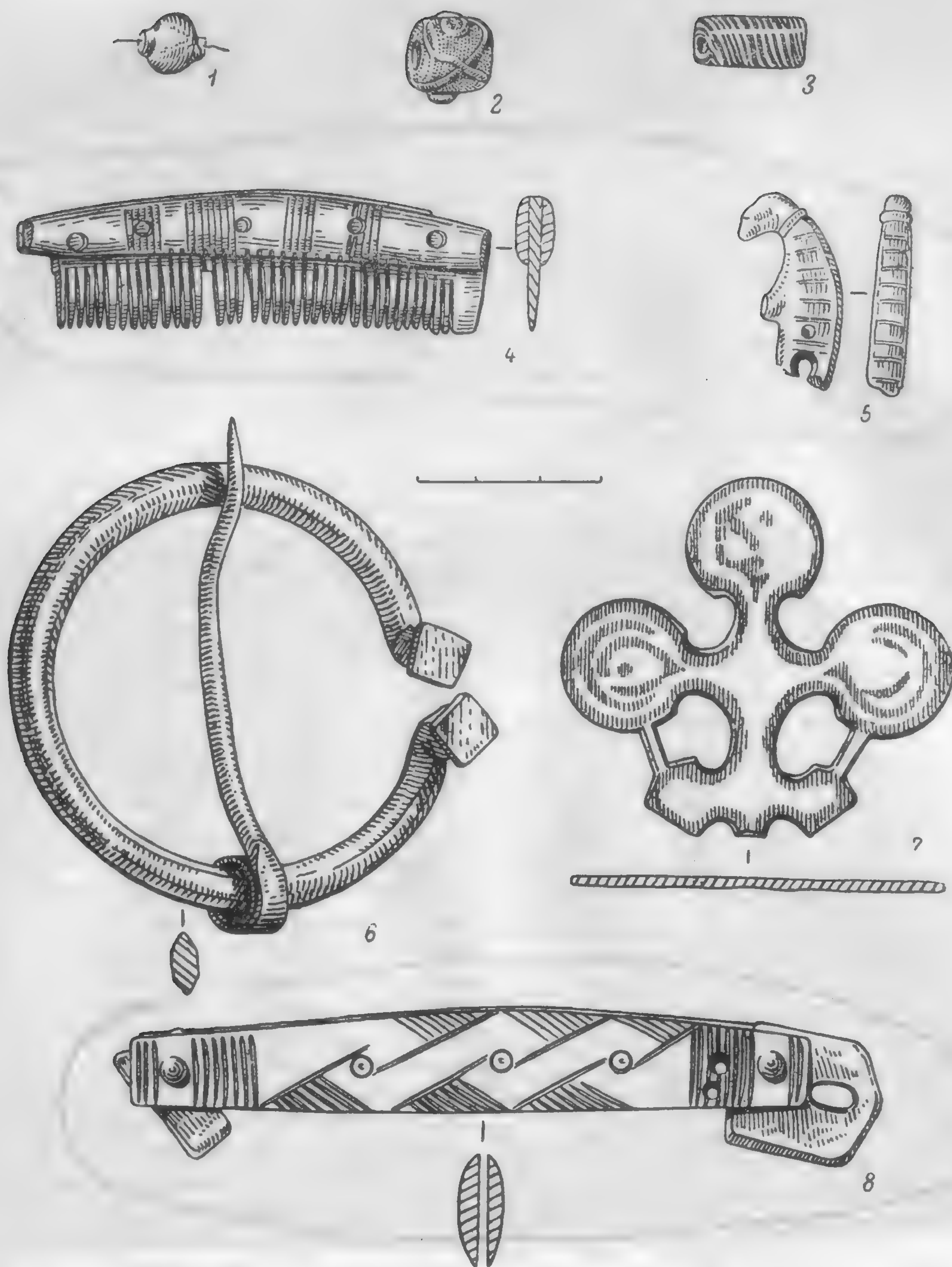

Рис. 5. Находки, характерные для нижнего горизонта.

1—3 — бусины; *4*, *5* — гребни; *6* — пряжка; *7* — булавка; *8* — футляр от гребня.

териковой Эстонии, восходит к изделиям VI—VIII вв.[18] Четкие хронологические рамки имеет крупная бронзовая подковообразная фибула с концами в форме усеченных пирамид (рис. 5, *6*). Подобные украшения датируются X—XI вв.[19] Все указанные предметы нижнего горизонта были в Новогрудке привозными, и поэтому их дату можно считать довольно надежной.

Отметим также, что из 50 глиняных пряслиц, весьма характерных для славянских поселений конца I—начала II тыс. н. э., 49 относится к нижнему горизонту. При малочисленности датирующих вещей нижнего горизонта особое значение для установления его хронологии приобретает массовая керамика поселения, исследованного на территории Малого Замка. Согласно классификации М. В. Малевской, в керамический комплекс входят следующие сосуды: горшки с отогнутым венчиком, горшки с вертикальным горлом,

[18] Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis von 500 bis etwa 1250 n. Dorpat, 1925, Bd 2, S. 79—80, Taf. VI, *2—4*.

[19] Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 182—183.

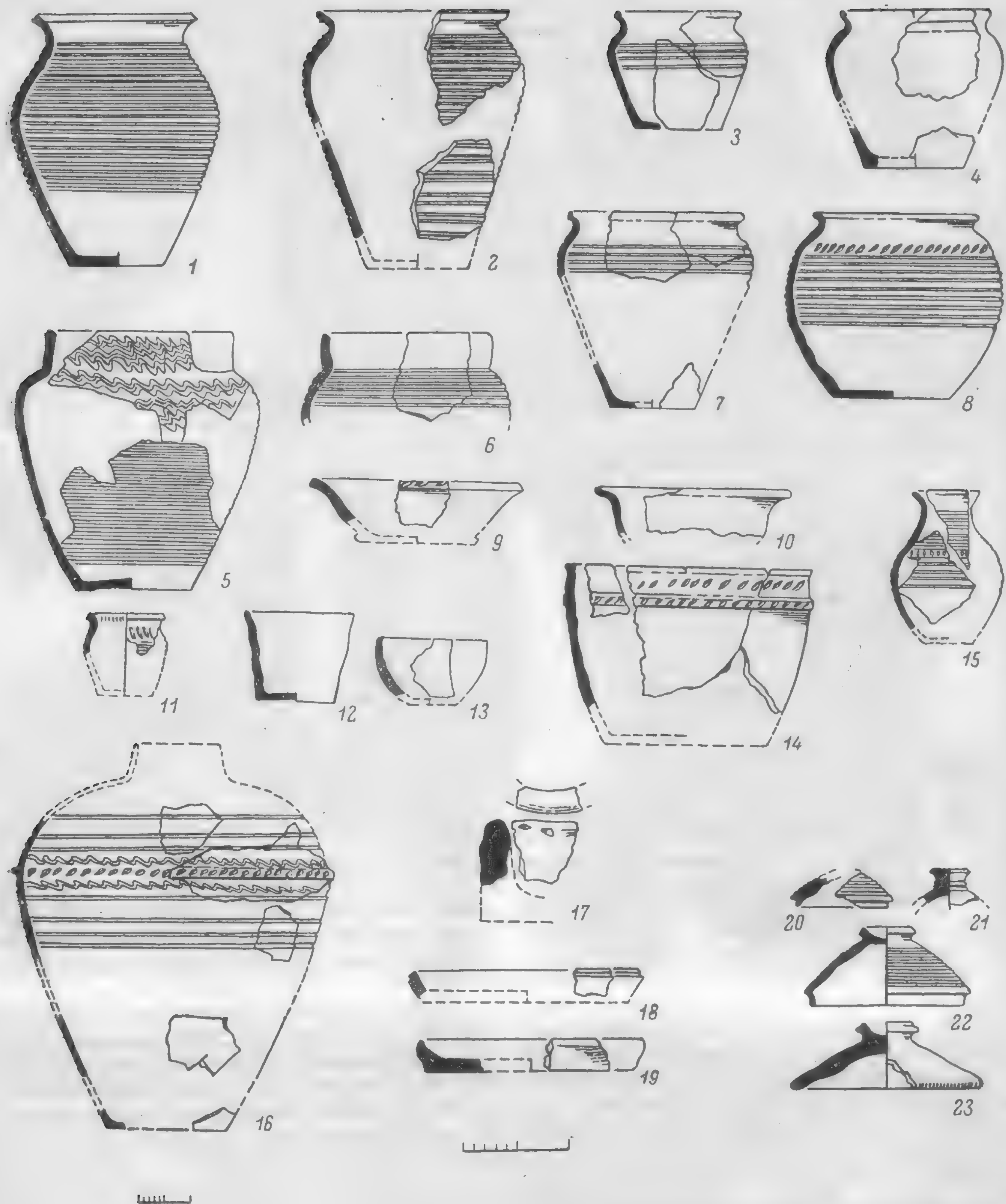

Рис. 6. Массовая керамика (*1—23*). По М. В. Малевской.

Таблица 2. Типы горшков с отогнутым венчиком

Тип	Форма			Орнамент	№ рисунка
	венчик	шейка	тулово		
I	Слабо отогнут, с прямо или косо срезанным краем	Мягко выгнута	Конусовидное, максимальный диаметр на 1/2 высоты сосуда	Горизонтальное или волнистое рифление, редко — наколы, очень редко — штамп	6.*1*
II	На внешней стороне имеет утолщение	Мягко выгнута, изредка вертикальная	Конусовидное, максимальный диаметр на 2/3 высоты сосуда	Горизонтальное рифление	6.*2*
III	Горизонтально срезан, с выступом изнутри	То же	То же	То же	—
IV	Край завернут и скошен, образует изнутри небольшое утолщение и выступ	»	»	»	—
V (I)	Скруглен, край загнут внутрь	Мягко выгнута или четко выражена	Конусовидное	Горизонтальное рифление, иногда в сочетании с волной	6.*3*
VI (II)	Прямой, почти загнутый	Мягко выгнута, большей частью короткая	То же	То же	6.*4*
VII (III)	Длинный, слегка вогнутый, со скошенным внутрь краем, иногда изнутри имеется желобок	То же	»	»	6.*7*
VIII (IV)	Край скруглен, иногда утолщен или косо срезан	Мягко выгнута	»	»	—
IX (V)	Короткий с округлым или скошенным краем	То же	Чаще округлое	Горизонтальное рифление, ряды ногтевых вдавлений, уплощенный валик с ногтевой насечкой	6.*8*

Примечание. В первой графе в скобках — номера типов по: Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах..., с. 28—29.

миски, кувшины, сковороды, столовая посуда, тара для хранения запасов и жаровни (рис. 6).[20] Абсолютное большинство керамики (94%) составляют горшки с отогнутым венчиком (табл. 2). Горшки I—IV типов сделаны из глины с примесью крупнозернистой или среднезернистой дресвы. Значительная часть горшков I типа обточена на круге лишь вверху. Горизонтальный и волнистый орнамент, покрывающий бóльшую часть сосуда, нанесен гребенкой или палочкой. Горшки V—IX типов изготовлены из глины с примесью крупного песка или дресвы, реже — мелкого песка. Линией или волной украшен главным образом верх сосуда. Орнамент нанесен палочкой. Среди горшков с вертикальным горлом преобладают сосуды, отличающиеся от новогрудских массовых горшков лишь формой горла (рис. 6, *5*, *6*). Имеется небольшая группа, соответствующая мазовецким горшкам с вертикальным горлом. Сведения о мисках сведены в табл. 3. Крышки представлены тремя типами: I — сфероконические с карнизиком (рис. 6, *20*); II — сфероконические с карнизиком и цилиндрической шейкой (рис. 6, *21*); III — конические (рис. 6, *23*).

Среди сковородок выделяются два типа: I — с прямым округленным краем, скошенным внутрь (рис. 6, *18*); II — с краем, у которого снаружи имеется выступ (рис. 6, *19*). Остальная керамика состоит из следующих видов: кувшины, орнаментированные горизонталь-

[20] Малевская М. В. 1) К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 27—31; 2) Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). — КСИА, 1972, вып. 129, с. 14—20.

Таблица 3. Типы мисок

Тип	Венчик	Особенности формы тулова	Орнамент	№ рисунка
I	Отогнут, срезан	Диаметр венчика значительно превышает диаметр плечиков	Насечка по краю	6.*9*
II	Вогнут, изнутри желобок	То же	То же	6.*10*
III	Прямой	Стенки слегка выпуклые	Валик с насечкой, ногтевые вдавления	6.*14*

ными линиями, иногда в сочетании с волной (рис. 6, *15*); столовая посуда (кружки, чашки, плошки и миниатюрные горшки; рис. 6, *11—13*); толстостенные сосуды (корчаги) для хранения запасов (рис. 6, *16*) и жаровни (рис. 6, *17*) — единственный вид лепной керамики в Новогрудке.

Приведем суммарные данные о распределении новогрудской керамики по горизонтам поселения:

Горизонт	Ассортимент керамики
Верхний	Горшки V—IX типов, немного горшков IV типа, горшки с вертикальным горлом, миски II—III типов, кувшины, столовая посуда (кружки, чашки, плошки), крышки, корчаги
Нижний	Горшки I—IV типов, немного горшков V типа, горшки с вертикальным горлом, миски I типа, сковороды, жаровни, столовая посуда (миниатюрные горшки)

Основные формы новогрудской керамики — общеславянские. Вместе с тем эта керамика является несомненно местной продукцией, но для использования в качестве датирующего материала она сама должна иметь твердый хронологический критерий. Время бытования различных групп новогрудской керамики на основании сравнительного материала установлено М. В. Малевской. Наша задача — выделить те группы или типы сосудов, хронологические рамки которых можно определить с помощью датированных новогрудских курганов.

Имеются убедительные основания для датировки горшков II типа. Подобные горшки служили погребальными сосудами в новогрудском курганном могильнике, курганах у д. Городиловки и некоторых других могильниках XI в.[21] В кургане XI в. близ Новогрудка встречен также один горшок III типа, а в могильнике у д. Сулятичи, курганы которого датируются преимущественно XI—XIII вв., найдена миска II типа.[22] Дата горшков II типа, которые наряду с горшками I типа составляют наиболее характерную часть керамического комплекса нижнего горизонта поселения,[23] дает основание отнести частично обработанные на круге горшки I типа к более раннему времени. Внедрение гончарного круга у славянского населения лесной зоны происходило в X в. Вместе с тем вряд ли правомерно отодвигать бытование горшков I типа далеко в глубь от XI в. Резкого стратиграфического и хронологического разрыва между ними не было, хотя горшки I типа безусловно старше горшков II типа.

Среди других находок почти нет вещей, бытование которых ограничилось бы X в. Чаще всего они характерны и для X, и для XI в., не говоря уже о том, что встречены вещи с более широким хронологическим диапазоном.

Не последнюю роль для установления начальной даты поселения играет новогрудский курганный могильник. Раскопки курганов показали, что здесь уже изживался обряд кремации, а это явление характерно для славянских памятников не ранее конца I—начала II тыс. н. э.

По совокупности сведений начальную дату нижнего горизонта следует отнести к концу I тыс. Это — время зарождения поселения на территории Малого Замка.

Таким образом, интересующее нас поселение, возникшее в конце X в., существовало примерно до середины 70-х гг. XIII в. В этих хронологических пределах, судя по характеру культурного слоя, строительным остаткам и вещевому материалу, выделяются верхний и нижний горизонты поселения (рис. 7). Граница между ними может быть датирована концом XI или рубежом XI—XII вв., когда в нижнем горизонте появляются отдельные предметы, которые становятся массовыми в верхнем.

Как в верхнем, так и в нижнем горизонтах прослеживается несколько строительных периодов, хотя далеко не всегда их можно четко отделить друг от друга. Членение верхнего

[21] Павлова К. В. Раскопки могильника. . ., с. 104, рис. 37.

[22] Павлова К. В. Могильники у деревень Мольничи и Сулятичи. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 63—67.

[23] Малевская М. В. Некоторые исторические связи. . ., рис. 5, *5*.

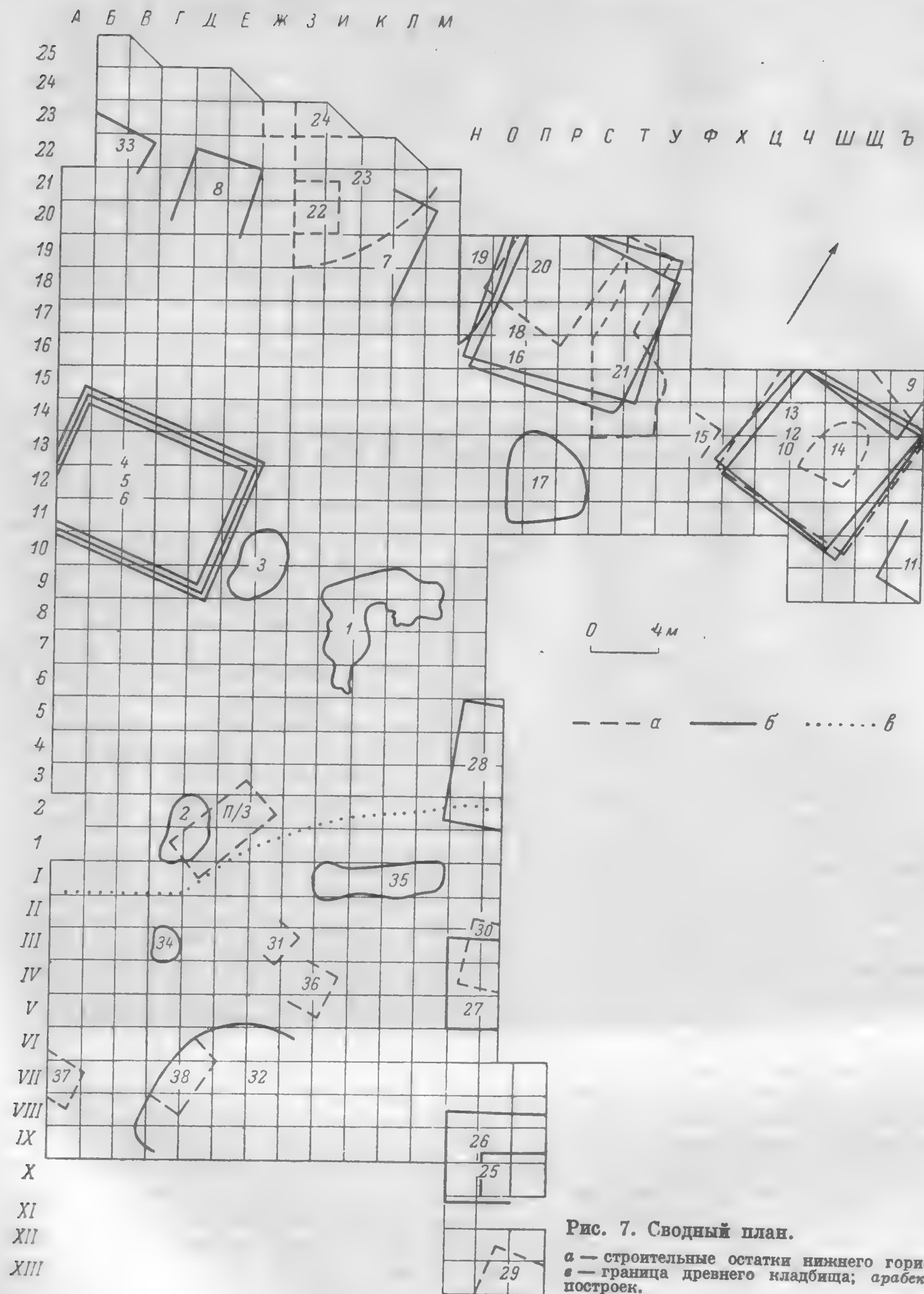

Рис. 7. Сводный план.

а — строительные остатки нижнего горизонта, *б* — верхнего; *в* — граница древнего кладбища; *арабские цифры* — номера построек.

горизонта на три строительных периода довольно ясно просматривается на материалах участка, исследованного в 1958—1959 гг. Здесь были открыты три последовательно построенных жилища. Основание верхнего дома находилось на глубине 0.8 м. Средняя постройка, перекрытая культурным слоем верхнего жилища, была возведена на глубине 1.2—1.4 м. Под средней постройкой (в 1.8 м) находились остатки нижнего помещения.

Строительные остатки верхнего горизонта, выявленные на других участках раскопа, позволили проследить от одного до трех строительных периодов. Такая же картина характерна и для нижнего горизонта.

Наиболее полную картину смены строительных периодов удалось установить при раскопках северо-восточной части площадки. Здесь прослежено шесть строительных периодов (между отдельными строительными периодами местами залегал нивелировочный песок):

Горизонт	Строительный период	Глубина залегания слоя (м)
Верхний	6	2—2.2
	5	2.5—2.6
	4	2.9—3.1
Нижний	3	3.2
	2	3.4—3.6
	1	3.7—3.8 (материк)

На остальных частях площадки выявлено не более четырех строительных периодов, причем строительные остатки нижнего и верхнего горизонтов представлены в разном соотношении.

Стратиграфическое членение верхнего горизонта в юго-восточной части площадки осложнялось тем, что она была занята христианским кладбищем. Из 105 открытых погребений 83 прорезали нижний горизонт поселения, а 22 оказались в его верхнем горизонте. Они были прикрыты нивелировочным песком и относятся, таким образом, как и остальные погребения, к интересующей нас поре.

Последней и наиболее сложной задачей является реконструкция комплексов в рамках того или иного строительного периода. Сохранность построек очень плохая. Из 39 комплексов, открытых раскопками, лишь некоторые строения имеют четкие границы. Чаще всего на наличие жилища указывают остатки печей и прилегающий к ним строительный развал. Преемственность построек в отдельных случаях позволяла по лучше сохранившимся остаткам восстановить приблизительные границы выше- или нижележащего жилища. Границы постройки в известной степени определялись и концентрацией находок.

Глава 2

Комплексы посада—окольного города

Описание строительных остатков мы начинаем с комплексов, открытых на материке.[1] Из-за плохой сохранности построек вещевой материал, обнаруженный при их исследовании, пришлось распределить на две категории. В первую включаются вещи, найденные на полу, в печи или других частях постройки и относящиеся ко времени ее гибели; во вторую — находки из культурного слоя данной постройки, которые также, вероятнее всего, связаны с ней, но в ряде случаев могли оказаться в засыпи в результате нивелировки площадки, после того как постройка перестала существовать.

Вещи описываются в следующем порядке: орудия труда, заготовки и другие находки, характеризующие ремесло, домашние промыслы, сельское хозяйство и иной производительный труд; оружие; утварь и бытовой инвентарь; предметы убора и украшения. Правда, в ряде случаев приходится отступать от этого порядка, ибо одни и те же предметы, например ножи, могут иметь различное назначение.

Приведены также краткие данные о погребениях, открытых на территории окольного города в 1965—1967 гг.

При публикации данных о постройках, раскопанных в разные годы и распределенных по отдельным строительным периодам, мы, естественно, не могли придерживаться нумерации комплексов. О последовательности раскопок построек в 1957—1967 гг. можно сказать следующее:

Год раскопок	№ постройки	Год раскопок	№ постройки
1957	2, «полуземлянка»	1963	7, 16, 18—20, 21—24
1958	1, 3, 4		
1959	4—6	1965	25—30
1960	8—10, 12	1966	31—37
1961	9—11	1967	38
1962	13—20		

К нижнему горизонту относятся остатки 15 построек. Они распределяются на три строительных периода.

Первый строительный период

Данный период представлен остатками пяти построек (15, 20, 24, 37, 38), сооруженных на материке, и «полуземлянки», углубленной в материк.

Постр. 15 (кв. Ф-13—14).[2] Незначительные остатки сгоревшей постройки открыты на глубине до 3.6 м. После пожара постройка была разобрана жителями. От нее сохранились остатки печи в виде тонкого слоя обожженной глины, с северной стороны которой выявлены ямки от кольев диаметром 6—8 см, принадлежавшие, очевидно, каркасу свода печи. Рядом с печью небольшой участок был занят угольным слоем, который можно рассматривать как часть сгоревшего пола. Вероятно, частью настила пола была и обгоревшая доска. Возможно, что к этой же постройке относятся бревно и яма, открытая в кв. Х-13—14, диаметром 1.2 м, глубиной до 60 см.

Находки, связанные с постройкой, представлены половиной гранитного жернова, фрагментами керамики от горшков I типа и железной ручкой с медными заклепками (рис. 8, *1*). В яме лежала желтая глазчатая бусина.

Постр. 20 (кв. Н—С-16—19).[3] Площадь (около 42 м²) намечена лишь приблизительно по угольному слою, оставшемуся от сгоревшего пола. В северной части постройки сохранились

[1] В настоящей работе буквенные обозначения квадратов раскопа изменены по сравнению с их обозначениями в полевых условиях. Это вызвано необходимостью упорядочить сетку раскопа, квадраты которой были помечены не только русскими, но и латинскими, и греческими буквами.

[2] Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 85—87. — Данные о соотношении типов сосудов в постройках любезно сообщены М. В. Малевской.

[3] Там же, с. 90—91.

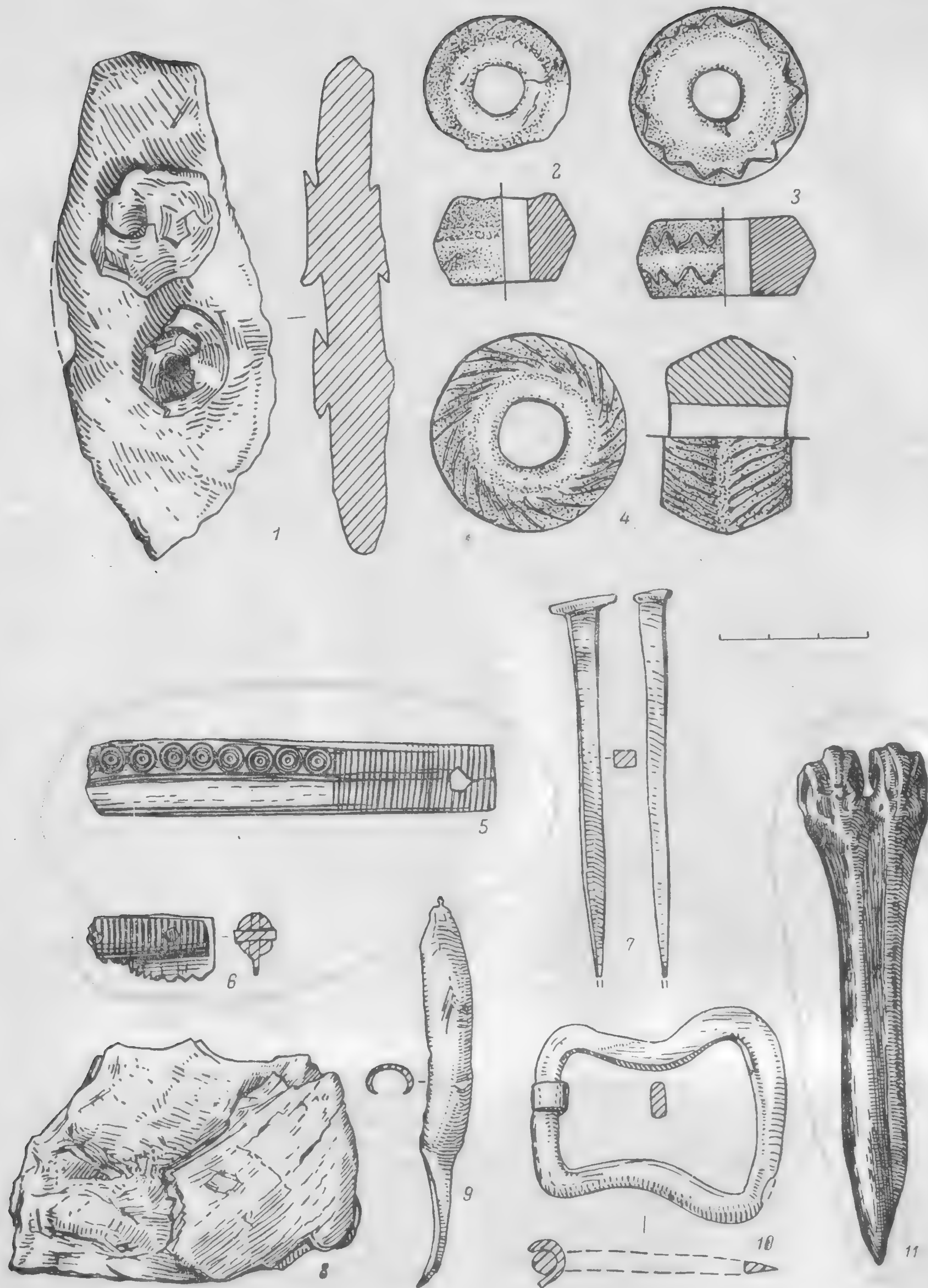

Рис. 8. Находки из постр. 15, 20 и 38.

1 — ручка; *2—4* — пряслица; *5*, *6* — обломки гребня; *7* — гвоздь; *8* — крица в горшке; *9* — оковка колчана; *10* — пряжка; *11* — кочедык.

доски от пола, лежавшие в направлении СЗ—ЮВ. Над полом в гумусе встречены обломки горелого дерева от верхних частей или стен. В юго-западной стороне обнаружены остатки печи в виде обожженной глины толщиной 3—10 см, покрытые золой (рис. 9). На полу лежали кочедык, сделанный из пястной кости овцы (рис. 8, *11*),[4] и части гребней (рис. 8, *5*, *6*). В засыпи постройки найдены две железные крицы (одна из них была в горшке; рис. 8, *8*), часть железной оковки от колчана (рис. 8, *9*), которая находит аналогию в Киевском некрополе и Ярославских курганах.[5] Керамика представлена горшками I и II типов; встречены также обломок горшка III типа и горшок с вертикальным горлом. Кроме того, в засыпи найдены железная пряжка с вогнутыми боками (рис. 8, *10*), параллели которой дают Шестовицкие курганы,[6] роговая обоймочка, гвоздь и стеклянная синяя бисерная бусина.

Постр. 24 (кв. Ж—И-23). Размеры постройки, стоявшей почти у самого северного края посада, не определены. К ней относятся печь, массив глины, остатки горелого дерева, угольный слой и зола. От печи уцелели камни, лежавшие полукругом, и обожженная глина, которую покрывали два слоя золы, разделенных углистой прослойкой.

Массив глины, имевший квадратную форму (сторона 2.6 м), состоял из двух слоев. Нижний слой был обожжен, а верхний, необожженный, покрывали зола и какие-то неорганические остатки. При расчистке развала постройки найдено бронзовое полутораоборотное кольцо. Подобные украшения имеют широкие хронологические рамки: распространялись начиная с середины X до XIII в.[7]

Постр. 37 (кв. А-VI—VIII). Часть постройки уходила за пределы раскопа. Ориентированная приблизительно по сторонам света постройка была сооружена над ямой, заполненной гумусом и камнями. Длина постройки по оси С—Ю 3.1 м. В северо-восточном углу обнаружен развал печи-каменки, от которой сохранились обгоревшие камни, зола, угли и песок. Углистый слой указывает на наличие сгоревшего пола. С восточной стороны к постройке снаружи примыкал столб, поставленный в яму (диаметр 30 см, глубина 28 см).

Рис. 9. План постр. 20.

1 — горелое дерево; *2* — угли; *3* — зола; *4* — обожженная глина; *5* — предполагаемая граница постройки.

Рис. 10. План постр. 38.

1 — песок; *2* — угли; *3* — зола; *4* — горелое дерево; *5* — камень; *6* — ямки от столбов.

Постр. 38 (кв. ГД-VI—VIII). Открыта часть нижнего венца срубной, квадратной в плане постройки площадью около 16 м². Рубка произведена в обло. Щели в бревнах проконопачены мхом. В северо-восточном углу найден развал печи-каменки. Камни к западу от устья печи, лежавшие на черном гумусе, хорошо пригнаны друг к другу. Хуже уложены камни восточной части печи, находившиеся на материковом песке. От наклонно шедшего пода сохранились небольшие куски зеленоватой глины. Основанием его служил плотный прокаленный песок. С западной стороны к печи примыкала обгоревшая доска, поставленная на ребро. Доску поддерживал столбик. Вблизи печи была вырыта хозяйственная яма диаметром 1 м, глубиной 30 см, с пологими, сходившими на конус стенками; ее покрывала прямоугольная крышка, состоявшая из семи обгоревших досок. В яме найден только рог животного.

Вся остальная площадь постройки представляла собой плотно утрамбованный углистый слой пола, на котором встречались зола и остатки горелой соломы. Ниже, под тонкой песчаной прослойкой, залегал более древний пол. В верхних и нижних полах открыто очень много округлых, овальных, квадратных и прямоугольных ямок глубиной от 5 до 35 см (рис. 10), заполненных гумусом, золой и углями. В отдельных ямках найдены остатки сгоревших столбиков.

При зачистке пола и печи встречены фрагменты горшков I типа и часть ножа. К инвентарю постройки относятся также 12 глиняных шероховатых и лощеных пряслиц (рис. 8, *2*—*4*). Почти все они характерны для славянских памятников конца I—начала II тыс. н. э. Одна из находок напоминает пряслица из Литвы этого же периода.[8]

«Полуземлянка» (кв. Г—Ж-1—3). Ромбическое в плане сооружение (6×3 м) было углублено в материк на 70 см. Стенки его укреплены камнями, а у восточного угла сохранилась яма от столба-стояка диаметром 14 см. Пол представлял собой утоптанный материковый песок. В 40 см от южной стенки открыты ос-

---

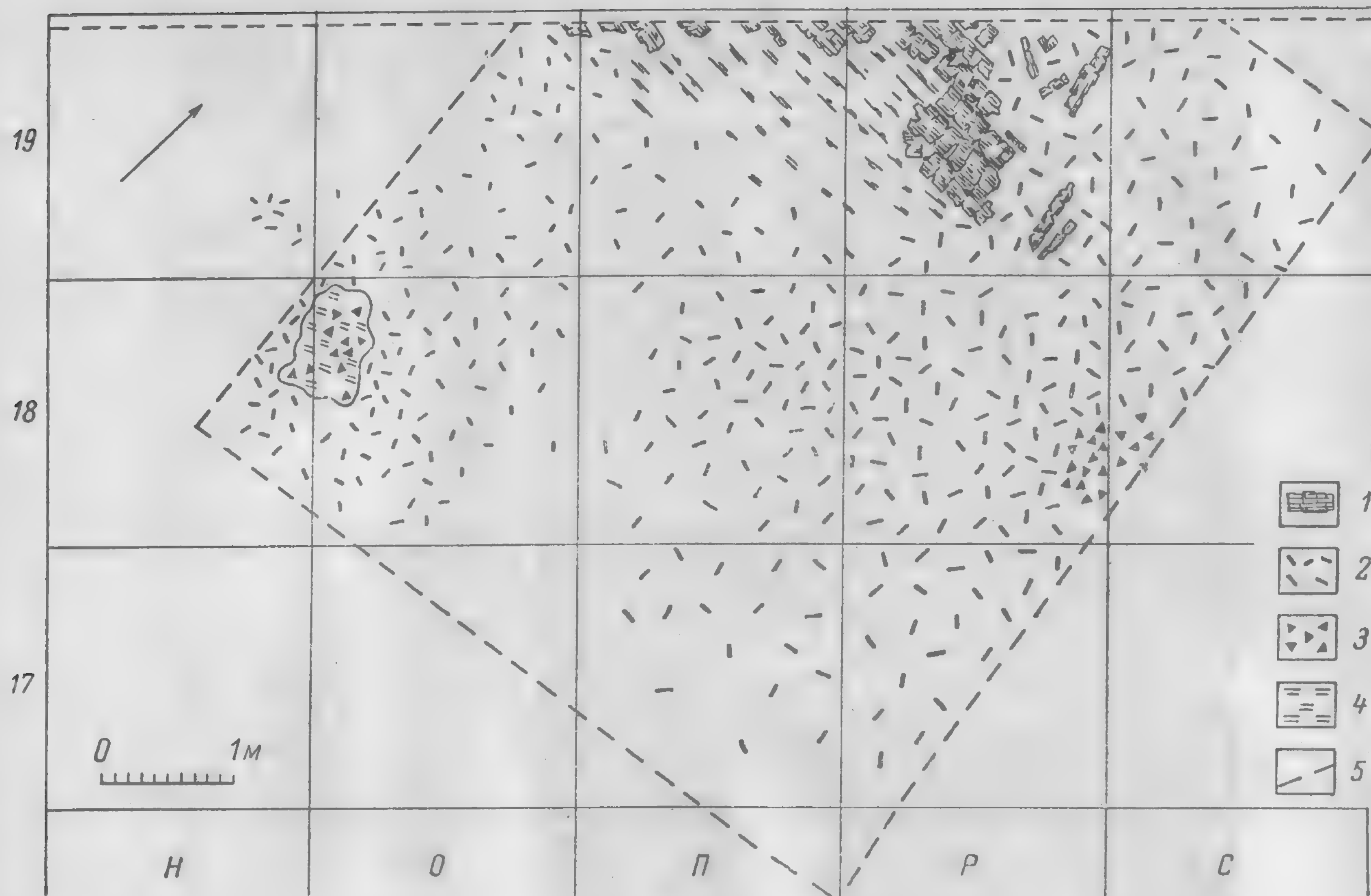
4 Определение Н. М. Ермоловой.

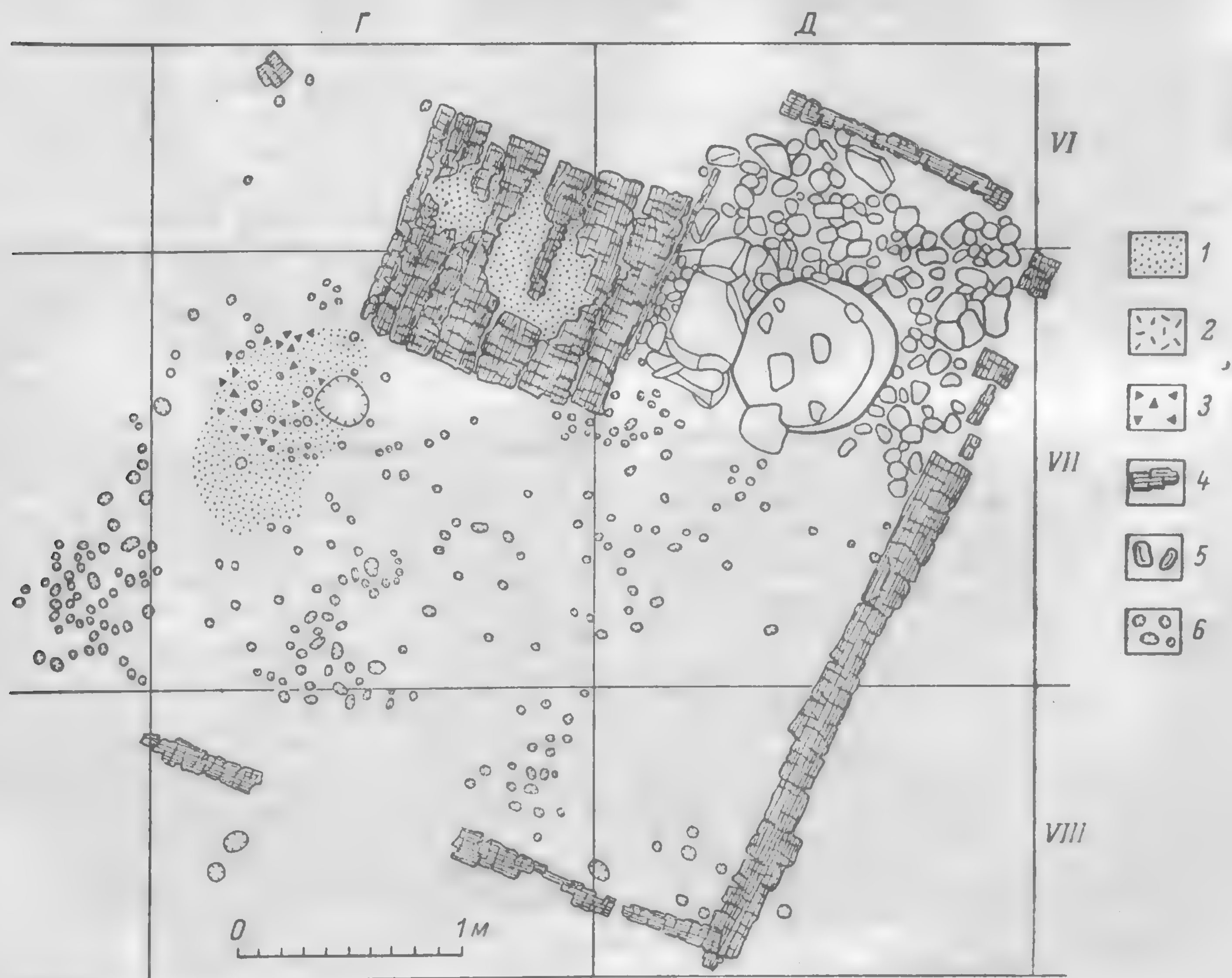
5 Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, рис. 32; Недошивина Н. Г. Предметы вооружения из Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XII вв. М., 1963, с. 88, рис. 36, *1*.

6 Станкевич Я. В. Шестовицкое поселение и могильники по материалам 1946 г. — КСИА, 1962, вып. 87, рис. 8, *5*.

7 Успенская А. В. Курганы Южной Белоруссии. — ТГИМ, 1963, вып. 22, с. 120.

8 Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, pav. 284.

19
18
17
0
1м
1
2
3
4
5
Н
О
П
Р
С

Г
Д
VI
VII
VIII
0
1м
1
2
3
4
5
6

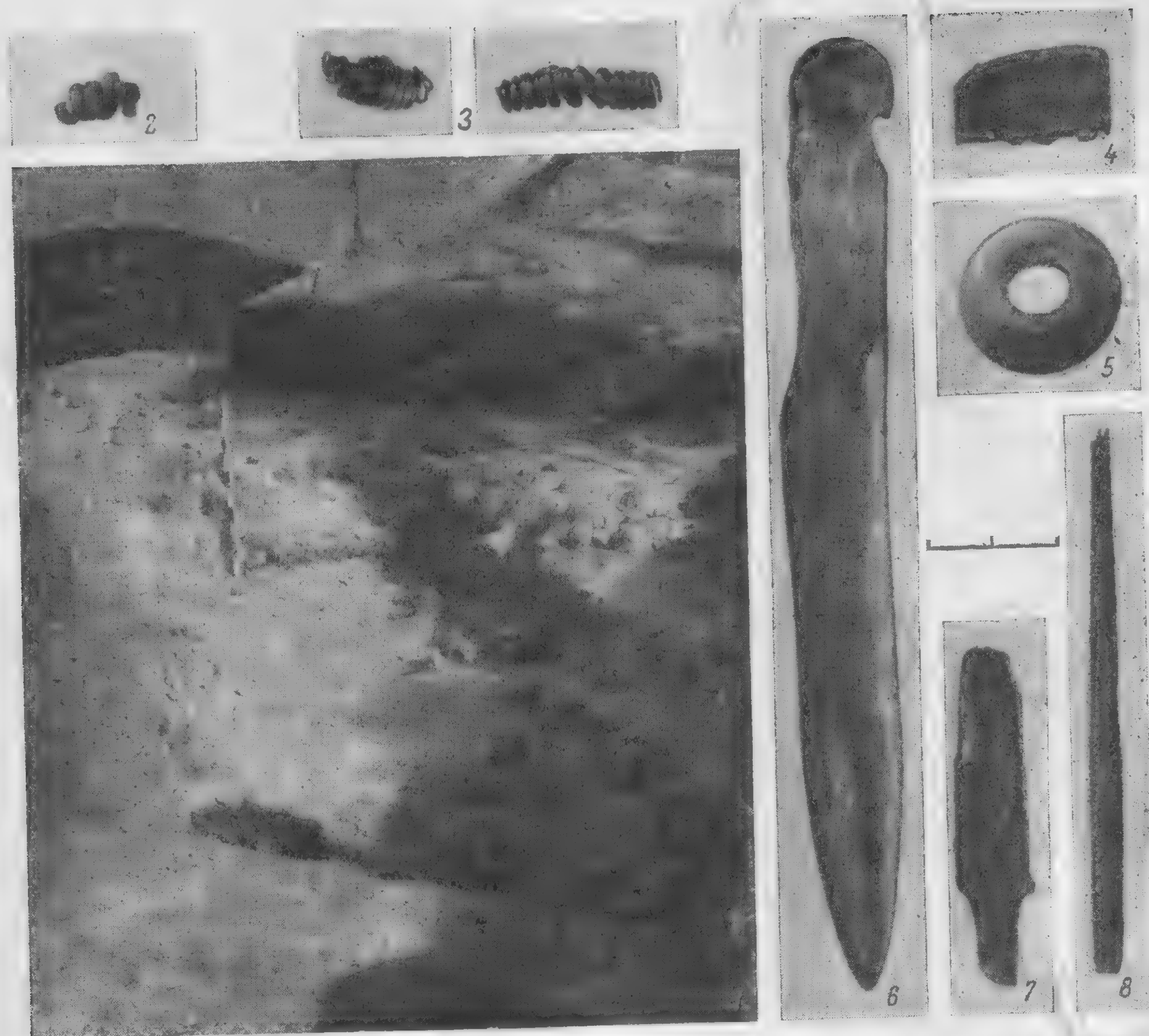

Рис. 11. «Полуземлянка».

1 — общий вид. Находки: *2*, *3* — спиральки; *4* — перстень; *5* — пряслице; *6* — кочедык; *7* — нож; *8* — шило.

татки каменного, округлого в плане очага диаметром 60 см; на его камнях лежали уголь и зола. В северо-западном углу обнаружена овальная в плане яма (94×60 см) глубиной 40 см (рис. 11, *1*). «Полуземлянка» была заполнена горелым гумусом, в котором найдены часть шила (рис. 11, *8*), обломок ножа (рис. 11, *7*), глиняное лощеное пряслице (рис. 11, *5*), кочедык (рис. 11, *6*), фрагменты горшков I и II типов, обломок сковороды I типа, восемь бронзовых спиралек (рис. 11, *2*, *3*) и бронзовый пластинчатый гравированный перстень с заходящими концами (рис. 11, *4*); такие перстни широко датируются.[9]

Второй строительный период

К этому периоду можно отнести остатки пяти построек. Два жилища (14 и 23) были сооружены в северной части поселения на тех же участках, где в предшествующее время стояли постройки, основанные на материке, а три (29—31) открыты в южной части поселения на ранее незастроенных участках.

Постр. 14 (кв. Ч—Щ-12—14).[10] Остатки ее открыты на глубине 3.2—3.5 м восточнее постр. 15 и несколько выше ее. Границы определяются распространением угольного слоя, занимавшего площадь примерно 26 м^2. В западной части постройки лежали куски горелого бревна. В южной — на угольном слое обнаружен развал печи (50×40 см). Он состоял из обожженной глины толщиной до 5 см, камней и золы. Вблизи печи, в угольном слое, найдены обломки двух тигельков (рис. 12, *7*, *8*), капелька оплавленной бронзы (рис. 12, *3*), костяная проколка (рис. 12, *5*), остроконечник из латуни (рис. 12, *6*), фрагменты горшков I—IV типов (почти половина керамики представлена горшками II типа), обломок стеклянного коричневого перстня с инкрустацией (рис. 12, *1*) и две лимоновидные бусины (рис. 12, *2*).

---

[9] Недошивина Н. Г. Перстни. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 257.

[10] Малевская М. В. О датировке. . ., с. 89.

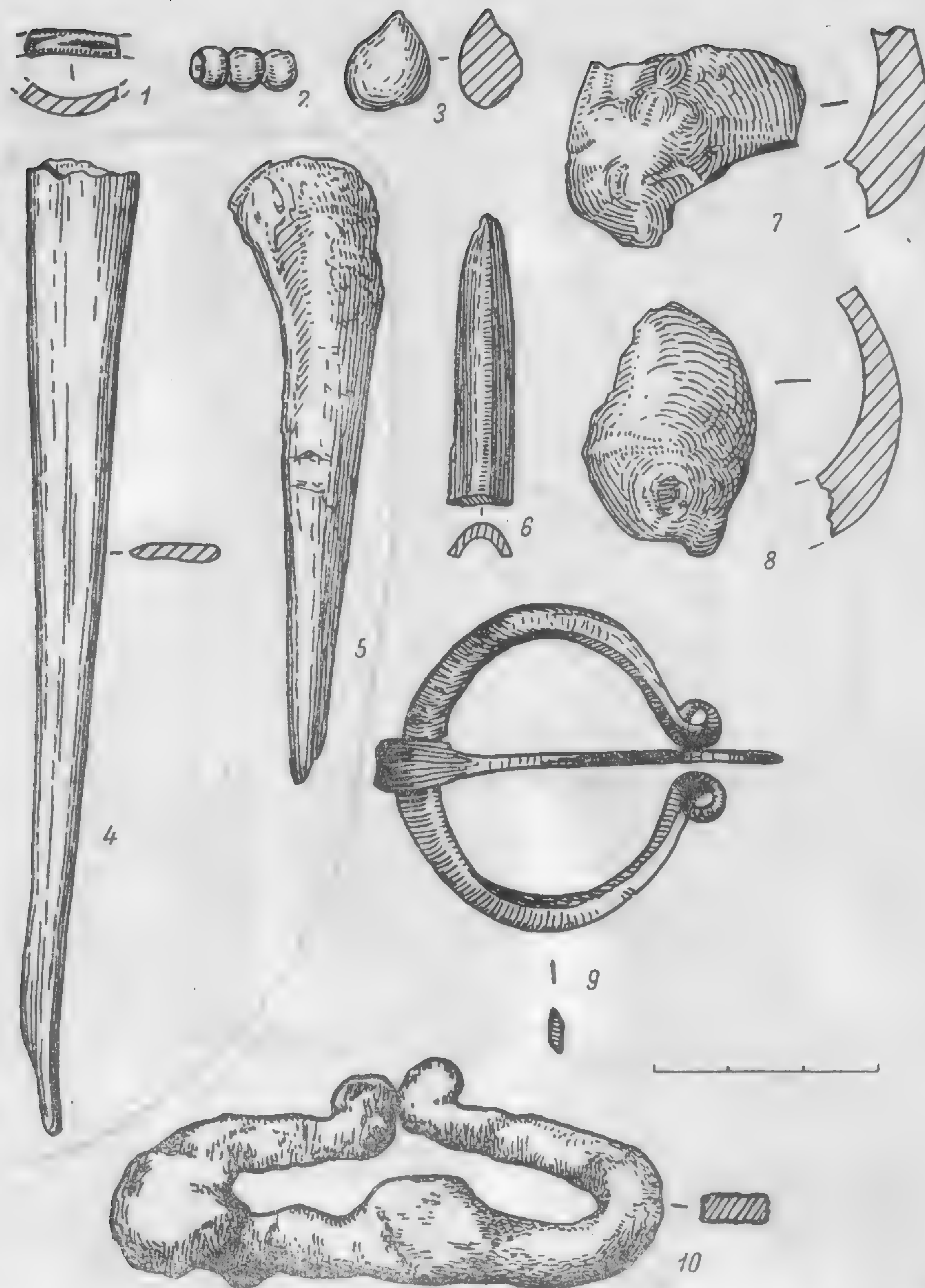

Рис. 12. Находки из постр. 14.

1 — фрагмент перстня; *2* — бусина; *3* — кусок оплавленной бронзы; *4*, *5* — проколки; *6* — наконечник; *7*, *8* — обломки тигельков; *9* — пряжка; *10* — кресало.

За пределами угольного слоя, но непосредственно примыкая к нему, лежали калачевидное кресало с язычком (рис. 12, *10*), обломанная костяная проколка (рис. 12, *4*) и железная пряжка (рис. 12, *9*). Кресала, подобные нашему, распространялись с X до начала XII в.[11] Аналогичные пряжки бытовали в X—XI вв.[12]

Постр. 23 (кв. З—М-19—23). Остатки ее залегали над постр. 24; их разделял гумусный слой толщиной до 20 см. Четких границ постройка не имеет. С востока границу можно проследить по остаткам пола, сохранившегося в виде древесного тлена. В отдельных местах уцелели волокна дерева, небольшие скопления золы, также, видимо, относящиеся к остаткам пола. Более или менее ясно прослеживалась западная часть постройки. Здесь находилось скопление золы (2.5×2 м) толщиной 25 см, — вероятно, остатки сгоревшего пола. На золе лежали пять жерновов. Четыре из них целые, диаметром 50 см; от пятого сохранился лишь обломок. В этой части постройки открыта яма с железными шлаками. В восточ-

[11] Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей — СА, 1958, № 2, с. 99.

[12] Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 155.

Рис. 13. План постр. 23. (Разрез АБ см. рис. 65).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — зола; *4* — яма; *5* — угли; *6* — камень; *7* — шлаки; *8* — негорелое дерево, *9* — истлевшее; *10* — глинобитный под; *11* — жернов.

ной стороне на углистом слое обнаружен развал печи площадью 1.7×1.4 м: остатки глинобитного свода и округлый в плане глинобитный под толщиной 15 см; на нем — зола. Под в свою очередь лежал на золе, которая, вероятно, покрывала более ранний под. При исследовании остатков печи в юго-восточной части ее было встречено углубление от столба диаметром 14 см. Не исключено, что печь стояла на опечке, ибо в основании ее открыты две плохо сохранившиеся обгорелые доски, перпендикулярные друг другу (рис. 13).

На полу постройки кроме жерновов найдены железный замок (рис. 14, *5*), параллели которому указать трудно, три стеклянные бусины; две из них лимоновидные (рис. 15, *1*, *2*), а третья ребристая овальная (рис. 15, *3*), относящаяся к X—XI вв.[13]

Много находок дала засыпь постройки. Отметим орудия и промысловый инвентарь: два точильных камня (рис. 14, *3*), три костяные проколки (рис. 14, *2*), глиняное пряслице, ук-

[13] Щ а п о в а Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 176.

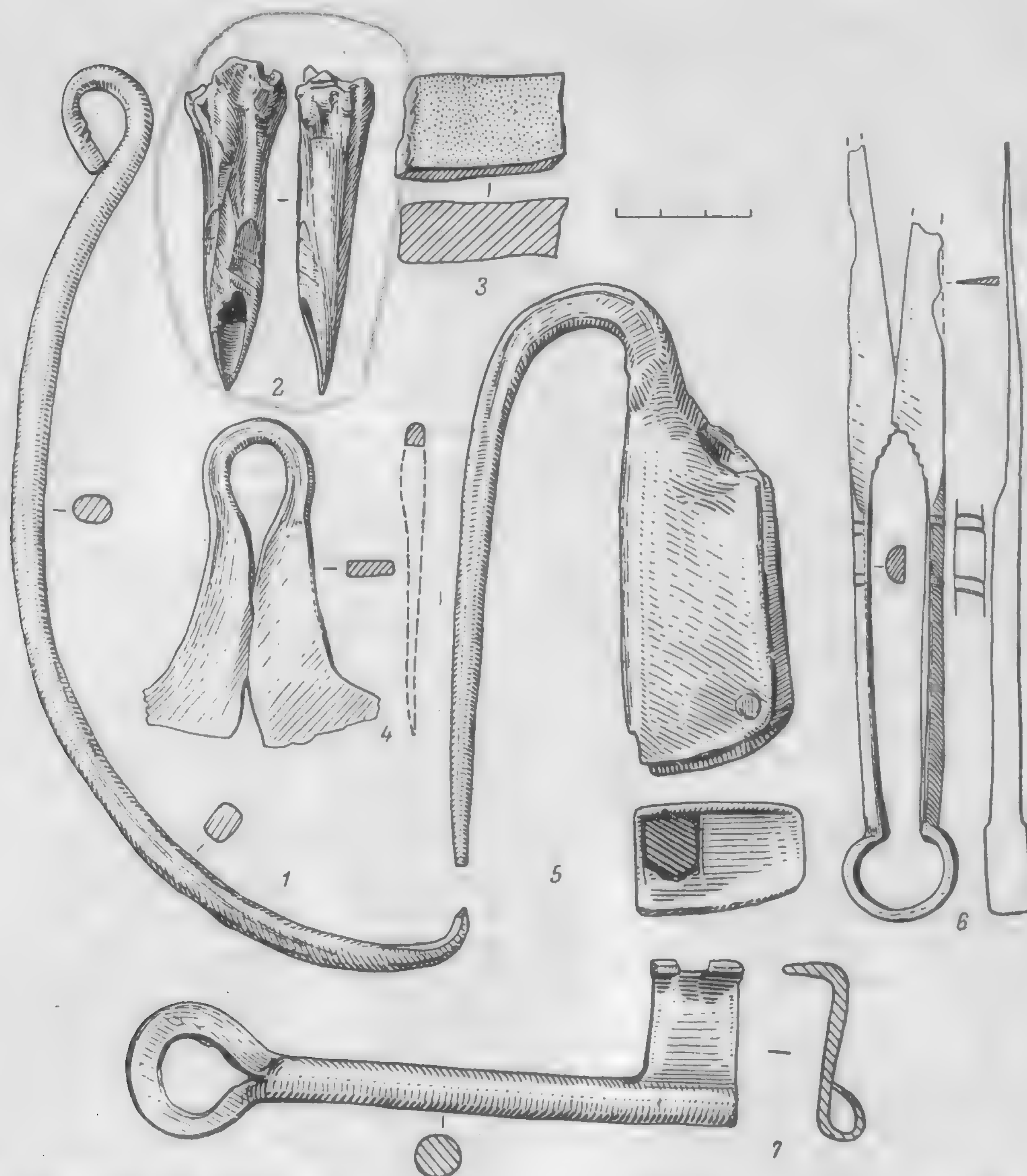

Рис. 14. Находки из постр. 23.

1, 7 — ключи; *2* — проколка; *3* — точильный камень; *4* — ушко; *5* — замок; *6* — ножницы.

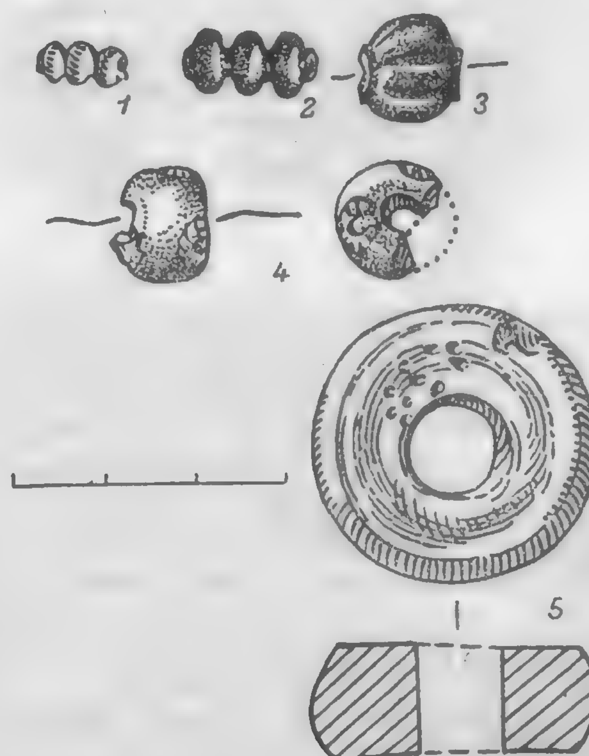

Рис. 15. Находки из постр. 23.

1—4 — бусины; *5* — пряслице.

рашенное наколами и напоминающее пряслица VI—VIII вв. в Средней и Северной Белоруссии.[14] Найдены пружинные ножницы (рис. 14, *6*), характерные как для Древней Руси, так и для соседних с ней земель, обломок железной иглы и рог со следами обработки. Бытовые находки и утварь представлены фрагментами горшков I—V типов. Около 40% керамики — горшки II типа. Другие типы горшков составляют от 12 до 18%. Обломки горшков V типа единичны. Встречены также фрагменты горшка с вертикальным горлом и миниатюрного горшочка. Найдены обломки трех ножей и два ключа: один — втульчатый, от железного замка (рис. 14, *7*), распространенный с конца X до XII в.;[15] другой — от засова (рис. 14, *1*), не имеющий датирующих признаков. Кроме того, среди железных вещей имеются скоба и два ушка от деревянных ведер (рис. 14, *4*). Назначение остальных железных поделок не установлено. Предметами убора и украшениями являются бронзовые прямоугольная пряжка, пуговка и четыре стеклянные бусины: две лимоновидные, одна ребристая и одна глазчатая (рис. 15, *4*).

Постр. 29 (кв. ОП-XII—XIII). Остатки постройки открыты на глубине 1.52—1.6 м. Обнаружена печь-каменка; от нее сохранились развал камней и глинобитный, овальный в плане под, на котором лежал слой золы. С остатками постройки связаны также обожженная глина и обломки горелых досок.

Постр. 30 (кв. НО-II—IV). По-видимому, она была углубленной; для сооружения ее использовали ранее существовавшую яму. Остатки жилища уходили за пределы раскопа. На глубине 1.8—2 м сохранились остатки печи-каменки. На горелом гумусе был обнаружен округлый в плане глинобитный под толщиной 4 см, покрытый золой; под ним — еще один такой же под. Развал камней свода печи находился на песке, покрывавшем золу верхнего пода. С развалом постройки связано также много беспорядочно разбросанных бревен и досок.

Среди инвентаря постройки имеются обломки косы-горбуши, лежавшей под печью, широколезвийного топора, точильного камня, крица, заготовка из рога, роговой наконечник, фрагменты горшков I и II типа, обломок сковороды II типа, два ключа, один из которых втульчатый, аналогичный ключу из постр. 23, а второй от засова. Подобные засовы распространялись в Новгороде XI в.[16] К находкам в засыпи данной постройки относятся также железная поделка, фрагмент бронзовой цепочки и бронзовая трехпетельчатая привеска. В древностях радимичей такие привески попадались в курганах XI—XII вв. В качестве импорта они известны в Латвии.[17]

Постр. 31 (кв. ЖЗ-II—III). На глубине около 1 м открыт строительный развал, состоящий из остатков печи, необожженной глины, обломков сгоревшего дерева и золы. Фрагменты жаровни, найденные в развале постройки, по-видимому, принадлежат верхней части печи. К находкам в данном комплексе относятся бронзовая спиралеконечная пряжка, стеклянная желтая лимоновидная бусина и обломок сердоликовой 14-гранной бусины, аналогия которой встречена в кургане с трупосожжением, раскопанном у д. Городиловки.[18]

Третий строительный период

К этому периоду относятся четыре постройки. Три из них (13, 21, 22) были сооружены в северной части поселения над постройками предшествующего периода; четвертая (36) — в южной.

Постр. 13 (кв. Ф—Ъ-10—15).[19] Ее строительные остатки залегали на глубине 3.1—2.4 м и частично покрыли постр. 14, от которой она отделялась гумусным слоем толщиной 10—30 см. Границы постройки определяются с большим трудом. Судя по остаткам пола, сохранявшегося частью в виде горелого слоя, частью в виде плотного слоя коричневого древесного тлена (3—15 см), постройка занимала более 70 м^2. В северной ее части и в центре на горелом слое лежала необожженная глина толщиной от 5 до 40 см, относящаяся к развалу верхних частей дома. С западной стороны постройку ограничивало скопление золы. Развал печи (1.6$\times$0.7 м), открытый на юге постр. 13, сходен с остатками печи постр. 14. Он состоял из обожженной глины, покрытой золой и камнями. Волокна древесного тлена, обнаруженные севернее печи, располагались перпендикулярно остальным. Это может указывать на то, что помещение было двухкамерным (рис. 16).

Основная масса находок происходит из западной части постройки: между печью и скоплением золы. В засыпи встречены обломок

---

14 Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970, т. 1, рис. 84, *15*.

15 Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 96.

16 Там же, рис. 16, *2*.

17 Рыбакоў Б. О. Радзімічы. — Працi Археол. камісіі Беларус. Акад. навук. Менск, 1932, т. 3, табл. VI, *30*; Mugurēvičs Ē. Olinkalna un lokstenes pilsnovadi 3—15 gs. archeologiskie piemineķļi. Rīga, 1977, tab. IX, *5*.

18 Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, рис. 90, *5*.

19 Малевская М. В. О датировке. . ., с. 89—90.

Рис. 16. План постр. 13. (Разрез ОП см. рис. 57).

1 — угли; *2* — зола; *3* — истлевшее дерево; *4* — обожженная глина, *5* — необожженная; *6* — камень; *7* — предполагаемая граница постройки.

Рис. 17. Находки из постр. 13.

1 — проколка; *2* — бусина; *3* — пряслице; *4* — стиль; *5* — точильный камень.

костяной проколки (рис. 17, *1*), два шиферных пряслица (рис. 17, *3*), обломок точильного камня (рис. 17, *5*) и мелкие куски оплавленной бронзы. 50% фрагментов керамики принадлежат горшкам II и IV типов. Остальная керамика представлена фрагментами горшков I, III и V типов. Найден железный стиль (рис. 17, *4*). А. Ф. Медведев датирует подобные орудия письма временем с середины XI до первой половины XII в.[20] Отметим также стеклянную бусину с металлической прокладкой (рис. 17, *2*). Основная масса таких бус датируется XI в., хотя встречаются они и в более позднее время.[21] В необожженной глине найдена лимоновидная бусина. В восточной части постройки лежали две железные поделки, а за пределами ее — обломок ошлакованного тигелька.

Постр. 21 (кв. С—У-14—19). Открыта на глубине 2.15—2.4 м и частично перекрывала постр. 20. Строительные остатки сохранились на узкой полосе. Граница постройки определяется по остаткам сгоревшего пола, негорелым доскам и древесному тлену. На полу в нескольких местах встречены скопления золы. Одно из них, довольно крупное (кв. СТ-15—16), прикрывало слой обожженной и необожженной глины (рис. 18). Печь постройки не найдена.

Несмотря на незначительность дошедших до нас строительных остатков постр. 21, на полу ее и в культурном слое над полом обнаружено много вещей. Обратимся к предметам, лежавшим на уровне пола. Некоторые из них характеризуют занятия хозяев: шильце, стамеска (рис. 19, *14*), обломки пяти оплавленных тигельков (рис. 19, *15—17*), литейная формочка из известняка для отливки колец (рис. 19, *18*), шиферное пряслице (рис. 19, *5*), две костяные проколки (рис. 19, *12*). Встречены оплавленные обломки бронзы, более 10 фрагментов рога со следами обработки (рис. 19, *11*) и маленький кусок янтаря. Из бытовых предметов найдены донце истлевшего бочонка, железная скоба, 10 гвоздей, несколько неопределенных железных поделок.

Постр. 21 является наиболее ранним комплексом, в котором обнаружен наконечник стрелы. Это срезень с упором (рис. 19, *10*). Стрелы такого типа известны с X по XIII в.[22]

К предметам убора и украшениям относятся обломок железной, видимо, спиралеконечной пряжки (рис. 19, *13*), звездчатая пряжка (рис. 19, *6*) из белого металла (параллели ей имеются в памятниках второй половины XI—XII в.)[23] и бисерная бусина.

Ряд вещей найден в засыпи постройки: оплавленные куски бронзы и фрагменты рога (напоминают находки, лежавшие на полу), железная поделка с зазубринами (рис. 19, *8*), — возможно, рыболовная снасть. Большой интерес представляет донце стеклянного бесцветного воронкообразного кубка (рис. 19, *9*). Изготовление таких кубков на Руси начинается в XI в.[24] Отметим также три стеклянные бусины: желтые бисерная (рис. 19, *4*) и зонная (рис. 19, *3*), синяя битрапецоидная, — датирующиеся X—XI вв.[25]

Постр. 22 (кв. ЗИ-20—21). Сохранилась лишь частично, отделена от остатков нижележащей постр. 23 гумусированным слоем толщиной 20 см. С постройкой связаны слой обожженной глины, куски сгоревших досок, угольный слой и зола. Открыто более 100 железных криц. Больше всего их найдено на досках и в угольном слое. Встречены также костяная проколка, две железные пластинки, часть бронзовой поделки с закругленным краем и язычок бронзовой пряжки.

Постр. 36 (кв. ЗИ-IV—V). Развал постройки, прорезанной погребениями, открыт на глубине 0.86—1.05 м. Наиболее отчетливо прослеживается юго-восточный угол, где выявлены остатки печи в виде угольно-золистого слоя. К развалу этой же постройки относятся необожженная глина, глиняная обмазка и слой золы. Найдены шиферное пряслице, железные скоба и поделка, обломок неопределенного бронзового предмета и голубая стеклянная битрапецоидная бусина.

На территории посада—окольного города обнаружено очень много ям. Почти все они вырыты в материке. Значительная часть ям (вернее — углублений диаметром до 35—40 см и глубиной до 50 см) использовалась при установке столбов. В северной части посада на участке раскопа 1960 г. встречены ряды углублений диаметром 10 см, сохранившиеся от стоявшего там плетня. Остальные ямы имели хозяйственное или производственное назначение. Значительная часть вещей из заполнения ям повторяет таковые из построек нижнего горизонта, преимущественно первого и второго строительных периодов. Лишь некоторые предметы появляются впервые. Среди них датирующее значение имеет височное кольцо (рис. 20, *4*). Такие украшения встречены в курганах XI в. Ново-

---

20 Медведев А. Ф. Древнерусские писала X—XV вв. — СА, 1960, № 2, с. 73—76.

21 Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 83—85.

22 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. М., 1966, с. 72—73. (САИ; вып. Е1-36).

23 Мальм В. А. Указ. соч., с. 172.

24 Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 55.

25 Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы. . ., с. 167, 169—170.

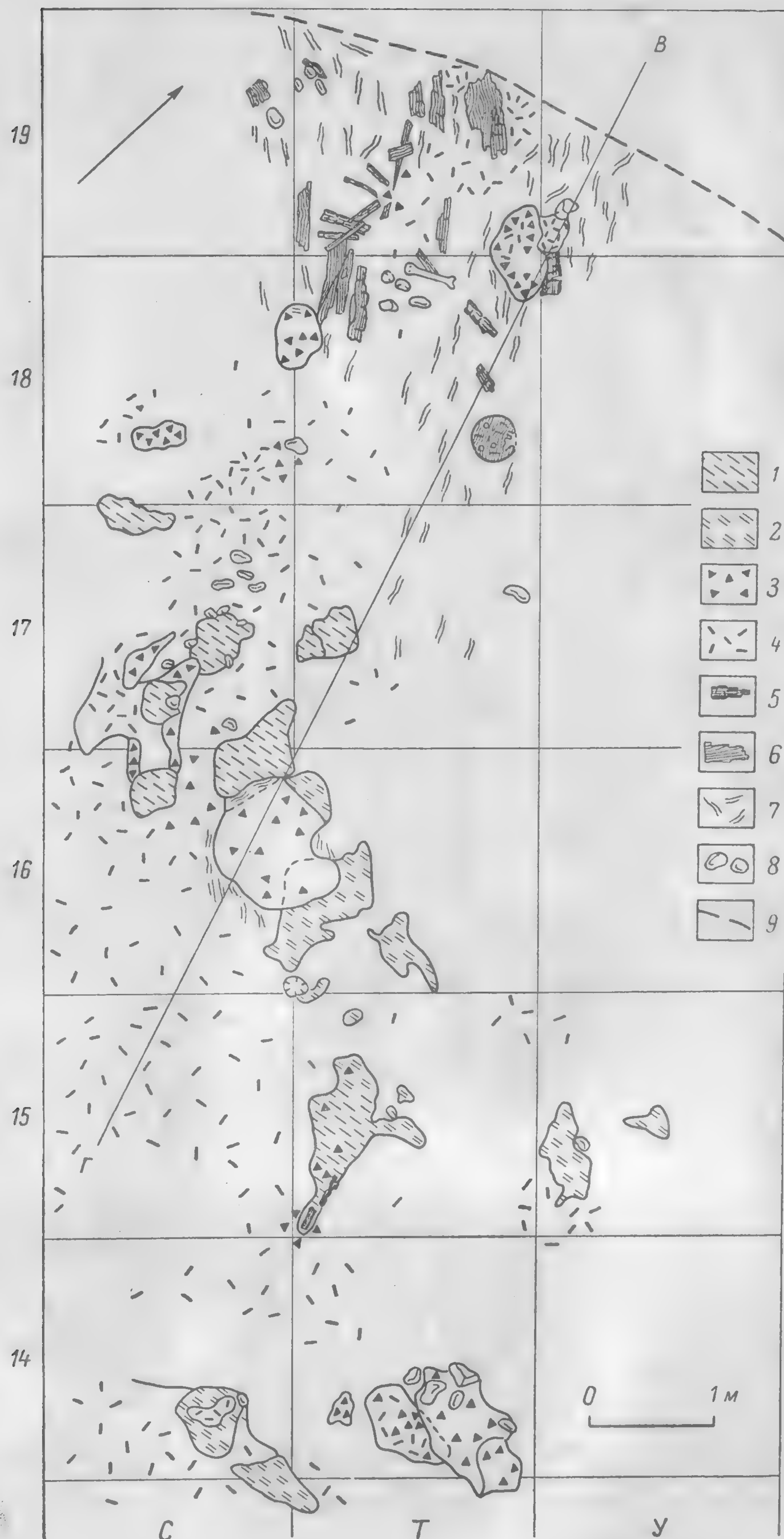

Рис. 18. План постр. 21. (Разрез ВГ см. рис. 65).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — зола; *4* — угли; *5* — горелое дерево, *6* — негорелое; *7* — древесный тлен; *8* — камень; *9* — предполагаемая граница постройки.

Рис. 19. Находки из постр. 21.

1, 2 — ножи; *3, 4* — бусины; *5* — пряслице; *6, 13* — пряжки; *7, 8* — железные орудия; *9* — донце кубка; *10* — наконечник стрелы; *11* — заготовка из рога; *12* — проколка; *14* — стамеска; *15—17* — обломки тигельков; *18* — литейная формочка.

Рис. 20. Находки из ям.

1, 6, 7 — пряслица; *2, 3* — привески; *4* — височное кольцо; *5, 10* — тигли; *8, 9* — проколки; *11* — кресало; *12* — железная пластинка.

грудского могильника.[26] Отметим также крупную бронзовую трапециевидную привеску (рис. 20, *3*). Аналогичные украшения появляются еще в середине I тыс. н. э.[27] Очень интересны крупные тигли (рис. 20, *5*, *10*), которые напоминают тигли гнездовского поселения под Смоленском.[28]

* * *

В верхнем горизонте сохранились остатки 24 построек, которые распределены нами на три строительных периода.

Четвертый строительный период

Раскопано пять построек. Три из них (12, 18, 19) находятся в северной части поселения на ранее обжитых участках, а две (3, 6) — в центре. Южная часть поселения в этот период была занята кладбищем.

Постр. 3 (кв. ЖЗ-9—10). Остатки ее открыты на культурном слое нижнего горизонта поселения. Границы устанавливаются предположительно. Сохранились слои необожженной глины толщиной до 25 см, относящиеся к развалу верхних частей постройки, участки сгнившего и сгоревшего пола и развал печи в виде мелких кусочков обожженной глины. На отдельных ее кусках видны отпечатки дерева. Окна постройки были остеклены. Об этом свидетельствуют три найденных фрагмента бесцветного стекла от оконного диска. Под развалом печи выявлены следы сгоревшего пола в виде угольного слоя (2—3 см). Непосредственно к печи примыкала прослойка желто-зеленого песка с остатками истлевшего дерева. В развале печи встречены обломки амфоры II типа с прочерченной надписью «Олѣкъсн» (рис. 22, *6*).[29] На полу найдено донце деревянного бочонка. Все остальные предметы лежали в засыпи постройки. Среди них есть тигелек с округлым дном (рис. 21, *1*). Аналогии ему известны в Белоозере, в слое первой половины XIII в.[30] Обнаружены также шиферное пряслице и обломок железной иглы. В составе утвари постройки отметим еще обломки четырех амфор I и II типов. Замечательная находка в засыпи постройки — 16 фрагментов красно-фиолетового сосуда, реконструированного в форме кубка. Кубок, расписанный золотом (рис. 22, *7*), является византийским импортом.[31] Кроме кубка найдены два осколка бесцветного и голубого стекла. В бытовой инвентарь входят гребень (рис. 21, *2*), четыре ножа, из которых только два сохранились целиком. Один из ножей украшен насечкой (рис. 21, *3*) и напоминает нож из городища Асоте.[32] Несколько архаичным для данной постройки выглядит ключ от засова (рис. 21, *6*).

Женские украшения представлены бусиной (рис. 22, *3*), бронзовым перстнем с гравировкой (рис. 22, *2*), датируемым в пределах с X по XIII в.,[33] и обломками двух стеклянных плоско-выпуклых перстней, бирюзового и бесцветного. В постр. 3 впервые появляются стеклянные браслеты (рис. 22, *4*, *5*), важные для датировки комплекса (табл. 4).

Таблица 4. Стеклянные браслеты из постр. 3

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	зеленый	бирюзовый	фиолетовый	желтый	
Крученая	8 *	3 **	4	1	1	2	19
Гладкая	4	1	1	—	1	1	8
Плоско-выпуклая	2	—	1	—	—	—	3
Витая	1	1	1	—	—	—	3
Треугольная	1	—	—	—	—	—	1
Рубчатая	1	—	—	—	—	-	1
С желобком	1	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	18	5	7	1	2	3	36

* У двух желтая и желто-красная оплетка, у одного желтая горизонтальная полоса. ** У одного желтая оплетка.

Железный стиль с трапециевидной лопаточкой (рис. 22, *1*) напоминает новгородское орудие письма, изготовленное из кости.[34]

Постр. 6 (кв. А—Ж-9—15).[35] Углублена в материк. Остатки постройки обнаружены в котловане, занимающем площадь 100 м² при глубине около 1 м. В котлован был впущен сруб,

[26] Павлова К. В. Об одном типе височных колец из Новогрудка. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 120—121.
[27] Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. — СА, 1961, № 2, с. 134.
[28] Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции в 1957 г. — Арх. ЛОИА, рис. 14.
[29] Малевская М. В. Амфора с надписью из Новогрудка. — СА, 1962, № 4, с. 238—241.
[30] Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 133—134, рис. 47, *7*.
[31] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, с. 7—8.
[32] Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961, табл. II, *17*.
[33] Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 65, с. 254, рис. 10, *10*.
[34] Медведев А. Ф. Древнерусские писала. . ., рис. 1, *1*.
[35] Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города Новогрудка. — КСИА, 1962, вып. 87, с. 70 (план и разрез см. с. 71, 77).

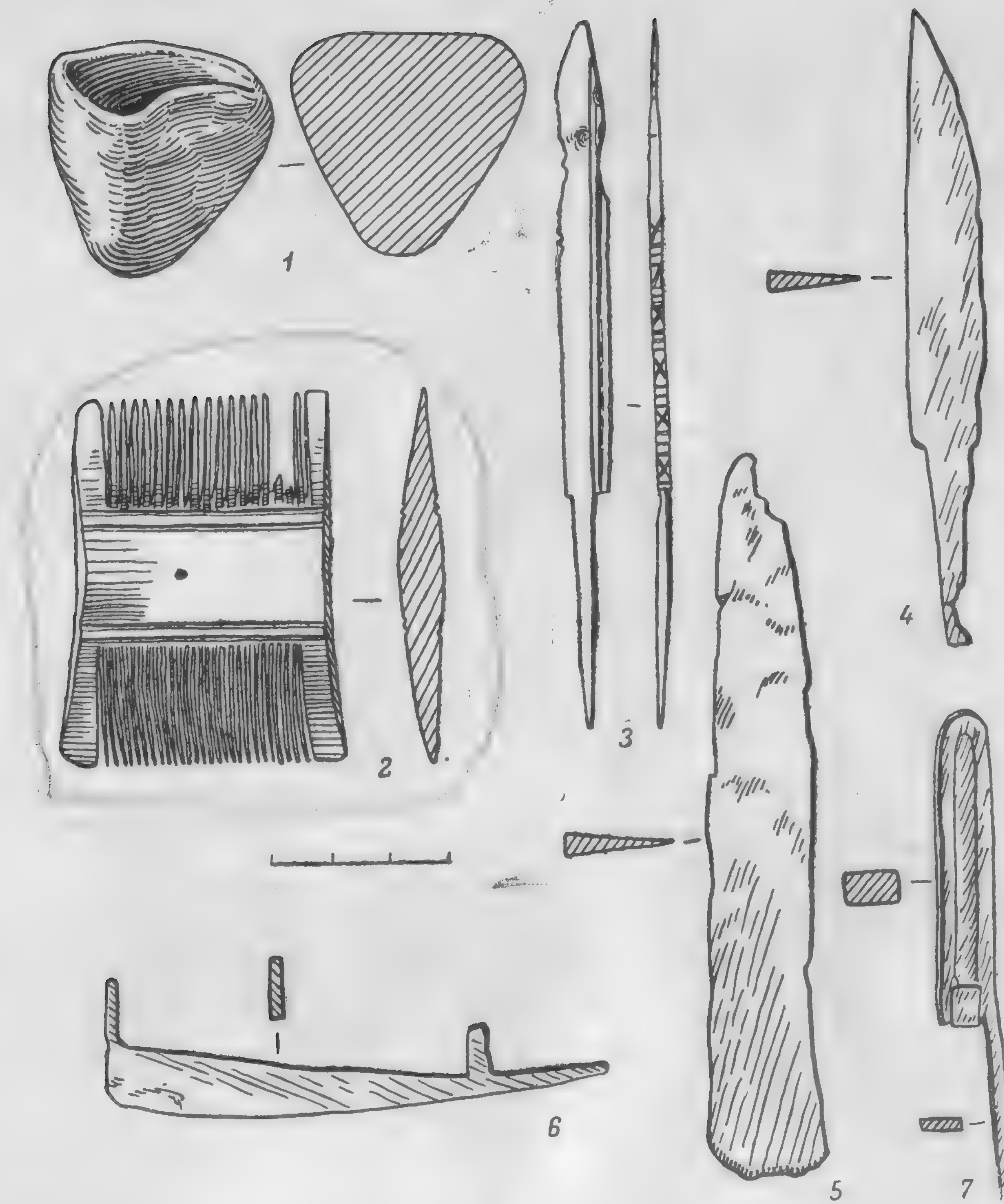

Рис. 21. Находки из постр. 3.

1 — тигелек; *2* — гребень; *3—5* — ножи; *6* — ключ; *7* — железная поделка.

от которого сохранились сгоревшие бревна нижнего венца (диаметр бревен 18—20 см). Рубка произведена в обло. Под углы сруба были подложены камни. У восточной, южной и западной стен в смещенном положении лежали бревна второго и третьего венцов. С восточной стороны сохранилось бревно, вероятно, от четвертого венца. Постройка занимала площадь 7×11 м. Северная и южная стены дома в длину состояли из двух бревен, соединенных внахлест. В продольные стены была врублена перегородка, от которой уцелело лишь одно бревно. В большем помещении (7×7 м), в углу, открыты остатки глинобитной печи, поврежденной крупным камнем и ямой. Прямоугольная в плане печь (2.4×1.9 м) имела глинобитный свод, при разрушении которого образовался развал глины толщиной до 10 см. Под печи глинобитный, округлый в плане, диаметром 90 см. Печи, очевидно, принадлежали камни, обнаруженные на развале глины. Западнее печи находился настил пола, состоявший из горелых досок, под которыми перпендикулярно настилу лежали лаги. В северо-западном углу открыты скопления булыжников и подсыпка песка. Меньшее помещение имело площадь 4×7 м. На бревне его восточной стены найдено несколько досок, вероятно, от двери. В южной части помещения продольно и по диагонали лежали доски настила пола.

Материк, на котором была сооружена постр. 6, отличается от материка за ее пределами. Песок здесь плотный, серый, встречается известняк.

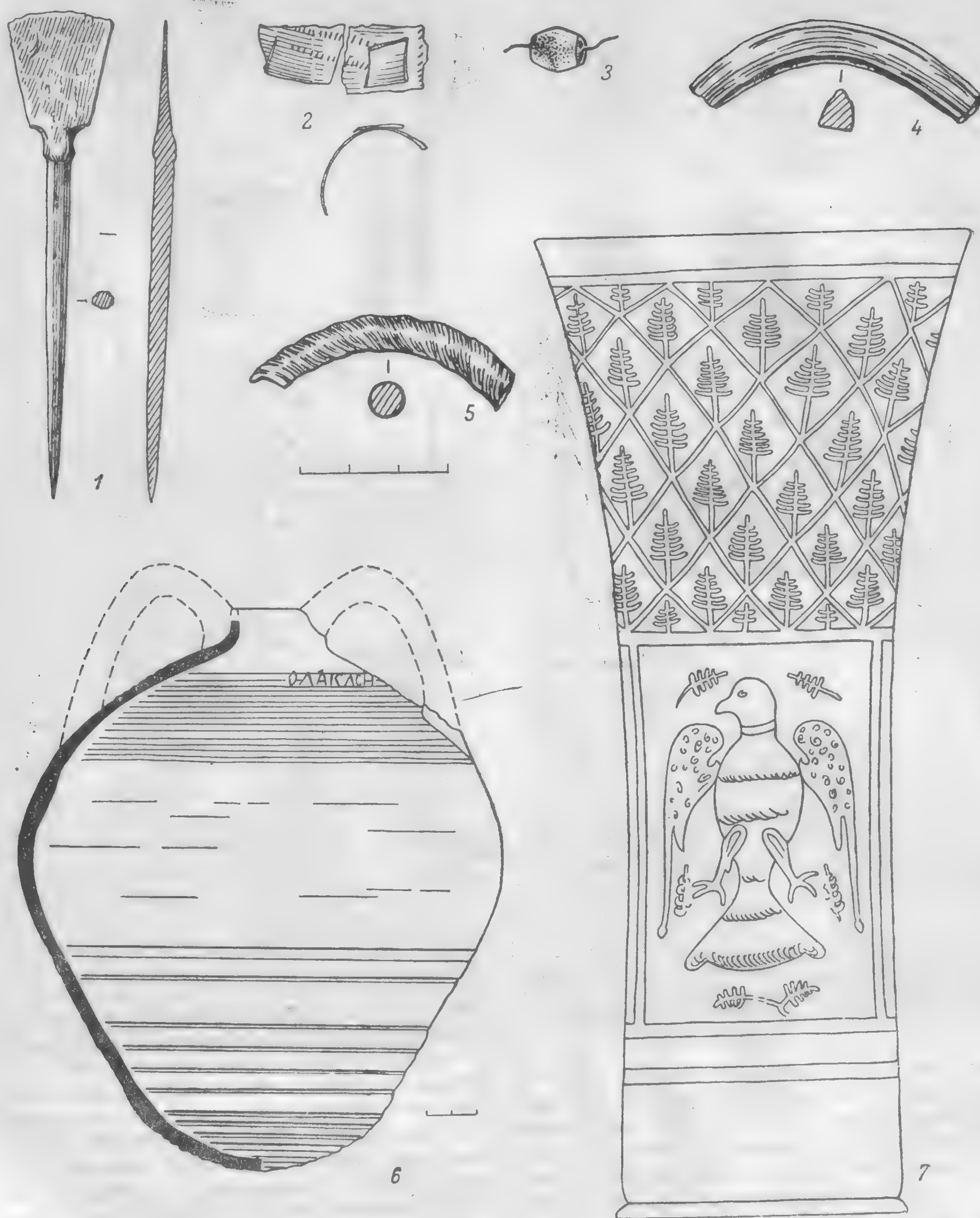

Рис. 22. Находки из постр. 3.

1 — стиль; *2* — перстень; *3* — бусина; *4*, *5* — стеклянные браслеты; *6* — амфора; *7* — стеклянный кубок (реконструкция).

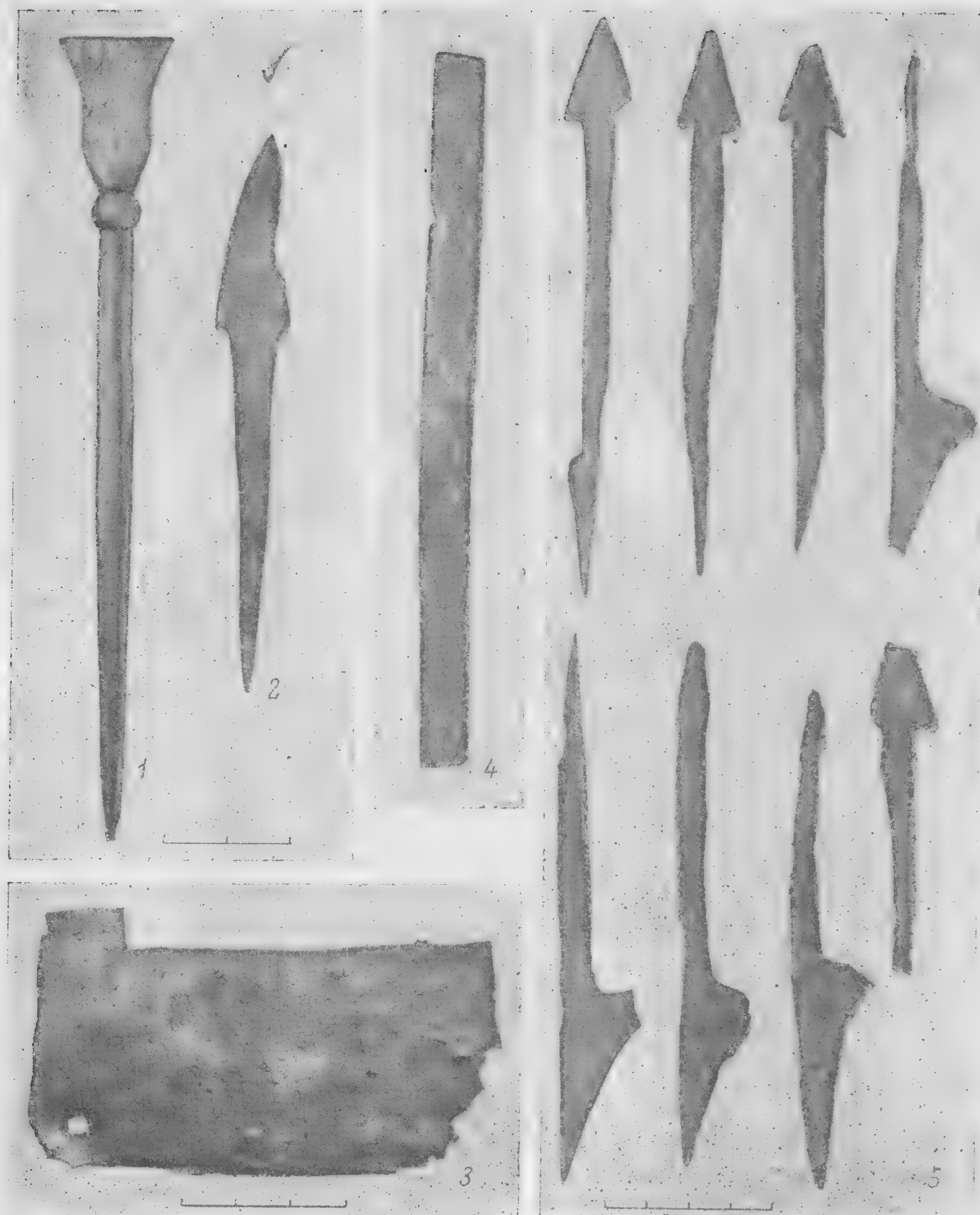

Рис. 23. Находки из постр. 6.

1 — стиль; *2* — нож; *3, 4* — железные пластины; *5* — гарпуны.

Находки сосредоточены главным образом в большей части постройки. Вблизи печи на полу лежало восемь железных гарпунов; шесть из них были, по-видимому, связаны. Гарпуны двушипные (рис. 23, *5*). Одношипные и двушипные гарпуны известны в Новгороде, Княжой Горе, Пскове, Вышгороде и некоторых других местах.[36] Керамический комплекс постройки представлен почти всеми типами горшков с отогнутым венчиком (типы I—VIII), причем более трети керамики составляют горшки V типа. Второе место (более 20%) принадлежит горшкам VIII типа. Горшки остальных типов составляют от 3 до 10%. Встречены фрагменты горшков с вертикальным горлом и мелкой столовой посуды. Найдены также обломки трех амфор I и II типов и обломки двух стеклянных бесцветных воронкообразных кубков. Один из них рифленый (рис. 24, *2*), а второй гладкий (рис. 24, *1*). Интересен нож: рукоять его вдвое длиннее лезвия (рис. 23, *2*). Это нож резчика кости, которому большая рукоять обеспечивала точность движения. Аналогичные ножи известны в Гнездове, Пскове и Белой Веже.[37] Вместе с перечисленными вещами найдены заготовка оленьего рога и железный гвоздь. В западной части постройки лежали три железные поделки; среди них — широкая пластина (рис. 23, *3*, *4*), гвоздь, подковка от обуви и железный стиль с лопаточкой в форме узкого

[36] Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). — МИА, 1953, № 32, с. 99, 100.

[37] Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 162.

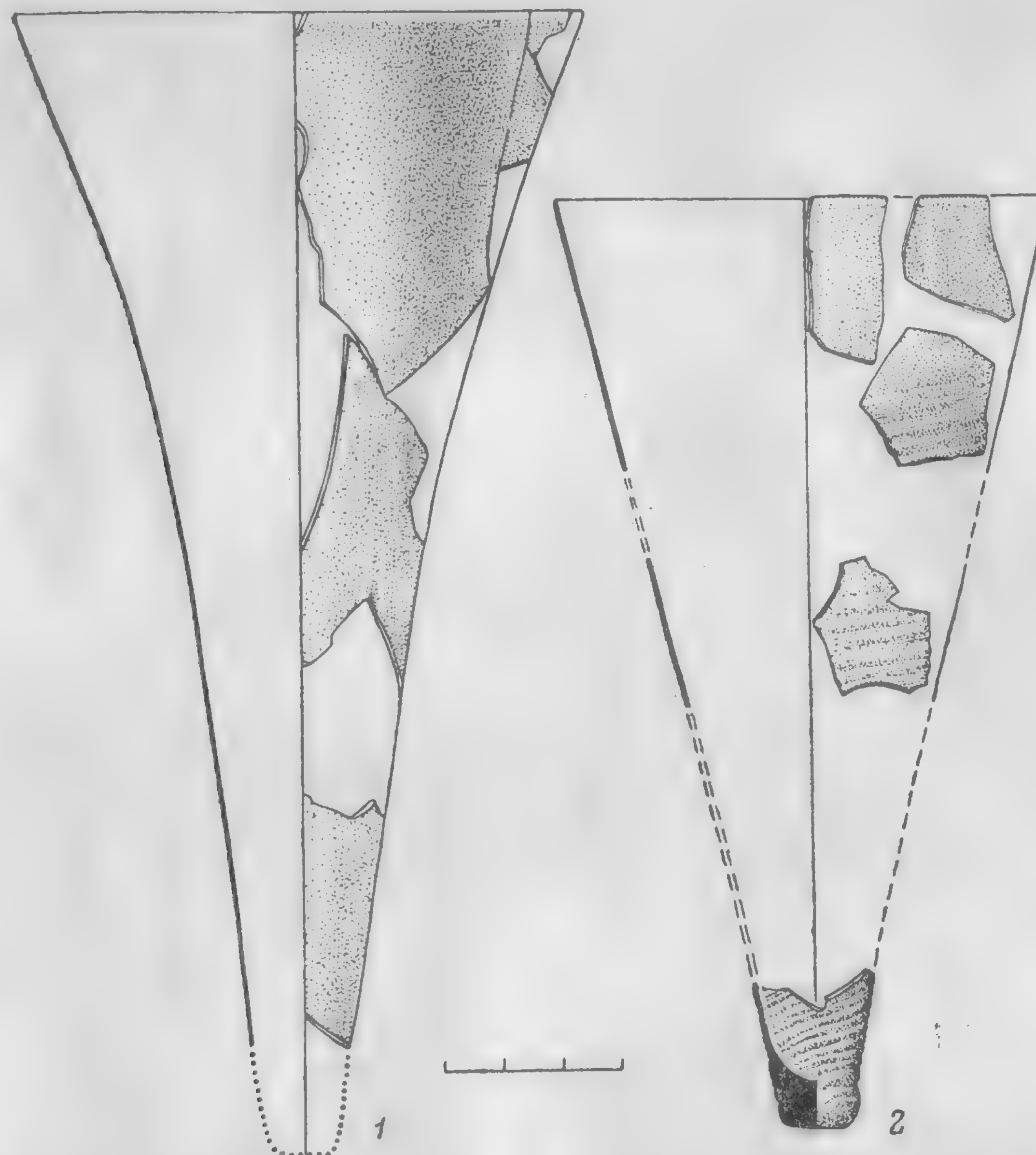

Рис. 24. Стеклянные сосуды из постр. 6 (*1*, *2*).

бокальчика (рис. 23, *1*). Этот тип стилей был распространен в древнерусских городах XII—XIII вв.[38]

Постр. 12 (кв. Ф—Ъ-10—15).[39] Остатки ее залегали на глубине 2.6—3.1 м приблизительно в тех же квадратах, что и нижележащая постр. 13. Северо-восточная часть постройки располагалась на каком-то настиле из истлевших и сгоревших досок. Там же были открыты ряд столбовых ям, а также большая яма (диаметр 1.7 м), в которой находилась необожженная глина.

Остатки постр. 12 состояли из завала необожженной и частично обожженной глины и обломков кирпичей (21×4.5 см). Хорошо прослеживалась восточная граница, где развал глины и кирпичей окаймлялся горелым бревном диаметром 20 см. На границу северной стороны постройки указывает скопление глины, ограниченное остатками горелого дерева. Площадь постр. 12 около 76 м². В строительном развале преобладали глина и кирпичи. У границ дома найдено горелое бревно, горелые и иногда негорелые доски шириной до 25 см. Часто встречались скопления угля и золы. В развале глины, залегавшей местами в два, а у северной стены даже в три слоя, выявлено несколько ям.

В северо-восточной части постройки уцелели остатки печи. Ее развал представлял собой скопление необожженной глины и кирпичей, часть которых сохранилась целиком. Размеры кирпичей 27×21×4.5 см. Наряду с обычными кирпичами встречены лекальные, трапециевидной и иных форм (рис. 25, *3*). Кое-где в развале печи замечены обломки горелого дерева. Под печи, открывшийся на глубине 2.75 м, состоял из кирпичей, лежавших, однако, не in situ. Пол постройки от развала глины отделялся засыпью толщиной 40 см. Остатки его в виде четырех горелых досок уцелели в кв. ЦШ-13—15. Доски подстилала необожженная глина. Остальная часть пола представляла собой угольный слой.

На уровне пола открыты многочисленные ямы от столбов. Почти в центре пола прослежена

---

[38] Медведев А. Ф. Древнерусские писала. . ., с. 76.

[39] Гуревич Ф. Д. Дом боярина в древнем Новогрудке. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 97—102 (план см. с. 98).

яма диаметром 46 см, глубиной 16 см; на стенках ее сохранились остатки горелого дерева, на дне — зола и угли. Остальные углубления были меньше. Вблизи углов постройки лежало 29 обломков оконного стекла (рис. 25, *1*). В засыпи между развалом глины постройки и ее полом, а также на полу найдены многочисленные обломки известковой штукатурки, сосредоточенной преимущественно в южной части постройки. К извести добавлен песок, изредка — цемянка. Толщина обломков штукатурки около 5 см, но встречаются куски толщиной 8 и даже 10 см. Внутренняя поверхность штукатурки довольно гладкая, в ряде случаев бугристая или бородавчатая. Наряду с плоскими кусками попадались обломки угловой штукатурки, иногда — куски с двумя слоями известки. Бóльшая часть штукатурки покрыта полихромной росписью. Встречались в основном обломки с ярко-красной росписью и полукруглым бордюром, окаймленным рядами черных полос. Внутри бордюра по бело-зеленому фону нанесен черный стилизованный аканф (рис. 26, *2*). Такой же аканф изображен на белом фоне, порой в сочетании с росписью, исполненной коричневой краской. Некоторые куски, расписанные красным, окружает полоса шириной 12 см. Внутри ее на бледно-зеленом фоне выделяется красно-коричневый стилизованный растительный орнамент (рис. 26, *1*). На отдельных кусках черный аканф нанесен на белый фон.

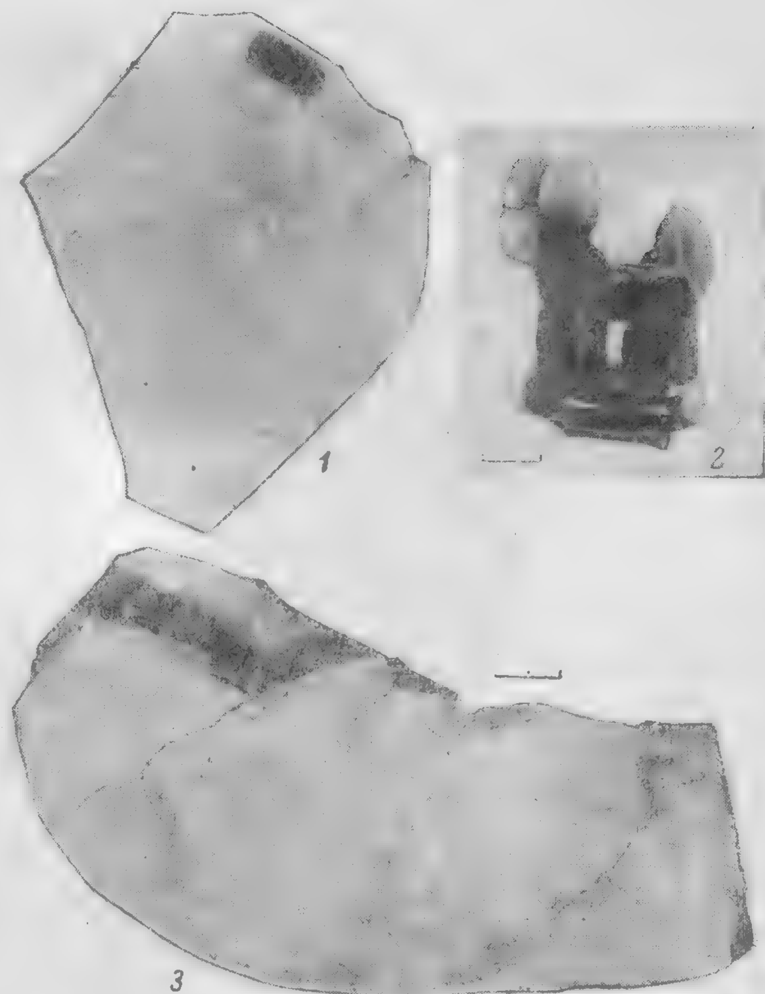

Рис. 25. Находки из постр. 12.

1 — обломок оконного стекла; *2* — крышка сосуда, *3* — кусок кирпича.

Найдены куски фресок в виде желтых прямоугольников, окаймленных коричневыми полосами и полуспиралями. Прямоугольники с одной стороны обрамлены аканфом, нанесенным черной краской, с другой — сплошной красной росписью. Отметим также следующие фрагменты: с желтой росписью и полукруглым бордюром в виде широкой красной полосы и узкой желтой; бело-зеленым стилизованным орнаментом и коричневыми полосами на красно-желтом фоне; красными полосами на белом фоне; черными кружками на белом фоне; голубой полосой, окруженной коричневыми линиями; черным ромбом на красно-коричневом фоне; серой росписью, и др. На угловых кусках по белому фону проходят черно-красные полосы.

На одном из кусков штукатурки сохранилось изображение мужской головы в профиль. Это безбородое лицо с крупным прямым носом и слабо выраженным подбородком. Видны глаз, часть брови и вьющиеся темные волосы. На лоб мужчины надвинута шапка с коричневой опушкой. На сферической тулье заметны остатки голубой краски. Под головой — ромбическая фигура, окрашенная в белый и темно-красный цвета (рис. 26, *3*). На другом куске фрески изображена часть руки. Роспись исполнена в красно-коричневых тонах по бело-желтому фону.

Имеются фрагменты фресок с начертанием древнерусских букв, нанесенных черной краской на белый фон. Среди букв большего размера (высота до 5 см) читаются *С*, *О*, *Е*. Предположительно возможно также выделить *К*, *Л*, *Ъ* или *Ь*. Из числа мелких букв (высота 3 см) может быть прочитана только *Е*.[40] На отдельных кусках штукатурки встречаются граффити; в одном случае процарапано *А*.

Фрески, найденные в засыпи жилого дома, служат бесспорными археологическими доказательствами существования росписи в этой богатой гражданской постройке.

Наиболее распространенный орнаментальный мотив в виде стилизованного аканфа часто встречается на фресках древнерусских церквей XII в., например в Георгиевском соборе Старой Ладоги,[41] Смядынской церкви в Смоленске,[42] Спасо-Нередицкой в Новго-

[40] Там же, с. 98—100.

[41] Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896, табл. LXXIV—LXXV.

[42] Воронин Н. Н. Смоленская живопись 12—13 веков. М., 1977, рис. 70.

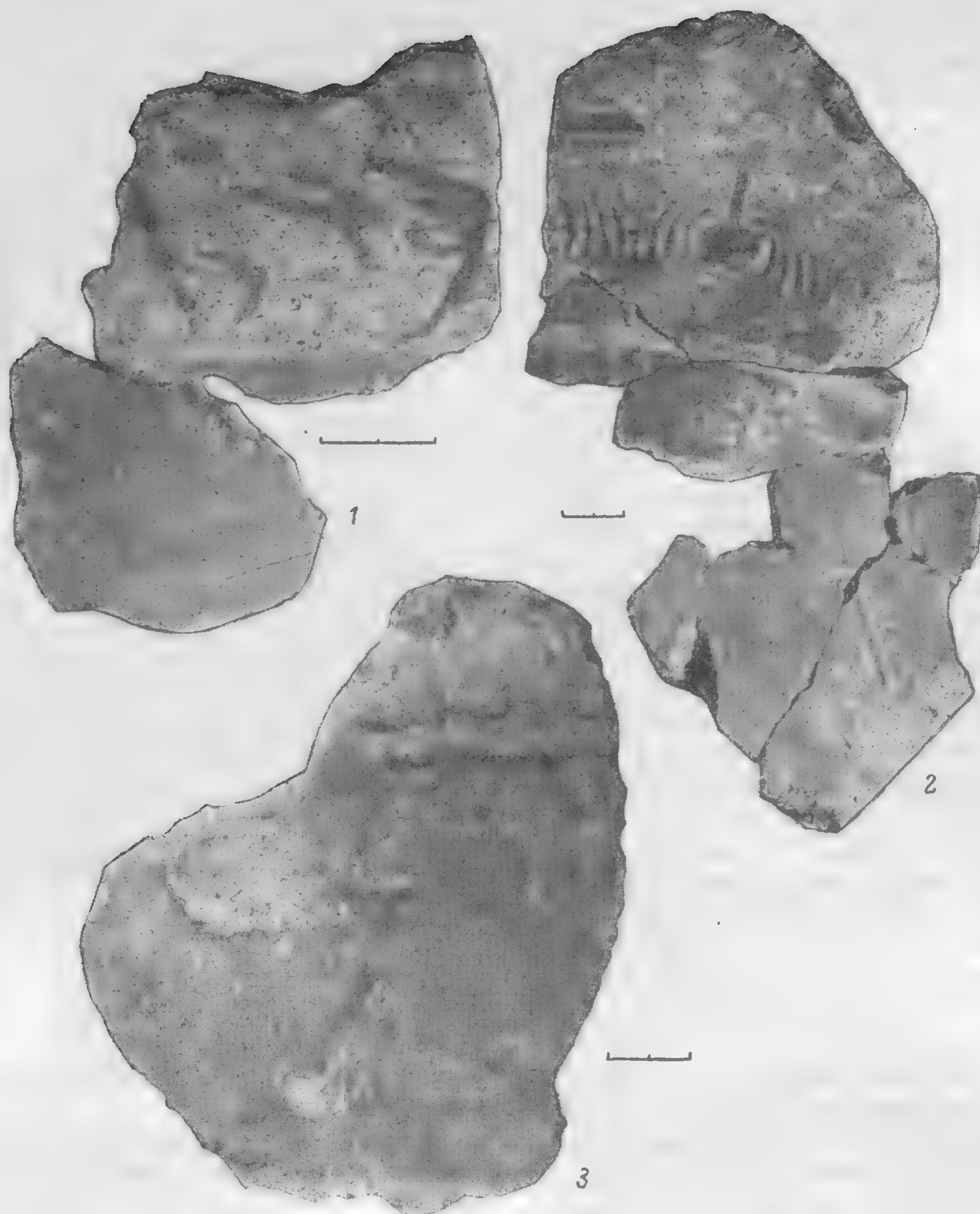

Рис. 26. Обломки штукатурки с фресковой росписью из постр. 12 (*1—3*).

роде,[43] Успенском соборе во Владимире,[44] русской церкви на Готланде[45] и др. Аналогии стилизованному растительному орнаменту имеются на фресках Борисоглебской церкви XII в. в Новогрудке, исследованной М. К. Каргером.[46]

Очень интересен кусок фрески с изображением человеческой головы. Не вызывает сомнения, что голову покрывает характерная княжеская шапка. А. В. Арциховский на основании миниатюр Кенигсбергской летописи приходит к выводу, что мягкая сферическая шапка с меховым околышем является атрибутом русских князей. Никто, кроме князя, таких шапок не носил.[47] Мы уже отмечали, что тулья шапки на фреске из постр. 12 была покрыта голубой краской. Небезынтересно в связи с этим сказать, что князь Ярослав — строитель Спасо-Нередицкой церкви — носил, согласно изображению на миниатюре, шапку именно с голубым верхом.[48]

Вблизи углов дома лежали обломки трех амфор II типа (рис. 27). На полу и на уровне пола в южной части постройки найдены две бронзовые пластинки и железная шпора с гвоздевидным шипом (рис. 28, *5*); такие шпоры были распространены на Руси преимущественно

43 Мясоедов В. К. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, табл. XIX.

44 Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, рис. 49.

45 Арне Т. И. Русско-византийская живопись в Готландской церкви. — Изв. Ком. изуч. древнерус. живописи. Пг., 1921, т. 1, с. 6, табл. V.

46 Каргер М. К Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке — КСИА, 1977, вып. 150, с. 81. — Фрески хранятся в Новгородском историческом музее.

47 Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник М., 1944, с. 28.

48 Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906, с. 43.

Рис. 27. Амфора из постр. 12.

в XI—XII вв.[49] Там же встречены часть железных псалий (рис. 28, *6*) и бронзовая фигурная ручка (рис. 29, *3*). Уникальной вещью является уховертка из оленьего рога. Верх ее — изображение музыканта, играющего на трехструнном инструменте (рис. 30, *20*).[50] В центре постройки найдены также обломок тигелька (рис. 28, *15*) и металлический равносторонний крест-тельник. У северной стенки — бронзовая пластинка (рис. 30, *12*) и три шиферных пряслица: два биконических и одно зонное. Там же лежали обломок железного витого стержня, часть замка (возможно, от пут), фрагмент стеклянного зеленого плосковыпуклого перстня и две небольшие синие ребристые бусины (рис. 30, *3*). Бусы этого типа в отличие от ранее описанных бытовали в XI—XII вв.[51] Обращает на себя внимание верхняя часть черной стеклянной крышки восточновизантийского сосуда в виде фигурки собачки. Уши, морда и два налепа на краю скульптурки сделаны из молочно-белого стекла (рис. 25, *2*).[52]

Большое количество предметов оказалось в засыпи между развалом глины и полом. К инструментам, орудиям и материалам, связанным с производительным трудом, относятся зубило (28, *11*), обломанное железное орудие (28, *10*), металлическая матрица для тиснения пятичастной поделки (рис. 30, *1*), около 20 пластинок и обрезков бронзы, два куска свинца (один из них в форме бруска), олений рог со следами работы и четыре шиферных пряслица. Среди оружия выделяется бронзовое перекрестье меча со стилизованными головками птиц или драконов по краям (рис. 28, *4*). Мечи такого типа относятся ко времени до середины XII в. Близкие аналогии нашей находке имеются в Прибалтике на территории куршей.[53] В постройке найден наконечник сулицы (рис. 28, *14*). Это оружие ближнего боя датируется XII—XIII вв.[54] Видимо, так же датируется обломок лезвия ромбовидного в сечении копья (рис. 28, *13*). В составе оружия были и три черешковых наконечника стрел. Два из них, квадратные в сечении, принадлежат к категории бронебойных стрел; третий — ромбовидный, с выступом в средней части пера (рис. 28, *8*). Эти наконечники характерны для XII в.[55] Ко времени не ранее XII в. относятся фрагменты двух шпор с отогнутым пирамидальным шипом (рис. 28, *7*, *9*).[56]

Массовая керамика, как и в постр. 6, состоит из фрагментов горшков I—VIII типов. Около 25% фрагментов принадлежит горшкам V типа, а около 20% — VIII типа. Примерно в равной степени представлены горшки IV, VI и VII типов (от 8 до 12%), а горшки I—III типов встречены в виде отдельных обломков. На полу постройки найдены фрагменты мелкой столовой посуды, крышки I типа и куски пяти амфор I, II, IV и V типов. В засыпи постройки — более 20 фрагментов поливной керамики. Реконструированы блюдо с двусторонней зеленой поливой, горшок с желтой поливой и сосуд с коричневой. Обнаружена также головка от зеленой поливной крышки.[57] К инвентарю постройки относится более 40 фрагментов стеклянных сосудов. Три из них принадлежали сине-зеленому рифленому стакану высотой 10 см, украшенному вверху рядами белых нитей (рис. 31, *4*). Такие сосуды изготовлялись в Сирии. Из фрагментов стекла ближневос-

---

[49] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 69. (САИ; вып. Е1-36).

[50] Гуревич Ф. Д. Изображение музыкантов в Древней Руси. — СА, 1965, № 2, с. 276—281.

[51] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 104.

[52] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 15.

[53] Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 49—50; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, вып. 1, с. 53. (САИ; вып. Е1-36).

[54] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, вып. 2, с. 102. (САИ; вып. Е1-36).

[55] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 66, табл. 20, *18—20*.

[56] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 69.

[57] Малевская М. В. Поливная керамика Новогрудка. — СА, 1969, № 3, рис. 1, *6*, *7*, *12*, *28*.

Рис. 28. Находки из постр. 12.

1 — стиль; *2, 3, 10* — железные поделки; *4* — перекрестье меча; *5, 7, 9* — обломки шпор; *6* — фрагмент псалия; *8* — наконечник стрелы; *11* — зубило; *12* — скоба; *13* — наконечник копья, *14* — сулицы; *15* — обломок тигелька.

Рис. 29. Находки из постр. 12.

1, 2, 4, 5 — фрагменты фаянсовых сосудов; *3* — ручка.

точного и византийского происхождения реконструируется молочно-белый сосуд, расписанный золотом (рис. 31, *5*). Остальные обломки представляли сосуды из синего, красно-фиолетового и бесцветного стекла.[58] Найдены четыре кольцевые ножки от стеклянных кубков (рис. 31, *1*, *3*, *6*), которые наиболее характерны для южнорусских городов XII в. Подобные сосуды начали производить на Руси в 30-х гг. XII в.[59]

В разных местах засыпи встречены фрагменты фаянсовых сосудов. Бо́льшая часть их принадлежала блюду, покрытому двусторонней люстровой и желто-коричневой росписью (рис. 29, *1*, *4*). Один из фрагментов представляет собой часть днища с поддоном. Изнутри на дне была изображена птичья лапа, исполненная марганцем и кобальтом (рис. 29, *2*). Такого рода фаянсовые сосуды — типичные изделия средневековых мастерских Ирана.[60]

В утварь данной постройки включаются также три ножа, две скобы (рис. 28, *12*) и ряд поделок из железа (стержни, пластины и др.).

Предметами туалета, убора и украшениями являются двусторонний трапециевидный роговой гребень, датирующийся XI—XII вв.,[61] и обломок роговой уховертки (рис. 30, *18*), ко-

[58] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 13, табл. XI, *3*, *8*; XII, *5*.

[59] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 58.

[60] Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 35.

[61] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 101.

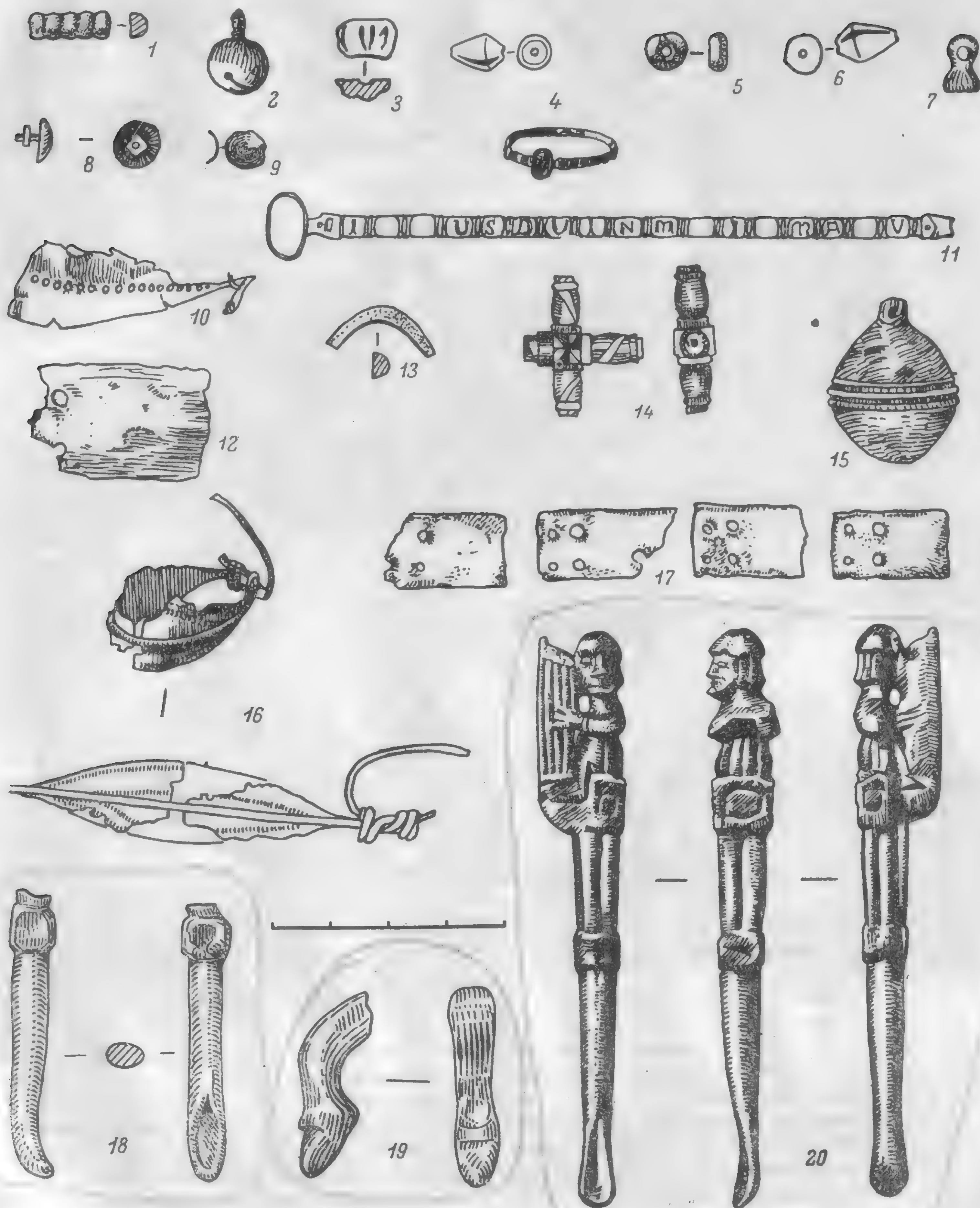

Рис. 30. Находки из постр. 12.

1 — матрица; *2, 15* — бубенчики; *3—6* — бусины; *7* — пуговка; *8, 9* — бляшки; *10, 16* — бронзовые перстни; *11* — золотой перстень; *12* — пластинка; *13* — фрагмент стеклянного перстня; *14* — крест-тельник; *17* — поясные пластинки; *18, 19* — поделки из рога; *20* — уховертка.

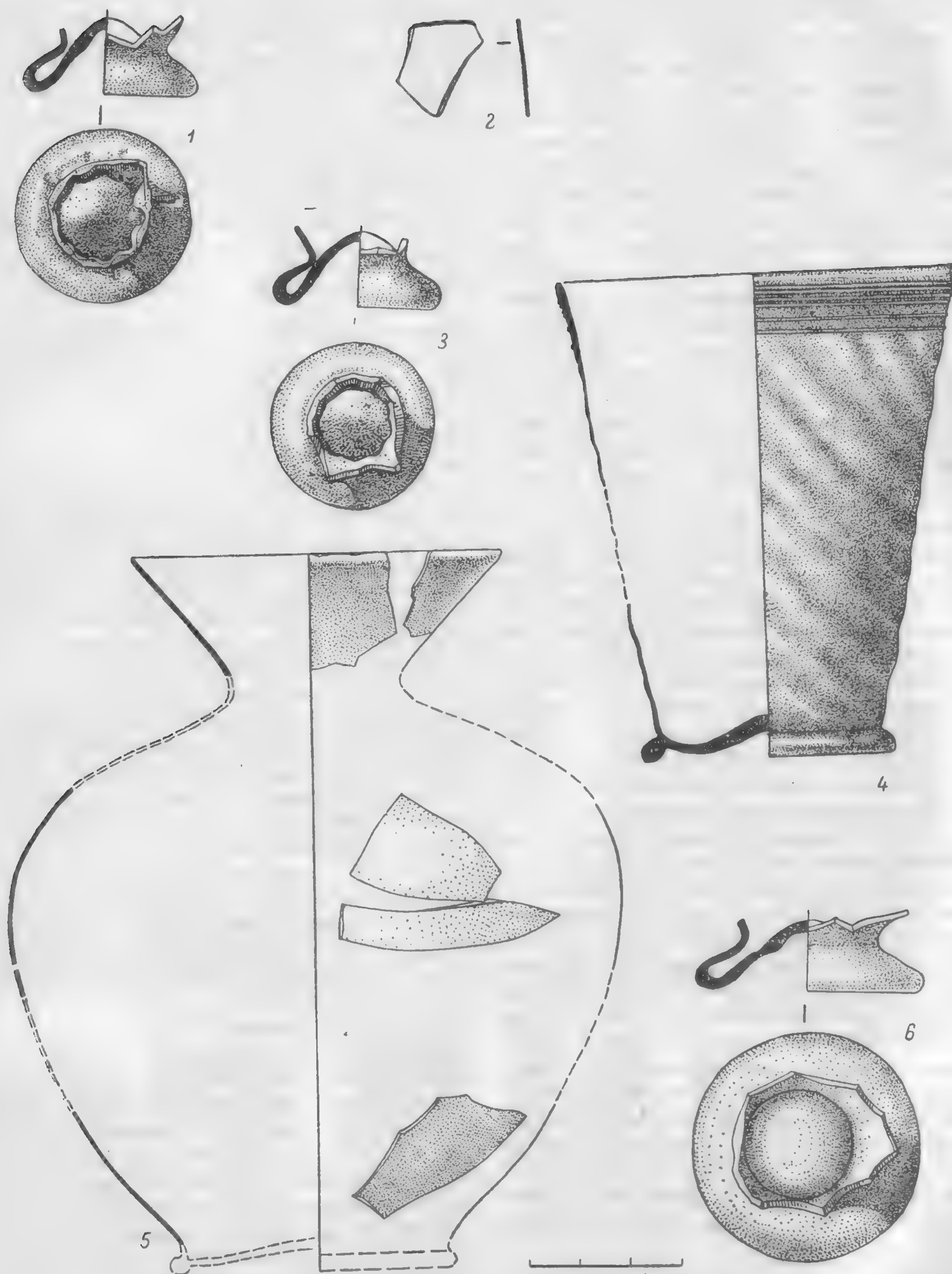

Рис. 31. Обломки стеклянных сосудов из постр. 12 (*1—6*).

торый, возможно, принадлежал такой же поделке, какой была уховертка с изображением музыканта. Отметим также изделие из рога в форме лапы копытного (рис. 30, *19*). 25 железных прямоугольных пластинок с отверстиями (рис. 30, *17*) были частью поясного набора. В литовском могильнике Вершвяй близкие по форме бронзовые поясные пластинки датируются X—XI вв.[62] Встречено много бронзовых бляшек, пуговок (рис. 30, *7*) и бубенчиков со щелевидной прорезью (рис. 30, *2*, *15*), служивших украшением одежды. Такие бубенчики появляются на Руси в конце XI в. и бытуют вплоть до XIII в.[63] Аналогия пуговкам есть в могильнике Белой Вежи.[64] Бронзовое височное кольцо напоминает соответствующую находку в постр. 24. Как указывалось, эти украшения имеют широкие рамки бытования.

В засыпи постройки найдены четыре стеклянные желтые бусины. Одна из них бисерная, остальные зонные (рис. 30, *5*). Специфична форма полых бусин, сделанных из листового золота (рис. 30, *4*, *6*).

К инвентарю постройки относятся также два золотых украшения. Одно из них — обрывок очень тонкой цепочки. Второе — перстень с красным камнем. Узкая шинка перстня разделена перехватами на равные части, в каждой из которых выгравирована латинская буква. Многие буквы стерлись, но некоторые отчетливо читаются в таком порядке: *i*, *u*, *s*, *d*, *v*, *n*, *m*, *a*, *v* (рис. 30, *11*). Аналогичные средневековые перстни с начертанными на них изречениями или словами молитвы хранятся в Британском музее.[65] Очевидно, новогрудский перстень сделан в ювелирной мастерской одной из западноевропейских стран. Для русских древностей типичны два бронзовых широкосрединных перстня с завязывающимися концами (рис. 30, *10*, *16*). Они датируются временем с конца X до начала XII в.[66] Обломки четырех плоско-выпуклых перстней (рис. 30, *13*) из зеленого, желтого, синего и фиолетового стекла не отличаются от перстня, лежавшего на полу постройки. В засыпи найден также фрагмент плоско-выпуклого янтарного перстня. Там же встречены обломки 21 стеклянного браслета (табл. 5).

В инвентаре постр. 12 впервые появляются культовые предметы. Это два креста-тельника.

Таблица 5. Стеклянные браслеты из постр. 12

Форма	Цвет стекла					Всего
	коричневый	синий	зеленый	бирюзовый	фиолетовый	
Крученая	4	2	3	2	1	12
Гладкая	5	1	—	1	—	7
Плоско-выпуклая	1	—	—	—	—	1
Треугольная	1	—	—	—	—	1
Итого . . .	11	3	3	3	1	21

Один из них шиферный (рис. 30, *14*), а другой мраморный, «корсунчик», параллели которому известны в Южной и Юго-Западной Руси.[67]

В заключение отметим находку железного стиля (рис. 28, *1*), аналогичного писалу из постр. 6.

Постр. 18 (кв. Н—У-14—19). Остатки ее открыты над постр 21 на глубине около 2 м. Границы дома определены условно. Наиболее четко прослеживалась граница с северной стороны. Она подходила к валу, совпадая с северной границей нижележащей постройки. Площадь постройки с южной и восточной сторон устанавливается по угольному слою — остаткам сгоревшего пола. С востока часть постройки повреждена каменно-кирпичной кладкой XVII—XVIII вв. С запада постр. 18 ограничена канавой глубиной около 1 м, заполненной землей и песком. Возможно, однако, что эта канава несовременна дому и была вырыта позднее. Таким образом, площадь, занятая постр. 18, составляла примерно 10×9.7 м.

Вблизи восточной границы постройки открыты остатки печи в виде камней на глине и обломков кирпичей (ширина 17—20 см, толщина 3.5—4.5 см), прикрытых слоем золы. Несколько кирпичей, лежавших в горизонтальном положении, являлись, вероятно, остатками пода. При разборке развала печи выяснилось, что она основана на остатках пола. Часть печи постройки осела и оказалась на уровне нижележащей постр. 21.

Пол постройки дошел до нас в виде горелого слоя: на нем было очень много золы. Наиболее крупное ее скопление занимало пространство от центра постройки до западной границы. Слои золы отмечались также по всей западной стороне, в северной и южной частях.

---

[62] Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958, N 540.
[63] Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 137.
[64] Артамонова О. А. Могильник Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109, рис. 45.
[65] Dalton M. A. Franks bequest catalogue of the finger rings. London, 1912, vol. 1, N 863, 889.
[66] Недошивина Н. Г. Перстни, с. 269.

[67] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские. Киев, 1899, табл. I, *2—6*; Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w Państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie — MW, 1960, t. 5, tab. XX, *1*.

Как и в других домах, встречен завал необожженной глины, образовавшийся в результате разрушения верха постройки. В восточной части лежало 78 обломков стекла от четырех оконных дисков. На полу северного участка сохранились две доски длиной 90 см, шириной 20 см, соединенные поперечными шпонками на гвоздях. Это несомненно остатки двери (рис. 32).

При расчистке двери и печи, а также на уровне пола обнаружено много вещей. Часть их связана с деятельностью ювелира. Это обломки шести тиглей и льячек (рис. 33, *7*, *8*), аналогичных найденным в Новгороде,[68] капля оплавленного золота весом 5.4 г (рис. 33, *5*), более 10 обломков и обрезков бронзы. В числе других предметов, отражающих занятия владельцев данной постройки, имеются заготовки из рога (рис. 33, *9*), обломок железной иглы, три шиферных зонных и биконических пряслица (рис. 33, *1*, *2*), три точильных камня со следами работы (рис. 33, *3*) и кусок необработанного янтаря.

Из предметов вооружения на уровне пола постройки встречен наконечник ромбовидной стрелы (длина 10 см) с упором (рис. 34, *2*). Такие крупные наконечники известны еще в дружинных погребениях. В Новгороде они появляются с X в.[69] Отметим также две шпоры с серебряной платировкой. Одна из них, с пирамидальным шипом, датируется XII—XIII в. От второй сохранился только обломок с округлой петлей (рис. 34, *9*); подобные петли тоже появляются в XII в.[70] В засыпи постройки найден железный стержень от кистеня (?) (рис. 34, *1*); аналогия ему неизвестна.

С предметами вооружения иногда связывают булавки с кольцевидной головкой, обломок одной из которых встречен в постр. 18 (рис. 35, *15*). Польский археолог К. Ваховский пишет, что в зависимости от технологии изготовления булавок изменялась их функция. Они могли использоваться для скалывания одежды, служить орудиями письма, походными орудиями и т. д.[71] Л. А. Голубева, систематизировавшая древнерусские булавки с кольцевидной головкой, находки, аналогичные булавке из постр 18, датирует XII в.[72]

Среди массовой керамики есть фрагменты горшков I, II и IV—VIII типов. Примерно 50% керамики — обломки горшков V и VI типов. Около 28% — горшки IV, VII и VIII типов. Фрагменты горшков I и II типов единичны. Найдены также обломки горшков с вертикальным горлом, мисок I и II типов и крышки I типа. Поливная керамика представлена фрагментами двух горшков с желтой и зеленой поливой, вертикальным сосудом с зеленой поливой и высокими сосудами с зеленой и коричневой поливой.[73] В постр. 18 найдено много обломков амфор, которые принадлежали сосудам I и III—V типов (рис. 36).

На уровне пола встречены фрагменты стеклянных сосудов византийского происхождения: сине-белого, расписанного золотом (рис. 35, *8*); синего, украшенного желтой эмалью (рис. 35, *4*); молочно-белого со следами позолоты[74] (рис. 35, *7*); бело-зеленого (рис. 35, *11*). Есть также донца от стеклянных кубков киевского производства.

Из бытовых находок отметим три ножа, часть обмедненного цилиндрического замка (рис. 33, *11*), шесть гвоздей и костяную поделку неизвестного назначения (возможно, игральная кость).

К предметам убора и украшениям относятся маленькая бронзовая трапециевидная привеска, украшенная гравировкой (рис. 35, *6*), обломки стеклянного коричневого плоско-выпуклого перстня с утолщением в середине и трех стеклянных витых браслетов, два из которых коричневые (рис. 35, *16*), а один — синий.

Среди вещей, найденных в засыпи постройки, интересен железный напильник с перекрестной насечкой, аналогии которому известны в Саркеле—Белой Веже (начало XI в.), Киеве, Райках, Вышгороде и Новгороде, где такие напильники встречены в слоях XII—XIII вв.[75] Заготовкой для ювелира служила двойная вставка из бесцветного стекла. Наружная часть ее пирамидальная, внутренняя — плоская (рис. 35, *5*). Некоторую аналогию нашей находке дает могильник Белой Вежи, где подобная вставка изготовлена из горного хрусталя.[76] Возможно, что производственное назначение имели железные пластины и брусок (рис. 34, *7*). К изделиям этого же рода можно отнести обломок железной поделки с расклепанной головкой, в которой пробито отверстие (рис. 33, *10*), и часть бронзовой иглы (рис. 33, *6*). В числе предметов, свидетель-

---

[68] Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, 1963, № 117, рис. 7, *5*, *6*.
[69] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., рис. 15, *32*.
[70] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 105.
[71] Wachowski K. Chronologia i funkcija t. zw. szpil pierścieniowatych w świetle znalesisk na ostrowku w Opolu. — AP, 1977, t. 22, s. 446—454.
[72] Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами. — СА, 1971, № 4, с. 120.

[73] Малевская М. В. Поливная керамика. . ., рис. 1, *4*, *17*, *19*, *21*.
[74] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., табл. XII, *29*.
[75] Сорокин С. С. Указ. соч., с. 156.
[76] Артамонова О. А. Указ. соч., рис. 53, *12*.

19
18
17
16
15
14
Н
О
П
Р
С
Т
У
В
0
1 м
1
2
3
4
5
6
7
8
9

Рис. 32. План постр. 18 и 19. (Разрез ВГ см. рис. 65).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — зола; *4* — древесный тлен; *5* — угли; *6* — горелое дерево, *7* — негорелое; *8* — кирпич; *9* — камень.

ствующих об обработке рога и кости, есть заготовка в форме прямоугольной пластины с процарапанным на ней знаком в виде буквы *X* (рис. 33, *14*). Найдены также точильные камни со следами работы (рис. 34, *13*).

Из предметов вооружения отметим наконечник втульчатой железной стрелы (рис. 34, *3*). Подобные стрелы на Руси бытовали длительное время: с VIII по XIII в.[77]

Довольно большую группу вещей составляют утварь и бытовые находки. К ранее перечисленным обломкам византийских стеклянных сосудов следует присоединить фрагмент голубого сосуда (рис. 35, *13*). Железный ключ от подвесного замка с поперечной ключевой щелью, судя по данным новгородских раскопок, появляется в начале XII в.[78] Вместе с ключом найдена пружина от цилиндрического замка. Особую группу утвари составляют железные пробой и другие поделки, среди которых, возможно, имеются накладки (рис. 34, *6*, *10*), а также дверная ручка и язычок от нее (рис. 34, *8*, *14*).

К предметам туалета и украшениям относятся обломок двустороннего рогового гребня и серебряное полутораоборотное височное кольцо с загнутыми концами (рис. 35, *10*). В курганах дреговичей такие украшения известны со второй половины XII по XIII в.[79] Более ранним временем датируется бронзовая подковообразная пряжка с маковидными головками (рис. 35, *14*). Как показывают памятники Древней Руси, подобные находки относятся к XI—первой половине XII в.[80] В засыпи найден и массивный бронзовый перстень с заходящими концами. Он изготовлен из треугольной в сечении пластины и орнаментирован насечками (рис. 35, *12*). Аналогию ему можно указать в могильнике XI—XII вв. Алтонишкай (район Каунаса)[81] и в других памятниках Литвы. Среди украшений есть обломок стеклянного синего плоско-выпуклого перстня, шаровидная бусина из бесцветного стекла, напоминающего оконное (рис. 35, *3*), янтарная бусина (рис. 35, *9*) и обломки стеклянных браслетов (табл. 6). Встречены также бронзовый крест-тельник. На одной

Таблица 6. Стеклянные браслеты из постр. 18

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	
Крученая	11	4	1	5	1	—	22
Гладкая	—	1	—	2	—	2 *	5
Плоско-выпуклая	1	1	—	—	—	—	2
Треугольная	—	1	—	—	—	—	1
Итого . . .	12	7	1	7	1	2	30

* У одного красная оплетка.

его стороне начертаны буквы *XC*, а на другой изображена фигура Христа (рис. 35, *2*). Близкий по форме крест известен в Поднепровье.[82]

Постр. 19 (кв. НО-16—19). Ее следы на глубине 1.8—2 м, судя по древесному тлену (остаткам пола), сохранились по другую сторону канавы, ограждавшей постр. 18 с запада. В кв. 0-19 открыто угольное пятно диаметром 1 м, возможно относящееся к печи. Границы этой постройки определить было невозможно.

На уровне пола лежала только железная скоба. В культурном слое над полом встречены отдельные предметы, указывающие на занятия хозяев постройки. Об обработке цветных металлов свидетельствует связка проволоки из латуни (рис. 37, *9*). Другие виды производственной и промысловой деятельности характеризуются находкой оленьего рога со следами обработки, заготовки для костяной рукояти (рис. 37, *11*), костяной проколки, шиферного пряслица (рис. 37, *5*) и обломка точильного камня со следами работы (рис. 37, *6*). Найден также железный рыболовный крючок (рис. 37, *2*). Два втульчатых двушипных наконечника стрел (рис. 37, *1*, *10*) аналогичны таковым из постр. 18.

В засыпи постройки встречены обломки византийского молочно-белого сосуда, расписанного красной эмалью и золотом (рис. 37, *3*), [83] и фаянсового с кракелюрами, покрытого коричневым люстром. Фаянсовые сосуды с кракелюрами преимущественно иранского происхождения найдены при раскопках г. Ани. Они известны также в музейных собраниях.[84]

[77] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 56.
[78] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 95.
[79] Успенская А. В. Указ. соч., с. 122.
[80] Мальм В. А. Указ. соч., с. 163.
[81] Kulikauskienė R., Rimantienė R. Op. cit., N 530.

[82] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские, табл. I, *25*.
[83] Гуревич Ф. Л., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., табл. XII, *3*.
[84] Lane A. Islamic pottery from the ninth to the fourteeth centuries A. D. London, 1956, tab. 52; Шел-

Рис. 33. Находки из постр. 18.

1, 2 — пряслица; *3, 13* — точильные камни; *4, 9, 12, 14* — заготовки из кости и рога; *5* — капля золота; *6* — игла; *7, 8* — льячки; *10* — железная поделка; *11* — часть замка.

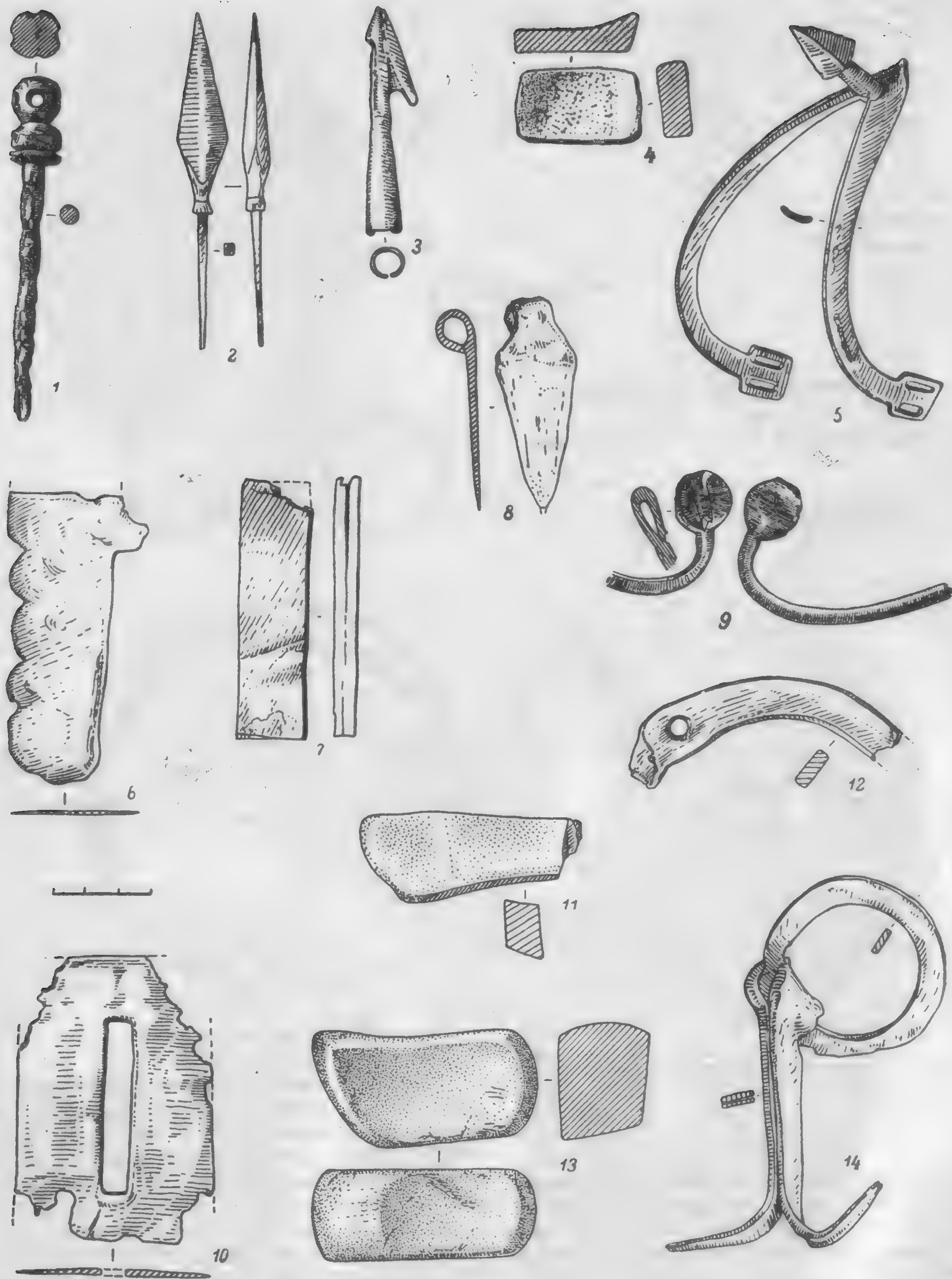

Рис. 34. Находки из постр. 18.

1, 6, 7, 10, 12 — железные поделки; *2, 3* — наконечники стрел; *4, 11, 13* — точильные камни; *5, 9* — шпоры; *8, 14* — части дверных ручек.

Рис. 35. Находки из постр. 18.

1 — обломок стеклянного перстня; *2* — крест; *3, 9* — бусины; *4, 7, 8, 11, 13* — обломки стеклянных сосудов; *5* — стеклянная вставка; *6* — привеска; *10* — височное кольцо; *12* — бронзовый перстень; *14* — пряжка; *15* — булавка; *16* — обломок стеклянного браслета.

К находкам в постр. 19 относятся 10 гвоздей и три железные поделки, назначение которых не установлено (рис. 37, *8*, *12*, *13*). Отметим также обломки перстней из синего и зеленого стекла и синего крученого стеклянного браслета (рис. 37, *7*).

ковников Б. А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957, с. 60—62.

Пятый строительный период

К этому периоду относится наибольшее количество построек (16), сооруженных в разных частях поселения. Шесть из них (25—28, 32 и 35) были возведены над погребениями или на участках, находившихся в непосредственной близости от них.

Постр. 1 (кв. И—М-6—9). Остатки ее, открытые на глубине 0.6 м, лежали на культурном слое нижнего горизонта посада. Значительная часть площади была занята развалом необожженной и обожженной глины от верхних частей постройки и ее стен. Кое-где сохранились следы истлевшего пола. Обнаружены также остатки печи. Развал глины

Рис. 36. Амфора из постр. 18.

толщиной 10—15 см с включением кирпичей простирался с севера на юг на 3 м. Границы постройки на восток и запад не поддаются определению. В развале глины открыт проем полуциркульной формы из обожженной глины с включением кирпичей (28 × 20 × 5 см). Высота проема 25 см, ширина 45 см. В заполнении его обнаружены куски оконного стекла от двух дисков диаметром 22 см. Следы второго проема можно было усмотреть среди рухнувшей на печь глины. Он менее выражен, но и здесь заметно полукружие из глины с включенными в нее кирпичами того же размера, что и у первого проема (рис. 38).

Среди строительного развала постройки было много кусков обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева. Остатки печи, стоявшей в центре постройки, состояли из квадратного деревянного настила (1.4×1.4 м), на котором лежали мелкие камни, песок, зола и угли. Под печью находилась яма диаметром 1.4 м и глубиной 55 см (рис. 39). В ее заполнении найдены обломки горшков, костяная проколка и два миниатюрных ножа. Обушок одного из ножей украшен насечкой и инкрустирован бронзой. Кроме того, в яме встречены обломки перстней из синего и зеленого стекла и фрагменты четырех стеклянных крученых браслетов (два коричневых, синий и зеленый).

Отдельные предметы из засыпи постройки дают основание считать, что в доме, как и в других жилищах, производилась обработка цветных металлов. Об этом можно судить по находке пробойника (рис. 40, *6*), куска оплавленной бронзы и бронзовой заготовки для трапециевидной привески (рис. 40, *1*). Орудием костореза было, возможно, железное сверло (рис. 40, *3*); аналогии ему дают некоторые средневековые поселения.[85] Найдены и опиленные кости. О других занятиях хозяев дома можно судить по находкам трех шиферных пряслиц, железной иглы (рис. 40, *5*), напоминающей современные, и костяной проколки (рис. 40, *2*).

К предметам вооружения и снаряжения коня относятся втульчатый наконечник шиловидной стрелы XII—XIII вв.,[86] железный мундштук от удил (рис. 40, *4*) и половина подковы с волнистым краем (рис. 40, *8*). Такие подковы XII—XIII вв. найдены в Пскове, Райках, Княжой Горе и Изяславле.[87]

В засыпи постройки встречены стенки сосудов, покрытых зеленой поливой, фрагменты трех амфор I и II типов, донце воронкообразного сосуда из бесцветного стекла (рис. 41, *2*), не отличающееся от ранее описанных находок такого рода.

В постройке найдено много железных вещей: 39 гвоздей, две скобы (рис. 40, *7*), пружина от замка, обломок ножа с обушком, украшенным насечкой, и более 10 поделок, назначение которых остается неясным. Особо следует отметить находку фрагмента обгоревшей деревянной резной пластинки (рис. 41, *5*).

Двусторонний роговой гребень (рис. 41, *9*), согласно классификации новгородских древностей, относится к типу К и датируется XII—XIII вв.[88] Другой находкой из рога является обломок овальной в сечении поделки с линейным и кружковым орнаментом (рис. 41, *8*). Бронзовые предметы — миниатюрная пуговка и бубенчик со щелевой прорезью (рис. 41, *6*) — аналогичны находкам из постр. 12. Принадлежностью костюма являлись также бронзовые кольцевидная пряжка (рис. 41, *4*) и поделка, от которой уцелели лишь петли (рис. 41, *3*).

Из украшений, принадлежавших обитателям дома, сохранились две зонные бусины (стеклянная и янтарная), восемь стеклянных перстней, среди которых единственный в новогрудской коллекции целый плоско-выпуклый экземпляр из фиолетового стекла (рис. 41, *7*). Остальные — фрагменты перстней такой же формы из коричневого, синего, желтого и фиолетового стекла.

---

85 Колчин Б. А. Черная металлургия. . ., с. 118—121.

86 Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975, с. 105.

87 Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 84.

88 Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 100, 101.

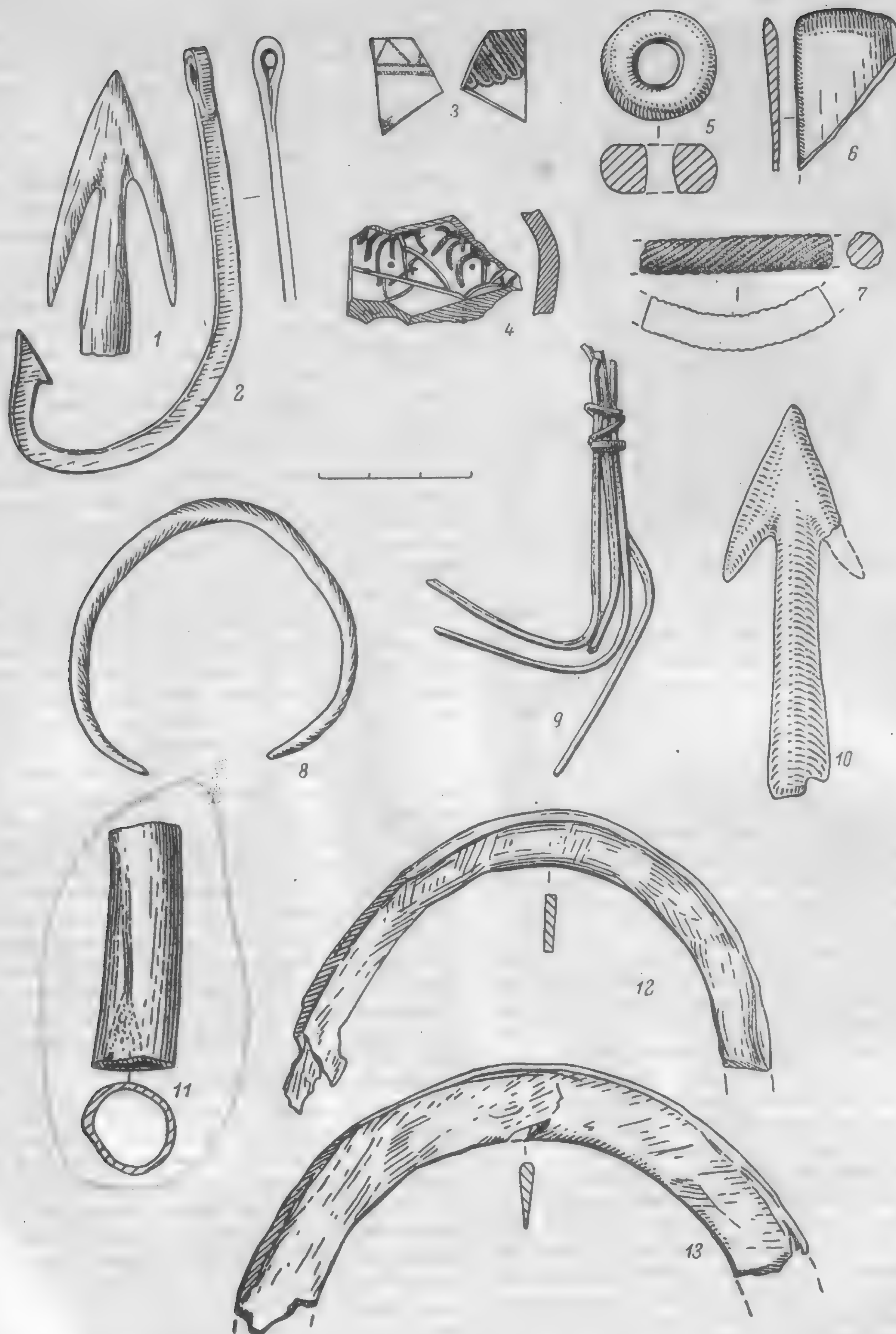

Рис. 37. Находки из постр. 19.

1, 10 — наконечники стрел; *2* — рыболовный крючок; *3* — обломок стеклянного сосуда, *4* — фаянсового; *5* — пряслице; *6* — точильный камень; *7* — фрагмент стеклянного браслета; *8, 12, 13* — железные поделки; *9* — связка проволоки; *11* — заготовка из кости.

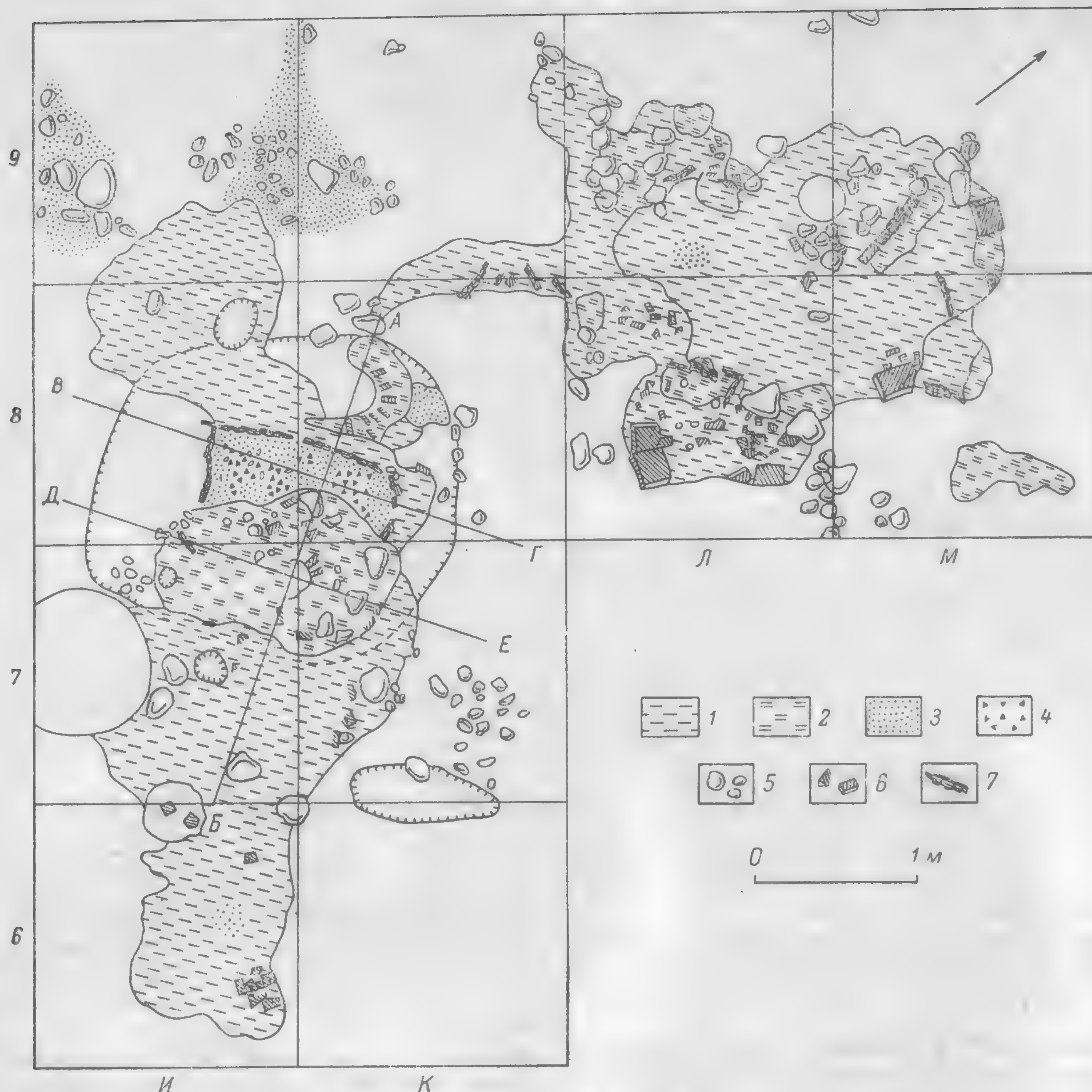

Рис. 38. План постр. 1. (Разрезы АБ, ВГ и ДЕ см. рис. 39).

1 — необожженная глина, 2 — обожженная; 3 — песок; 4 — зола; 5 — камень; 6 — кирпич; 7 — горелое дерево.

По количеству стеклянных браслетов постр. 1 принадлежит одно из первых мест среди новогрудских жилищ (табл. 7).

Постр. 2 (кв. ГД-1—2). От нее уцелели лишь аморфные строительные остатки, состоявшие из обожженной и необожженной глины. Жилище было возведено на культурном слое нижнего горизонта. Все предметы, добытые при исследовании строительных остатков, извлечены из культурного слоя. Это наконечник черешковой стрелы с квадратным в сечении пером, сплющенным у черешка (рис. 42, *1*), аналогия которому встречена

Таблица 7. Стеклянные браслеты из постр. 1

Форма	Цвет стекла							Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	неопределенный	
Кручная	94 *	10 **	3	20 ***	2	7	6	142
Гладкая	15	12	3	7	5	3 ****	4	49
Плоско-выпуклая	1	—	—	—	—	—	—	1
Витая	2	1	—	—	—	—	—	3
С желобком	1	—	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	113	23	6	27	7	10	10	196

* У 23 желтая оплетка. ** У двух желтая или красная оплетка, у одного горизонтальная желтая полоса. *** У 13 желтая, у одного красная оплетка. **** У одного — черная.

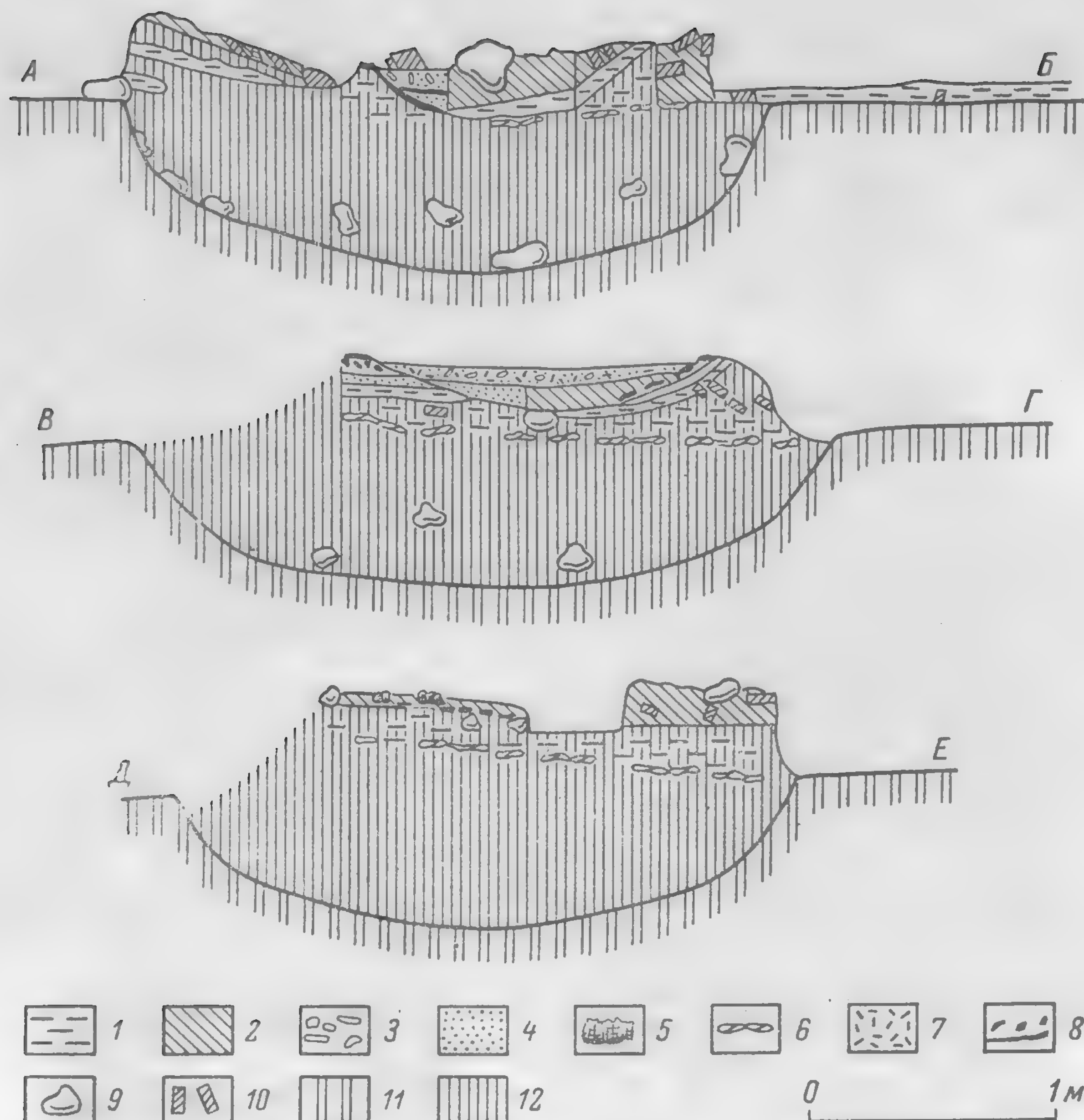

Рис. 39. Разрезы через постр. 1.

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — мелкие камни; *4* — песок; *5* — горелое дерево, *6* — негорелое; *7* — угли; *8* — угольный слой; *9* — камень; *10* — кирпич; *11* — материк; *12* — культурный слой.

в Волковыске,[89] и фрагмент шпоры, инкрустированной бронзовой проволокой (рис. 42, *3*). Такая инкрустация характерна для шпор, найденных в Гродно (XII—XIII вв.) и на городище Асоте (XII в.)[90] Из керамики обнаружены два обломка амфор I типа. Отметим также донце стеклянного кубка киевской работы и серебряное загнутоконечное височное кольцо (рис. 42, *2*).

Постр. 5 (кв. А—Ж-9—15).[91] Возведена после гибели постр. 6 в границах котлована, который занимала последняя. Постр. 5 и нижележащую разделял слой гумуса толщиной до 40 см. Венцы постройки не сохранились, лишь в ее восточной части встречены куски горелых бревен.

Постр. 5, как и нижележащая, была двухкамерной: настил негорелого пола, сохранившийся в западной части и состоявший из досок, лежавших на лагах, был ориентирован в направлении ЮЗ—СВ, в то время как волокна досок пола восточного участка постройки имели противоположное направление. Таким образом, постр. 5 была разделена на два неравных помещения, соответствующих по площади помещениям постр. 6.

Обращает на себя внимание печь, которая, как и в постр. 6, стояла в углу большего помещения. Печь (2×1.9 м) была возведена на слое гумуса. В западной части под ней находился огромный валун диаметром около 1 м. Печь уцелела на высоту до 70 см, сложена из камней на глине (толщина слоя глины 15—40 см). На высоте 60 см по краю печи проходил ряд кирпичей (30×15×4 см). На них частично сохранились остатки известкового раствора. Свод печи был выложен из камней: нижняя часть их лежала in situ, бо́льшая же — вблизи печи на полу (рис. 43). Под

---

[89] З в е р у г о Я. Г. Оружие древнего Волковыска. — В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967, рис. 6.

[90] В о р о н и н Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, рис. 22, *14*: Ш н о р е Э. Д. Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор. — Światowit, 1962, t. 24, c. 582, рис. 3.

[91] Г у р е в и ч Ф. Д. О жилищах окольного города. . ., с. 70—71 (планы и разрезы см. с. 70, 72).

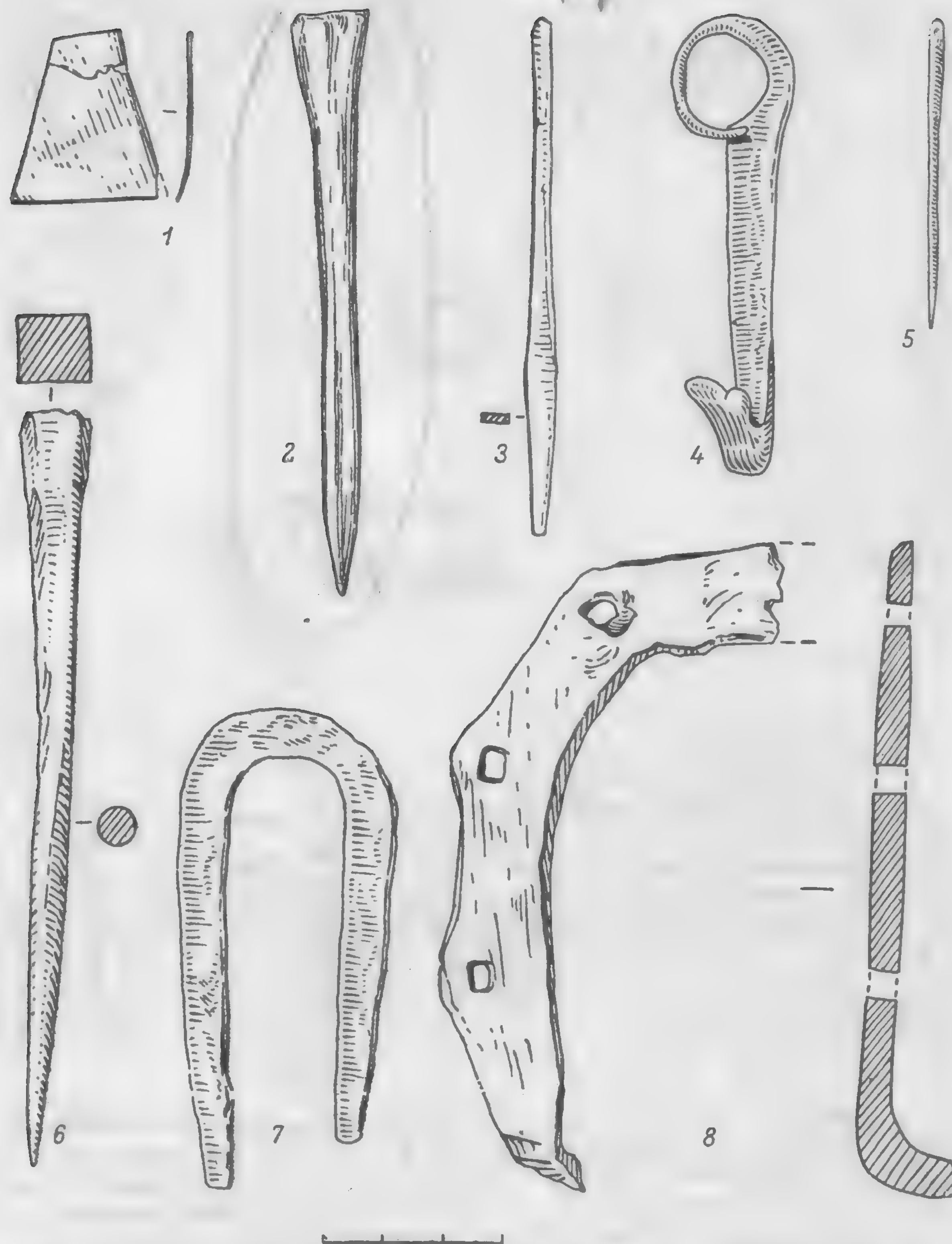

Рис. 40. Находки из постр. 1.

1 — заготовка из бронзы; *2* — проколка; *3* — сверло; *4* — мундштук от удил; *5* — игла; *6* — пробойник; *7* — скоба; *8* — обломок подковы.

печи представлял собой прямоугольную в плане и несколько наклоненную площадку (1.4×0.8 м) из пяти рядов кирпичей. В ближайшем к устью и в двух задних рядах кирпичи были уложены продольно, в остальных — поперечно. Размеры кирпичей пода такие же, как в наружной части, лишь у самого устья отмечена плинфа (30×27×4 см). Под закрывался слоем золы, в котором найдена стенка горшка. При расчистке постройки обнаружена обожженная глиняная обмазка.

На сгнившем настиле пола и у печи было довольно много вещей. 70 фрагментов оконного стекла принадлежали четырем дискам. У самой печи лежало необычное железное орудие длиной 107 см (вероятно, бурав; рис. 44); вблизи печи — глиняная формочка с литниками и отверстиями для штифтов (в ней отливали пуговки; рис. 45, 7). На полу встречены обломок шиферного пряслица, бронзовый стерженек; при расчистке печи — два плоских железных кольца диаметром 15 см (рис. 46, 7). Неясно, имели эти кольца производственное назначение или входили в состав утвари.

Отметим ромбовидный наконечник стрелы без упора с наибольшей шириной пера в нижней части (рис. 47, *5*; аналогичный наконечник встречен в Волковыске) [92] и обломок под-

[92] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., рис. 33, *15*.

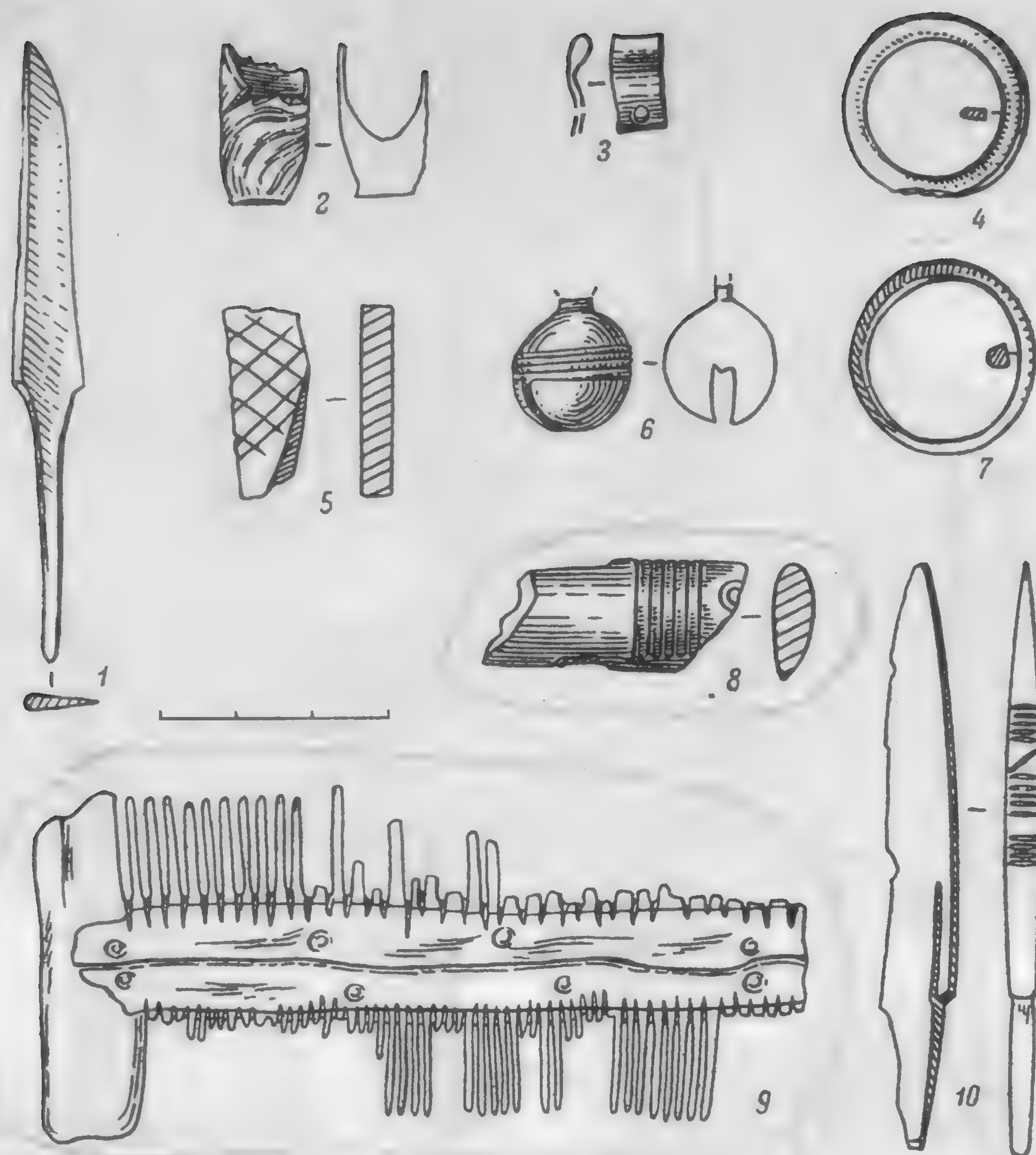

Рис. 41. Находки из постр. 1.

1, 10 — ножи; *2* — донце сосуда; *3, 4* — поделки из бронзы; *5* — деревянная пластинка; *6* — бубенчик; *7* — стеклянный перстень; *8* — накладка; *9* — гребень.

ковы (рис. 47, *8*) той же формы, что и подкова из постр. 1. Среди остальных вещей, найденных при расчистке пола, есть несколько обломков стенок византийского сосуда из марганцово-красного стекла, расписанного золотом (рис. 48, *4—8*),[93] фактура стекла и декор которого напоминают стекло кубка из постр. 3, бронзовый крест-тельник с квадратным средокрестием и прямоугольными выступами по краям (рис. 49, *23*); аналогии последнему дают кресты Поднепровья.[94]

По количеству предметов, найденных в засыпи, постр. 5 занимает одно из первых мест среди новогрудских жилищ. Большинство вещей известно по ранее описанным находкам, но многие из них встречаются впервые.

Из орудий, инструментов, заготовок и сырья значительная часть принадлежит находкам, связанным с ювелирным делом. Найдено пять огнеупоров; три из них были обломками льячек (рис. 45, *1*), подобных льячкам постр. 18. Один тигелек, форма которого напоминает курительную трубку, находит параллели в Гродно, в слоях XII—XIII вв.[95] В его заполнении имелись остатки меди. На внутренних стенках другого тигелька найдены капли оплавленного золота. О златокузнечных работах, производившихся в доме, можно судить также по находкам листового золота. В инструментарий ремесленника, занимавшегося обработкой цветных и благородных металлов, входили клещи, от которых сохранился лишь

[93] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., табл. XII, *7*, *8*.

[94] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские, табл. XVII, *194*, *195*.

[95] Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 34, *1*, *2*.

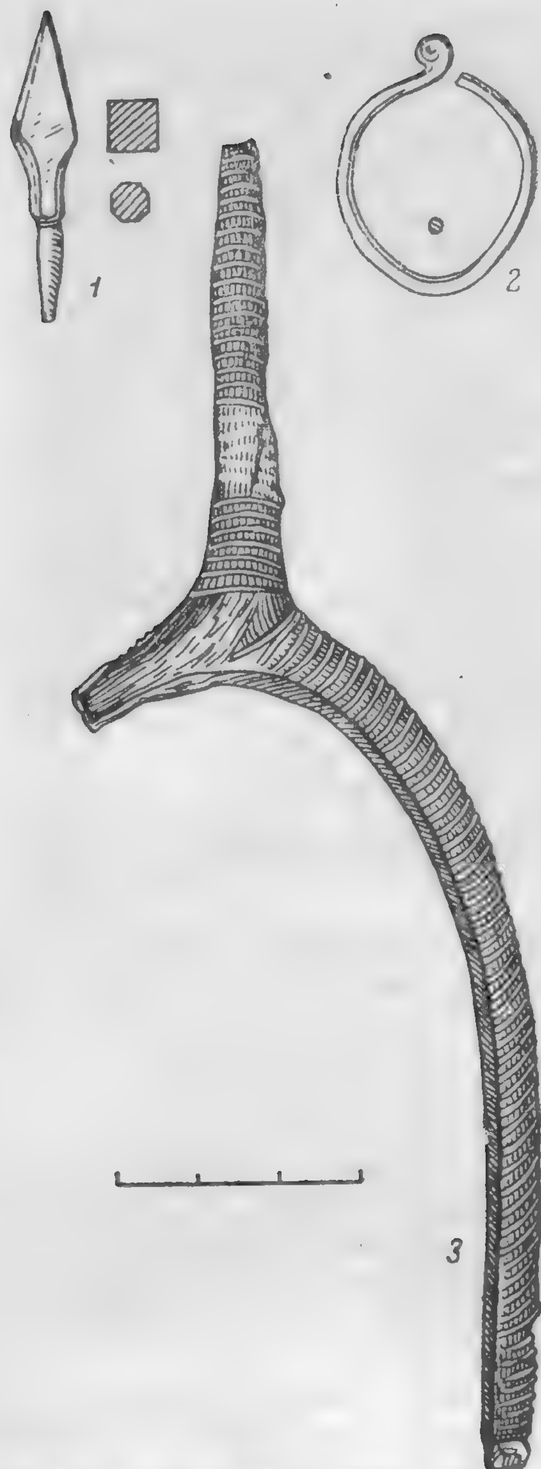

Рис. 42. Находки из постр. 2.

1 — наконечник стрелы; *2* — височное кольцо; *3* — обломок шпоры.

обломок (рис. 45, *11*), бронзовый штампик для тиснения бляшек. Обнаружены заготовки для трапециевидных привесок (рис. 45, *4*) и более 10 кусков оплавленной бронзы и бронзовых пластинок. К этой же категории вещей относятся две стеклянные вставки для перстней: синяя подтреугольная и зеленая квадратная.

О других видах производственной деятельности свидетельствуют заготовка для двустороннего гребня (рис. 45, *8*), два куска янтаря, шесть костяных полированных проколок (рис. 51, *4*), два точильных камня со следами работы и часть железного шильца. Костяная поделка с отверстием в середине (рис. 45, *9*), возможно, является принадлежностью ткацкого стана. Так определяется аналогичная поделка, найденная в Теребовле на Волыни.[96] В засыпи постройки найдено 10 шиферных пряслиц. Промысловыми орудиями были три двушипных гарпуна. Такие же гарпуны имелись в постр. 6. К этой же категории вещей принадлежит свинцовое грузило (рис. 45, *3*).

Из оружия найдено семь наконечников стрел. К ранее попадавшимся типам относятся четыре шиловидных с четырехгранным в сечении острием и упором или без него (рис. 47, *2*) и ромбовидный с выступом на пере (рис. 47, *4*). Впервые встречен черешковый двушипный наконечник стрелы (рис. 47, *1*) XII—XIII вв.[97] Обнаружены два втульчатых шиловидных наконечника. Один из них, с квадратным в сечении пером, имеет многочисленные аналогии в Волковыске (XI—XIII вв.).[98] Редкой находкой является второй наконечник — с треугольным в сечении пером (рис. 47, *6*).[99] Еще один наконечник сохранился в виде обломка. Встречен также обломок шпоры с округлой глухой петлей (рис. 47, *9*).

Утварь и бытовой инвентарь представлены фрагментами горшков III—IX типов, причем более 50% — горшки V и VI типов, более 25% — VIII и IX типов. Находки горшков остальных типов немногочисленны. Встречены отдельные фрагменты горшков с вертикальным горлом, корчаг и мелкой столовой посуды. Среди поливной керамики восстановлены коричневый сосуд с полой ручкой и горшок с таким же покрытием. Найдена также коричневая полая ручка.[100] К инвентарю дома относятся обломки амфор всех пяти типов. Найдены четыре небольших обломка иранской фаянсовой чаши с двусторонней светло-коричневой и синей люстровой росписью (рис. 48, *1*). На одном фрагменте можно рассмотреть изображение женского лица.

Из засыпи постройки извлечено более 100 обломков стеклянных сосудов. Большинство их византийского и ближневосточного происхождения. 25 фрагментов принадлежит синему флакону, расписанному золотом и белой эмалью (рис. 50, *1*). Близкие по форме и технике сосуды известны на Кипре и в Коринфе, причем флакон из Коринфа является изделием мастерской XI—XII вв. Два фрагмента аналогичного синего флакона хранятся в Херсо-

---

[96] Ратич О. О. Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель. — Матер. і дослідження з археол. Прикарпаття і Волині, Київ, 1959, т. 2, с. 123, табл. II, *33*.

[97] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 62.

[98] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., с. 105.

[99] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., табл. 18, 7.

[100] Малевская М. В. Поливная керамика. . ., рис. 1, *3*.

Рис. 43. Печь из постр. 5.

несском музее.[101] 38 обломков бесцветного стекла, изготовленного по натриево-кальциевому рецепту, позволили реконструировать шаровидный сосуд высотой 9.5 см, с узким горлом, имеющим внизу сферическое утолщение. На внутренней стороне его стенок находился выступ (рис. 50, *2*). Видимо, этот сосуд служил для сцеживания жидкости. Аналогии ему известны в Двине (Армения) и Средней Азии. В Херсонесском музее есть часть сосуда, у горла которого такая же форма, как и у нашего.[102] Остальные стеклянные сосуды византийского и ближневосточного происхождения сохранились в виде отдельных фрагментов: два осколка краснофиолетового сосуда, расписанного золотом (рис. 48, *6—9*); донце сине-белого с поддоном из прозрачного стекла (рис. 48, *11*); осколок стенки синего сосуда, расписанного белой эмалью; кусочек голубого прозрачного стекла.[103]

В засыпи постройки богато представлены и сосуды древнерусского производства. К ним относятся пять поддонов от популярных на Руси кубков (рис. 48, *10*), обломки трех сосудов на полом поддоне (параллели им известны в Турове),[104] венчики горшковидных сосудов (рис. 48, *12*, *13*) и фрагменты стенок с наплавленными нитями. В связи с последней находкой интересно напомнить, что при раскопках древнерусской стекольной мастерской на территории Киево-Печерской лавры в 1951 г. найдено много обломков сосудиков с горизонтальными рядами стеклянных нитей в их верхней части.[105]

Среди многочисленных предметов бытового назначения выделяется группа вещей, связанная с благоустройством жилища: более 40 гвоздей, три прямоугольные скобы, дверная ручка (рис. 46, *10*), два пробоя. К находкам такого же рода следует присоединить обломок бронзовой цепи от люстры хороса (рис. 51, *1*). Целые хоросы и их части найдены в Киеве, Минске, Волковыске и др.[106] Обычно эти предметы рассматриваются как осветительные приборы храмов. Не исключено, однако, что богатая постр. 5 могла освещаться такой люстрой.

Из пяти ножей только два были целыми. Они узколезвийные и несомненно имели быто-

---

[101] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 6; Колесникова Л. Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея. — ВВ, 1973, т. 34, с. 249—250, рис. 1.

[102] Джанполадян Р. М. Лабораторная посуда армянского алхимика. — СА, 1965, № 2, рис. 4, *1*, *3*; Колесникова Л. Г. Указ. соч., с. 254, рис. 4.

[103] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 11, табл. XII, *11*, *12*, *21*, *24*.

[104] Полубояринова М. Д. Стеклянная посуда древнего Турова. — СА, 1963, № 4, рис. 1, *3*.

[105] Богусевич В. А. Мастерские XI в. по изготовлению стекла и смальты в Киеве. — КСИА УССР, 1954, вып. 3, с. 20, рис. 3, *1*, *6*.

[106] Каргер М. К. Древний Киев, рис. 84, 85; Тарасенко В. Р. Древний Минск. — Матер. по археол. БССР, Минск, 1957, вып. 1, рис. 53; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., рис. 12, *1—6*.

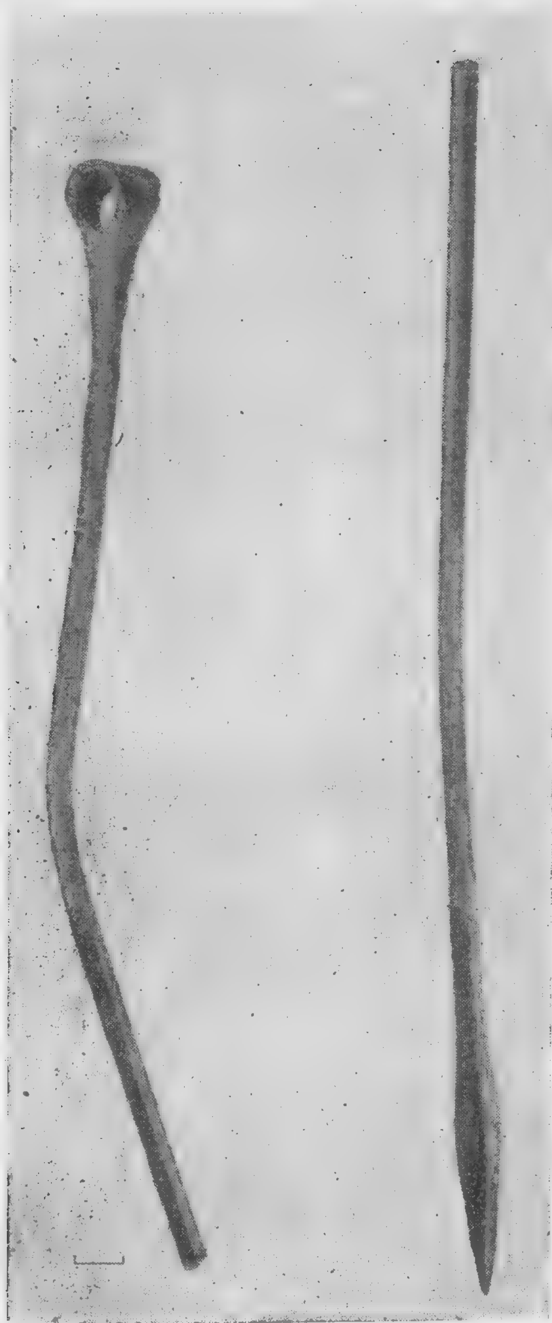

Рис. 44. Железное орудие из постр. 5.

вое назначение. Среди остальных ножей, от которых сохранились лишь обломки лезвий, привлекает внимание один, украшенный косой насечкой (рис. 51, *8*). Аналогичная насечка есть на ноже с городища Асоте (XII в.).[107] Вероятно, какому-то ножу большого размера принадлежала прямоугольная в сечении, хорошо отполированная рукоять с отверстием для подвешивания (рис. 51, *3*). Найденный в засыпи ключ с округлой ключевой щелью, судя по новгородским находкам, не выходит за пределы первой половины XII в.[108] Отметим также обломок навесного цилиндрического замка, железную дужку от деревянного ведра и наконечник из рога (рис. 51, *9*).

[107] Шноре Э. Л. Асотское городище, с. 138, табл. XI, *12*.

[108] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 94.

Назначение части металлических поделок не удалось определить. Из них наиболее интересна бронзовая ажурная накладка с изображенными на ней стилизованными головами животных, розетками и лилией (крин; рис. 49, *27*). К неопределенным находкам относятся также плоские округлые пластины (рис. 46, *7*, *8*), аналогичные пластинам из постр. 18. Неясно назначение железных брусков (11× ×2.5 см), одна из сторон которых гладкая, а другая шероховатая, стержня со шляпкой, имеющего нарезку в нижней части, втульчатой поделки, изогнутой накладки (рис. 46, *1—5*) и некоторых других вещей.

К предметам туалета относятся четыре гребня. Один из них (рис. 51, *6*) соответствует типу Н, который появляется на рубеже XI—XII вв. и встречается вплоть до XIV в.[109] Верх поделки из рога мог быть частью уховертки.

Среди металлических украшений и предметов убора отметим серебряное височное кольцо (аналогичное находке из постр. 24), бронзовую кольцевидную пряжку. Такие пряжки встречены в славянских курганах, в том числе и новгородских.[110] К этой же группе предметов относятся бронзовые миниатюрная пуговка и четыре бубенчика со щелевидной прорезью, известные нам по находкам в других постройках (рис. 49, *7*, *10*, *17*). Обнаружены также золотые бусина и обрывок цепочки (как в постр. 12), бронзовые украшения индивидуальной формы: оправа для стекла или камня (рис. 49, *8*) и привеска с фигурным стержнем и отверстием для подвешивания (рис. 49, *21*). Особенно интересны две серебряные, покрытые листовым золотом прямоугольные бляшки с перехватом в центре. Они инкрустированы двумя сердцевидными вставками из зеленого стекла (рис. 49, *14*). Некоторое сходство с ними имеют серебряные бляшки, которые входили в состав клада, найденного в старой Рязани в 1868 г.[111] Бронзовая привеска в форме ажурного крестика (рис. 49, *26*) находит аналогию в Приднепровье.[112]

Бóльшая часть бус из прозрачного гладкого стекла (30 экз.) аналогична бусам из других новогрудских построек: 14 мелких зонных синего, зеленого и желтого цветов; две крупные зонные (синяя и желтая); две с пластичным узором (рис. 49, *1—5*). По мнению М. В. Фехнер, бусы с пластичным узором были распространены в XI—XII вв. Ю. Л. Щапова

[109] Там же, с. 100, 101.

[110] Седова М. В. Указ. соч., с. 258.

[111] Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936, с. 79.

[112] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские, табл. I, *34*, *35*.

Рис. 45. Находки из постр. 5.

1 — льячка; *2* — золотая бусина; *3* — грузило; *4* — заготовка из бронзы; *5* — штампик; *6* — пряслице; *7* — литейная формочка; *8* — заготовка для гребня; *9*, *10* — поделки из рога; *11* — обломок клещей.

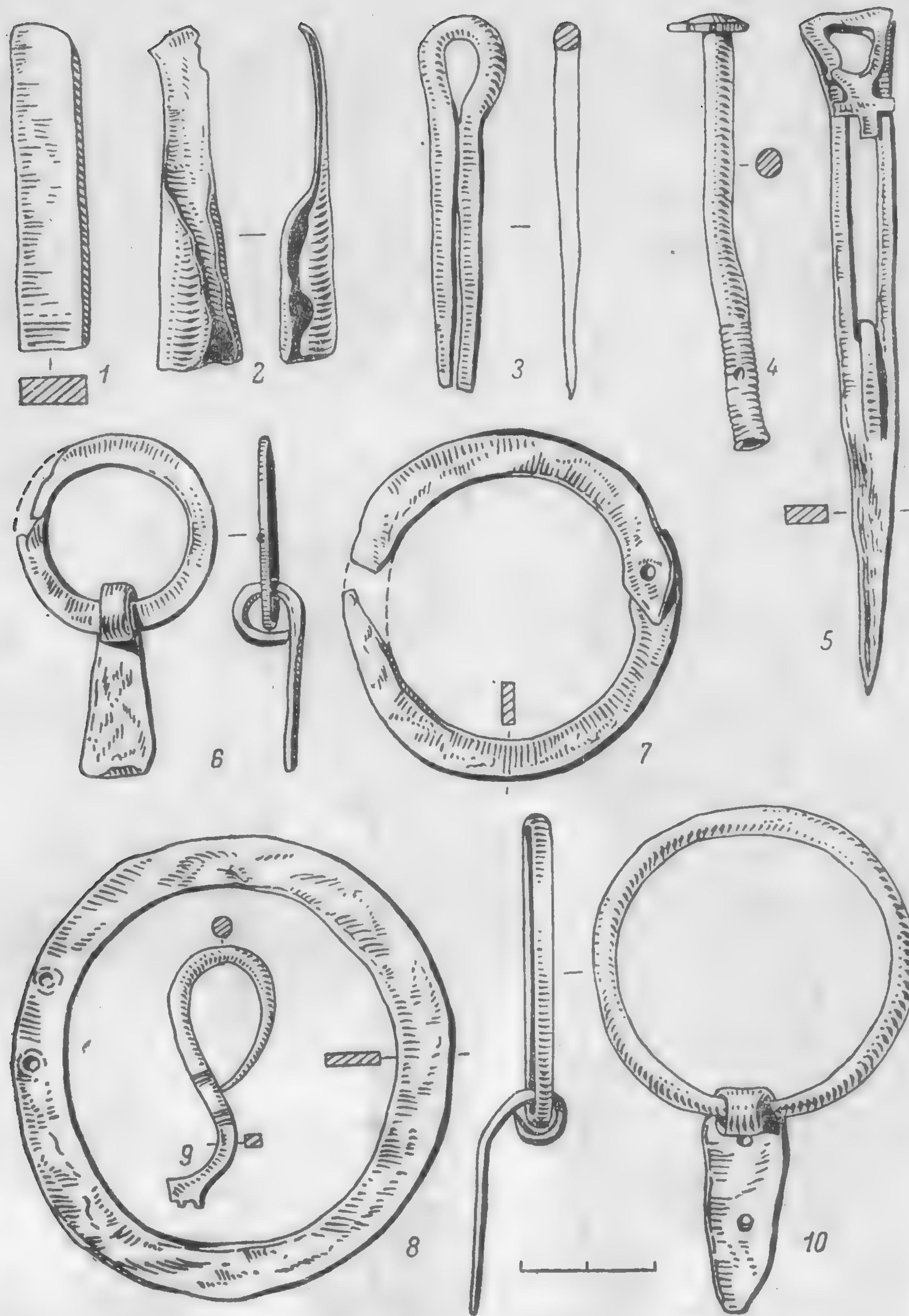

Рис. 46 Железные поделки из постр. 5 (*1—10*).

относит их к XII—XIII вв.[113] Среди бусин постр. 5 есть цилиндрическая из зеленого стекла и обломок зеленой цилиндрической рельефной (рис. 49, *6*). Фехнер называет подобные бусы ягодовидными и отмечает их распространение в курганных могильниках Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XI вв. В Беловежском могильнике они датируются XI—началом XII в.[114] Одна бусина изготовлена из красно-фиолетового стекла. Бусы из стекла такой окраски известны в Новгороде и Гнездовских курганах.[115] К особой форме битра-

[113] Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — ТГИМ, 1959, вып. 33, прил. VI, рис. 6, *19*, *20*; Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 91.

[114] Фехнер М. В. Указ. соч., прил. V, рис. 6, *11*; Артамонова О. А. Указ. соч., с. 63—66, рис. 89, *2*.

[115] Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы. . ., с. 169.

Рис. 47. Находки из постр. 5.

1—6 — наконечники стрел; *7* — булавка; *8* — обломок подковы, *9* — шпоры.

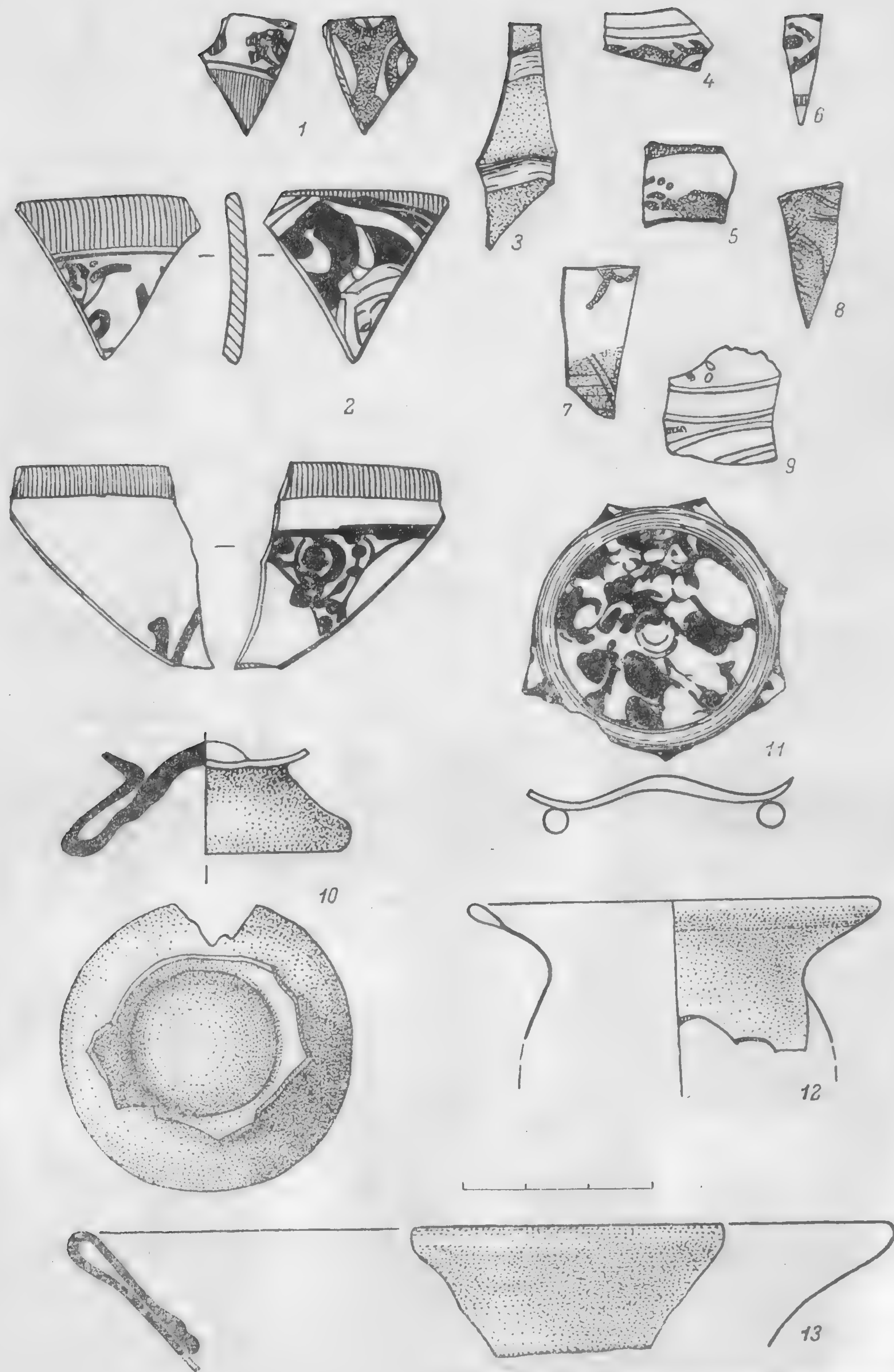

Рис. 48. Фрагменты фаянсовых и стеклянных сосудов из постр. 5 (*1—13*).

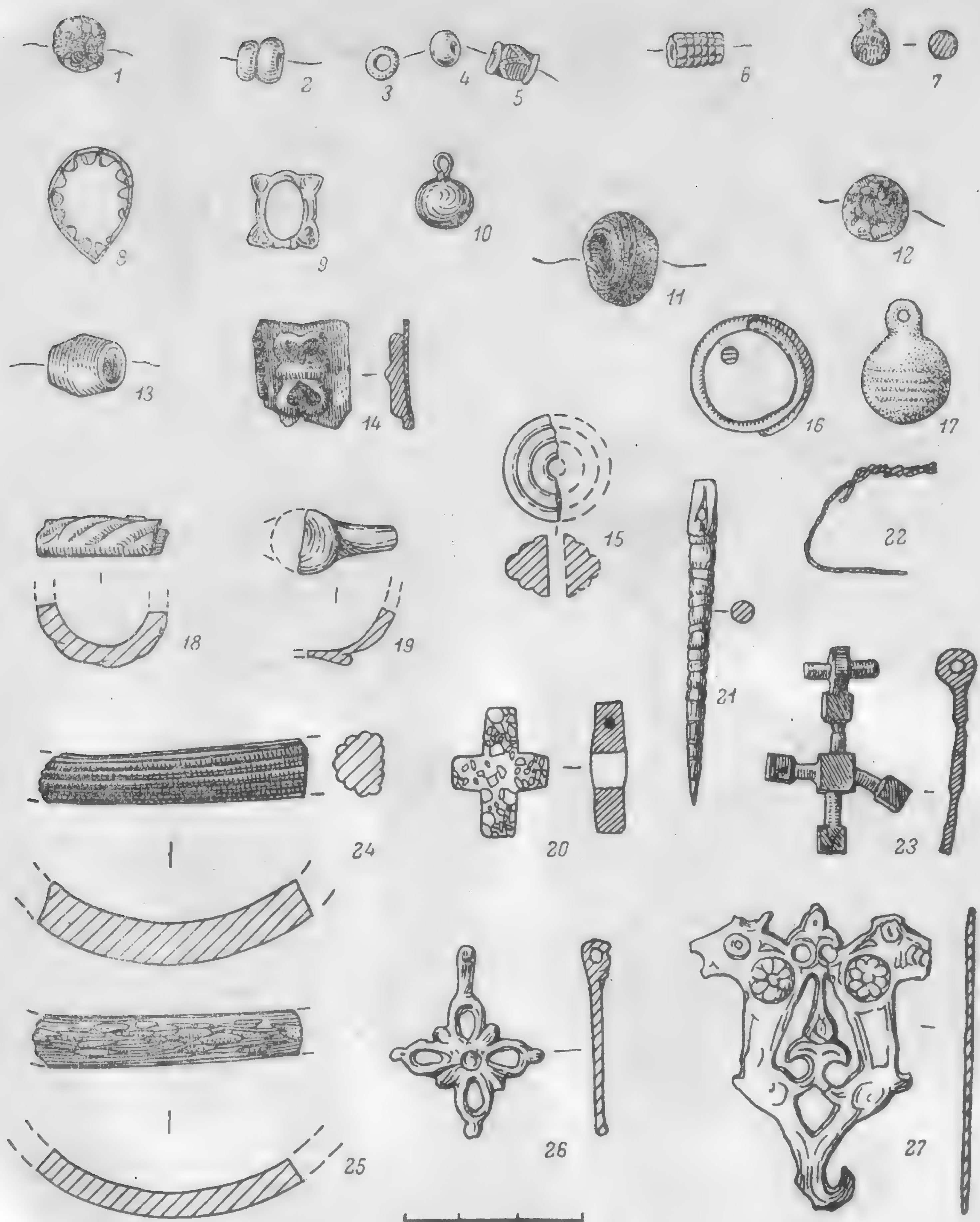

Рис. 49. Находки из постр. 5.

1—6, 11, 12, 15 — стеклянные бусины; *7* — пуговка; *8, 9* — оправы; *10, 17* — бубенчики; *13* — шиферная бусина; *14* — бляшка; *16* — височное кольцо; *18, 19* — обломки стеклянных перстней; *20, 23* — кресты; *21, 26* — привески; *22* — золотая цепочка; *24, 25* — обломки стеклянных браслетов; *27* — накладка.

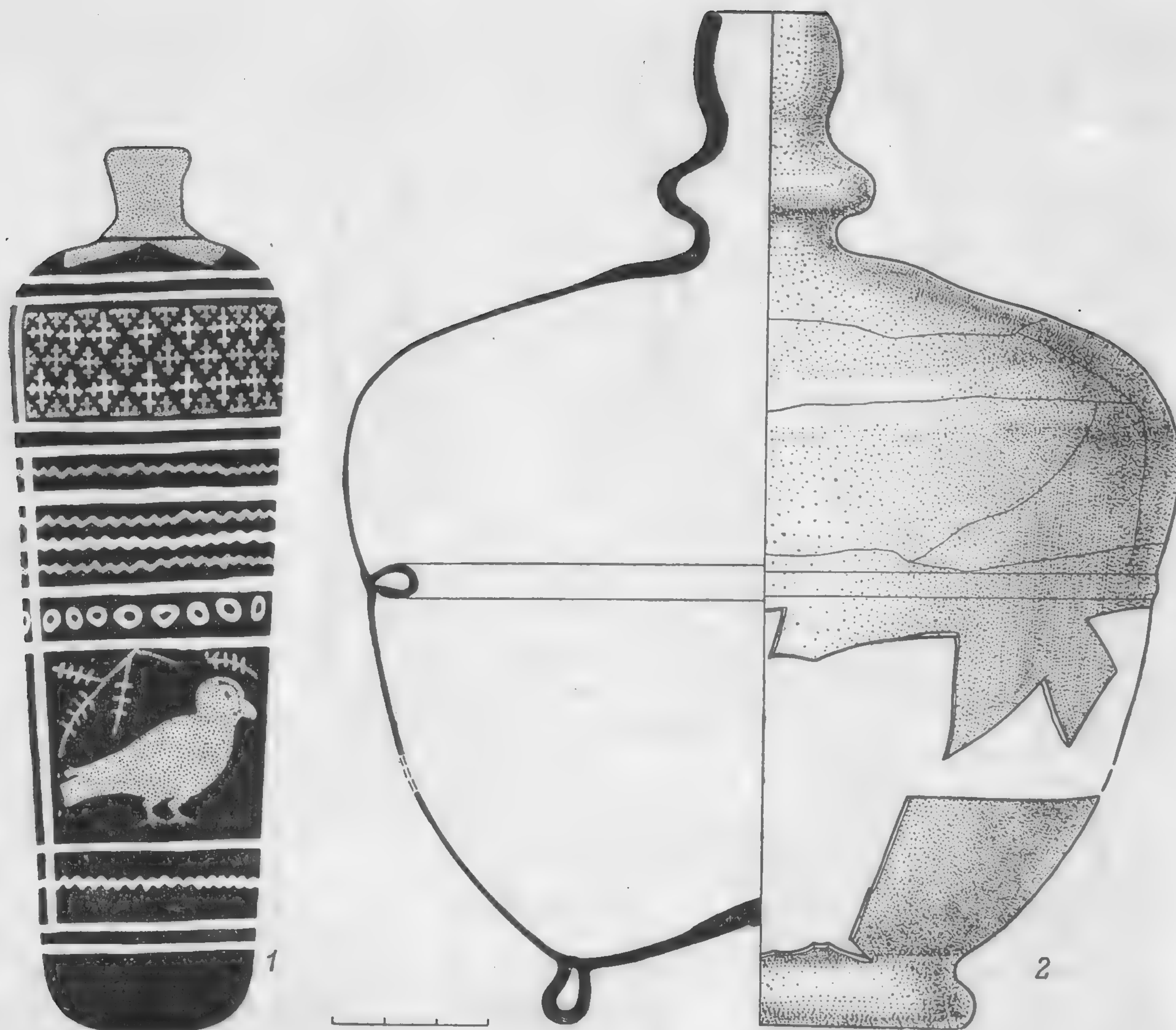

Рис. 50. Стеклянные сосуды (реконструкция) из постр. 5 (*1*, *2*).

пецоидных бус принадлежит обломок бусины прозрачного и бледно-зеленоватого стекла; на ее поверхности нанесены горизонтальные желобки (рис. 49, *15*). Аналогичная бусина найдена в Гданьске и происходит из слоя последней четверти XIII в.[116] Две шаровидные бусины полихромные. Одна из них красная с желто-голубой инкрустацией (рис. 49, *1*, *12*). В южнорусских памятниках (Донецкое городище, Белая Вежа) встречено немало бус с инкрустацией,[117] но ближайших аналогий новогрудским отыскать не удалось. Выделяется стеклянная синяя плоско-выпуклая бусина, которую можно сравнить с находками в могильнике Бирка (Швеция).[118] Единичны также шиферная битрапецоидная (рис. 49, *13*) и мелкая зонная янтарная бусины.

Стеклянные перстни, найденные в постр. 5, как и бо́льшая часть стеклянных бус, повторяют ранее известные формы. Сюда относятся обломки 28 плоско-выпуклых перстней (10 зеленых, девять желтых, пять синих, по два коричневых и фиолетовых). На отдельных экземплярах сохранились следы плоско-выпуклых щитков. Формой или декором выделяются три перстня: рубчатый (рис. 49, *18*), изготовленный из желто-синего стекла и синий, расписанный желтой и голубой эмалью (рис. 49, *19*).

Из засыпи постройки извлечены фрагменты 106 стеклянных браслетов (табл. 8). Найденный здесь же каменный крест-тельник (рис. 49, *20*) не отличается от ранее известного нам по инвентарю постр. 12, а обломок бронзового стиля (рис. 51, *2*) по форме лопаточки соответствует писалам, найденным в постр. 6 и 12.

Постр. 7 (кв. З—М-18—21). Остатки ее обнаружены над постр. 22, на глубине 1.5—1.8 м, на слое гумуса и песка. Наиболее четко границы определены по развалу необожженной и частично обожженной глины, образовавшемуся

---

116 Chmielowska A. Wyróby szklarskie z X—XII wieku na stanowisku I w Gdańsku. — GW, 1960, t. 3, s. 115, tab. 1, *13*.

117 Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 111, *19*; Артамонова О. А. Указ. соч., рис. 51, *15*.

118 Arbman H. Birka, Tafeln. Stockholm, 1940, Taf. 123, *d*, *e*.

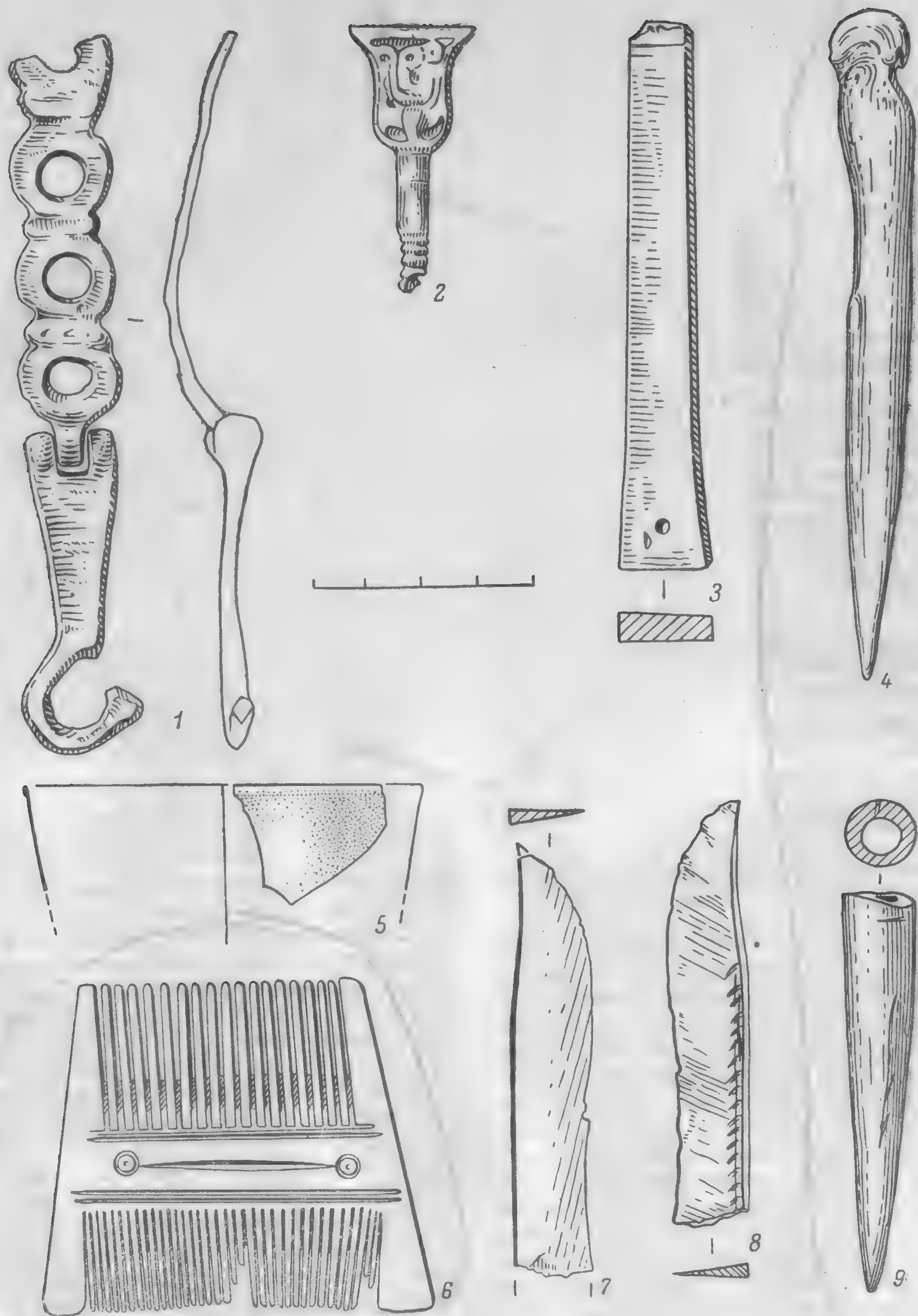

Рис. 51. Находки из постр. 5.

1 — фрагмент хороса, *2* — стиля; *3* — рукоять; *4* — проколка; *5* — обломок стеклянного сосуда; *6* — гребень; *7, 8* — обломки ножей; *9* — наконечник из рога.

Таблица 8. Стеклянные браслеты из постр. 5

Форма	Цвет стекла							Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	неопределенный	
Крученая	34 *	16	5	1	3	1	1	61
Гладкая	2	4	3	1	3	3 ****	2	18
Плоско-выпуклая	7 **	8	—	6	1 ***	1	2	25
Витая	—	—	—	—	1	—	—	1
Ребристая	1	—	—		—	—	—	. 1
Итого . . .	44	28	8	8	8	5	5	106

* У пяти желтая оплетка. ** Один инкрустирован белым стеклом. *** С желтой и голубой инкрустацией. **** Все с красной оплеткой.

в результате завала стен и верхних частей сооружения, открытого в северной, восточной и южной его частях. Толщина глины местами достигала 20 см. В кв. Л-20—21 глина лежала двумя слоями: верхний — на глубине 1.5 м, нижний — 1.7 м. На глине и под ней найдены обломки кирпичей. Среди строительного развала было немало камней. Постройка с севера на юг простиралась на 7.5 м. Границы ее с востока на запад определить не удалось.

В южной части постройки, в 5 м от восточной стены, под массивом глины открыт развал печи, занимавший площадь 1.4×0.85 м. Выявлен глинобитный, овальный в плане под диаметром (наиболее широкой части) 60 см, толщиной 4 см. Под лежал на горелом песке. Вокруг него обнаружены углубления от кольев диаметром до 10 см, принадлежавших, по-видимому, каркасу печи (рис. 52).

От пола постройки до нас дошли следы в виде пятен угля. В северо-восточном углу найдены фрагменты оконного стекла. На уровне пола лежали куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева, среди которых были лишь фрагменты стенок горшков, амфор и двусторонний гребень из рога (рис. 53, *14*). Остальные находки происходят из культурного слоя (главным образом под развалом глины).

Из встреченных здесь предметов отметим обломок бронзового стержня с зарубками (верх его расклепан; рис. 54, *3*), связанного, возможно, с обработкой цветных металлов, а также пластинку из бронзы. Определенная группа вещей относится к обработке рога и кости, производившейся в пределах дома: рог благородного оленя со следами обработки (рис. 54, *10*); заготовки для проколок и готовые изделия, для которых были использованы грифельные кости лошади. Найдены также шиферное пряслице (рис. 53, *15*), небольшой точильный камень со следами работы, железная игла и кусок необработанного янтаря. В отличие от ранее встреченных кресал находка из постр. 7 имеет овальную форму (рис. 54, *8*). Данная форма появляется в XII в. и бытует до середины XIII в.[119] В качестве промысловых орудий хозяева дома пользовались одношипными гарпунами (3 экз.; рис. 54, *9*). Оружие владельцев состояло из серии бронебойных стрел. Из пяти наконечников один черешковый (рис. 54, *6*), а остальные представляют собой редкие на Руси, но характерные для Новогрудка и Волковыска втульчатые экземпляры (рис. 54, *4*, *5*).[120] В комплекс оружия входил также наконечник втульчатой сулицы (рис. 54, *12*). Находки датируются XII—XIII вв.[121]

Керамический комплекс дома включал горшки III—IX типов; из них 40% — горшки V типа. Второе и третье места занимают горшки VI и VIII типов. На четвертом и пятом — горшки IV и VII типов. Горшки III и IX типов представлены единичными фрагментами. Встречены и отдельные обломки горшков с вертикальным горлом, мисок I типа, корчаг, кружек. Из обломков поливной керамики восстановлен горшок, покрытый желтой поливой; найдена также полая желтая поливная ручка.[122] К инвентарю постройки относятся фрагменты шести амфор I—V типов.

В засыпи постройки собрано семь фаянсовых обломков сосудов, пять из которых (обгоревшие, с кракелюрами) принадлежали сосуду с отогнутым венчиком и были расписаны золотом (рис. 53, *13*, *16*, *17*). От второго сосуда сохранился обломок донца на поддоне, покрытого золотисто-желтой люстровой росписью (рис. 53, *10*). Судя по форме и росписи, это был фрагмент такой же чаши, какая найдена в постр. 12. Небольшие фрагменты с сине-красной люстровой росписью (рис. 53, *2*, *5*) составляли часть третьего фаянсового сосуда. Найдено также восемь обломков стекла, принадлежавших четырем сосудам: сине-белому в сочетании с бесцветным (подобный фрагмент обнаружен в постр. 5) и марганцово-красному (рис. 53, *7—9*, *11*), напоминающему сосуды постр. 3 и 5. Новыми, ранее не встречавшимися образцами является обломок бесцветного стекла с валиком и фрагмент стенки бесцветного сосуда, расписанного белой краской с синей эмалью (рис. 53, *12*). Подобная роспись харак-

---

119 Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 99.
120 Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., с. 103.
121 Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, вып. 2, с. 102.
122 Малевская М. В. Поливная керамика. . ., рис. 1, *2*, *27*.

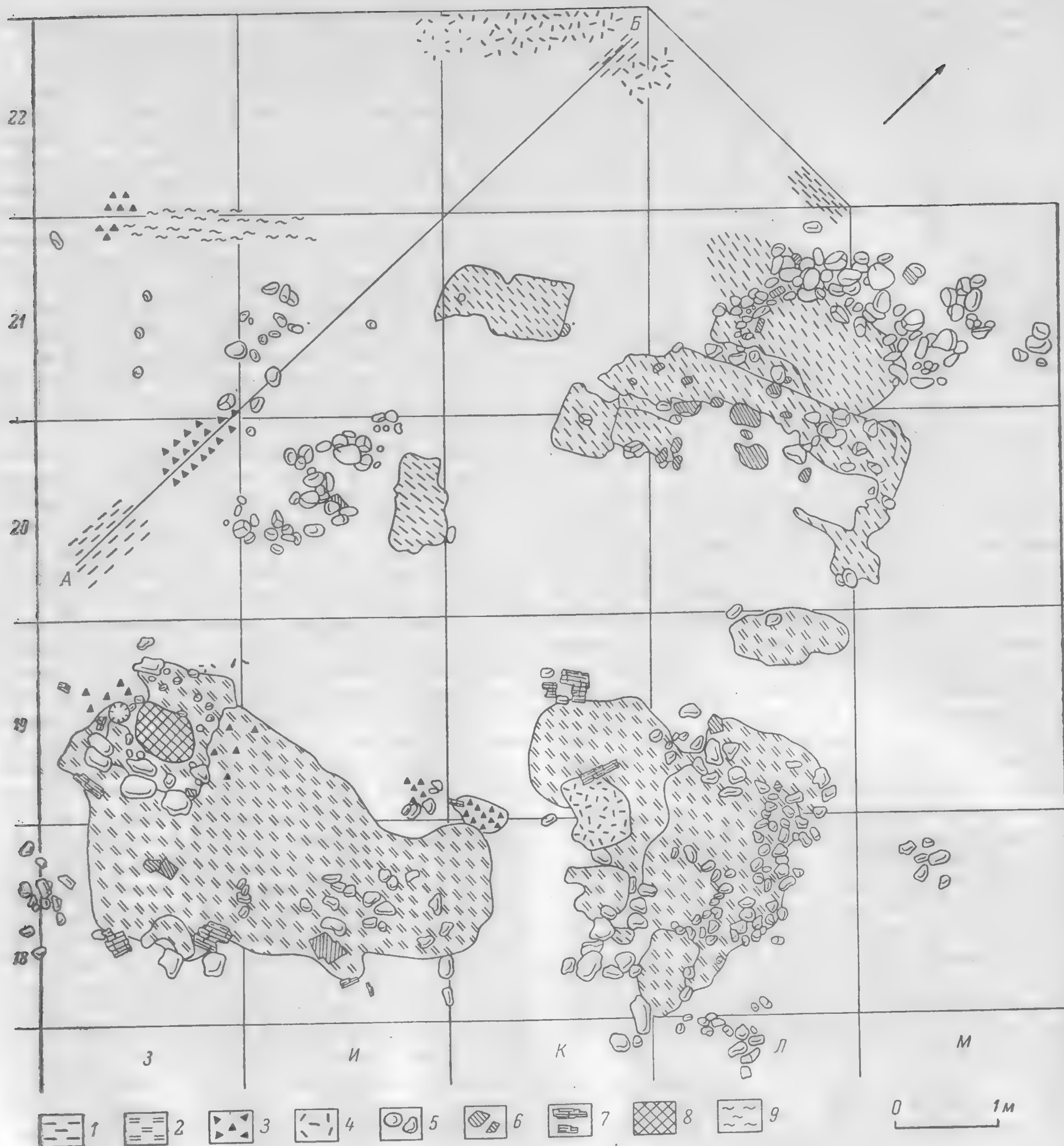

Рис. 52. План постр. 7. (Разрез АБ см. рис. 65).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — зола; *4* — угли; *5* — камень; *6* — кирпич; *7* — горелое дерево; *8* — под; *9* — древесный тлен.

терна для сосудов, изготовленных в мастерских Сирии.[123]

Остальная утварь дома — разнообразные железные изделия. Среди них — более 20 гвоздей, прямоугольная железная скоба (рис. 54, *16*), нож (рис. 54, *1*), миниатюрный подвесной замок (рис. 54, *13*) и ключ (рис. 54, *2*), аналогии которым в Новгороде появились в 30—40-х гг. XII в.[124] Значительная часть железных поделок не определена.

К числу украшений относятся обломки округлой бронзовой бляшки (рис. 53, *6*),

[123] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 13.

[124] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 96.

Рис. 53. Находки из постр. 7.

1, 3, 4 — обломки стеклянных браслетов; *2, 5, 10, 13, 16, 17* — фрагменты фаянсовых сосудов; *6* — бляшка; *7—9, 11, 12* — фрагменты стеклянных сосудов; *14* — гребень; *15* — пряслице.

Рис. 54. Находки из постр. 7.

1 — нож; *2* — ключ; *3* — стержень; *4—6* — наконечники стрел; *7, 11* — железные поделки; *8* — кресало; *9* — гарпун; *10* — заготовка из рога; *12* — наконечник сулицы; *13* — часть замка; *14* — костяная поделка; *15, 17* — проколки; *16* — скоба.

двух бубенчиков и 51 стеклянного браслета (табл. 9).

Постр. 8 (кв. Г—Е-20—22). Остатки этого жилища, основанного на культурном слое нижнего горизонта, открыты на глубине начиная от 1.22 м, под песком, отделявшим позднесредневековый город от поселения домонгольской поры. Развал печи, на которую указывали глина, зола, обломки кирпичей и куски обожженной глиняной обмазки, занимал площадь 3×2.4 м. Под печи in situ обнаружить не удалось; возможно, ему принадлежат отдельные кирпичи (27×20×5 см). От пола сохранились остатки горелого дерева. В северной части жилища лежала необожженная глина толщиной 10 см, на ней — обломки кирпичей, горелых досок и камни. В строительном развале найдены фрагменты оконного стекла.

Все находки, происходящие из постр. 8, сделаны в культурном слое. Здесь, как и в других домах, найдены предметы, указывающие на занятие ювелирным делом и обработку цветных металлов: 10 обломков и обрезков бронзы

Таблица 9. Стеклянные браслеты из постр. 7

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	
Крученая	17	5	3	3	1	2	31
Гладкая	9	—	—	2	1	—	12
Плоско-выпуклая	2	2	—	1	1	—	6
Треугольная	—	—	—	1	—	—	1
Витая	—	—	—	1	—	—	1
Итого . . .	28	7	3	8	3	2	51

и синяя стеклянная вставка для перстня. Встречены также шиферное пряслице, миниатюрный точильный камень и опиленный рог.

Из семи наконечников стрел, обнаруженных в этой постройке, бо́льшая часть повторяет ранее известные образцы — это бронебойные втульчатые (рис. 55, *3*), ромбические без упора (рис. 55, *5*, *6*) и срезень (рис. 55, *2*). Ромбический наконечник с упором (рис. 55, *1*) датируется XII в.[125] Прекрасной находкой, принадлежавшей конному воину, являются двучленные удила с фигурной оковкой, инкрустированные бронзой (рис. 55, *16*). Они могут быть сопоставлены с находками в Изяславле, Воищине (Смоленская земля) и Поросье.[126]

Встречены обломки трех амфор II типа и стеклянных сосудов. Из 35 обломков восстановлены два кубка из бесцветного стекла, расписанных золотом, красной, белой и зеленой эмалью. Помимо росписи кубки имели арабские надписи (рис. 55, *13*). Такие же сосуды найдены в Херсонесе в слоях XII—XIII вв. Родиной их считается Сирия (Ракка).[127] Обломок зеленовато-голубоватого рифленого стекла принадлежал воронкообразному кубку киевского производства (рис. 55, *15*).

Среди железных изделий бытового назначения отметим квадратную накладку для врезного замка. Сходная вещь найдена в инвентаре первоначального поселка в Гродно.[128] Как и в других постройках, здесь встречены железные поделки неизвестного назначения.

Любопытна фигура шахматного коня, вырезанная из рога и обточенная на токарном станке. На ней процарапан знак, вероятно, владельца данной вещи (рис. 55, *10*). И. М. Линдер считает новогрудскую фигуру образцом арабской шахматной символики. Ближайшие аналогии ей на территории Древней Руси известны в Турове и Киеве.[129]

Встреченный в засыпи составной гребень (рис. 55, *9*) повторяет форму гребня из постр. 1. К предметам убора относится несколько бронзовых вещей: полукруглая пряжка со шпеньком (рис. 55, *12*), округлая бляшка со штампованным орнаментом, украшенная фигурой, напоминающей мальтийский крест (рис. 55, *8*), и миндалевидная с заклепками (рис. 55, *11*). Аналогию последней можно указать в южнорусских землях.[130] В засыпи же найдены обломки 28 стеклянных браслетов (табл. 10).

Таблица 10. Стеклянные браслеты из постр. 8

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	
Крученая	3	1	2	8 *	1	—	15
Гладкая	4 **	3	1	3	1	1 ***	13
Итого . . .	7	4	3	11	2	1	28

* У одного желтая оплетка. ** У двух — желтая. *** С желтой оплеткой.

Постр. 10 (кв. Х—Ъ-9—15). Расположена на глубине 2.2—2.4 м в тех же квадратах, что и постр. 12, от которой ее отделял слой песка (насыпан с целью нивелировки). От постройки уцелел нижний венец квадратного в плане сруба 8.5×8.5 м (диаметр бревен 20 см). Лучше всего сруб сохранился в восточной и западной частях дома. В юго-восточной стороне выявлен угол дома, но бревна не были вплотную пригнаны друг к другу. Рубка, по-видимому, произведена в обло. Под углом дома находилось несколько камней. В западной части постройки обнаружены остатки второго и третьего венцов сруба. Строительные остатки были покрыты большим количеством обожженной глины и обломками кирпичей; особенно много кирпичей открыто в юго-восточной стороне дома. Сохранились остатки горелого пола в виде настила из досок, лежавших на лагах. Местами от пола уцелел только угольный слой.

Возможно, что постр. 10 была двухкамерной, так как настил западной части дома лежал перпендикулярно доскам пола восточной части.

---

125 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., рис. 20, *27*.
126 Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . ., с. 16.
127 Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 13, табл. IX; Колесникова Л. Г. Указ. соч., рис. 2.
128 Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 12, *9*.
129 Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 79.
130 Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1908, т. 5, табл. VI, *214*.

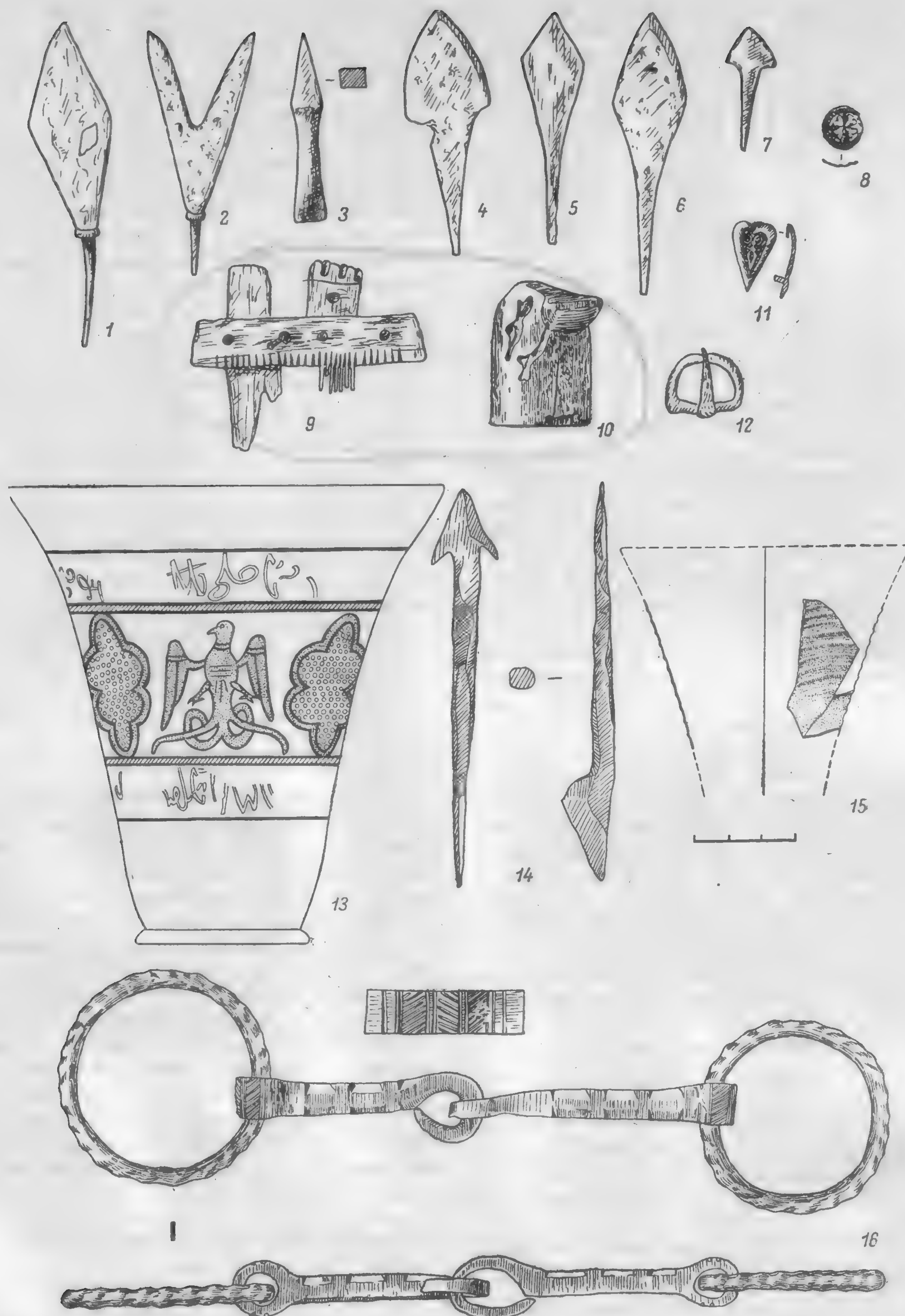

Рис. 55. Находки из постр. 8.

1—6 — наконечники стрел; *7* — гвоздь; *8, 11* — бляшки; *9* — гребень; *10* — шахматная фигура; *12* — пряжка; *13, 15* — стеклянные сосуды (реконструкция); *14* — гарпун; *16* — удила.

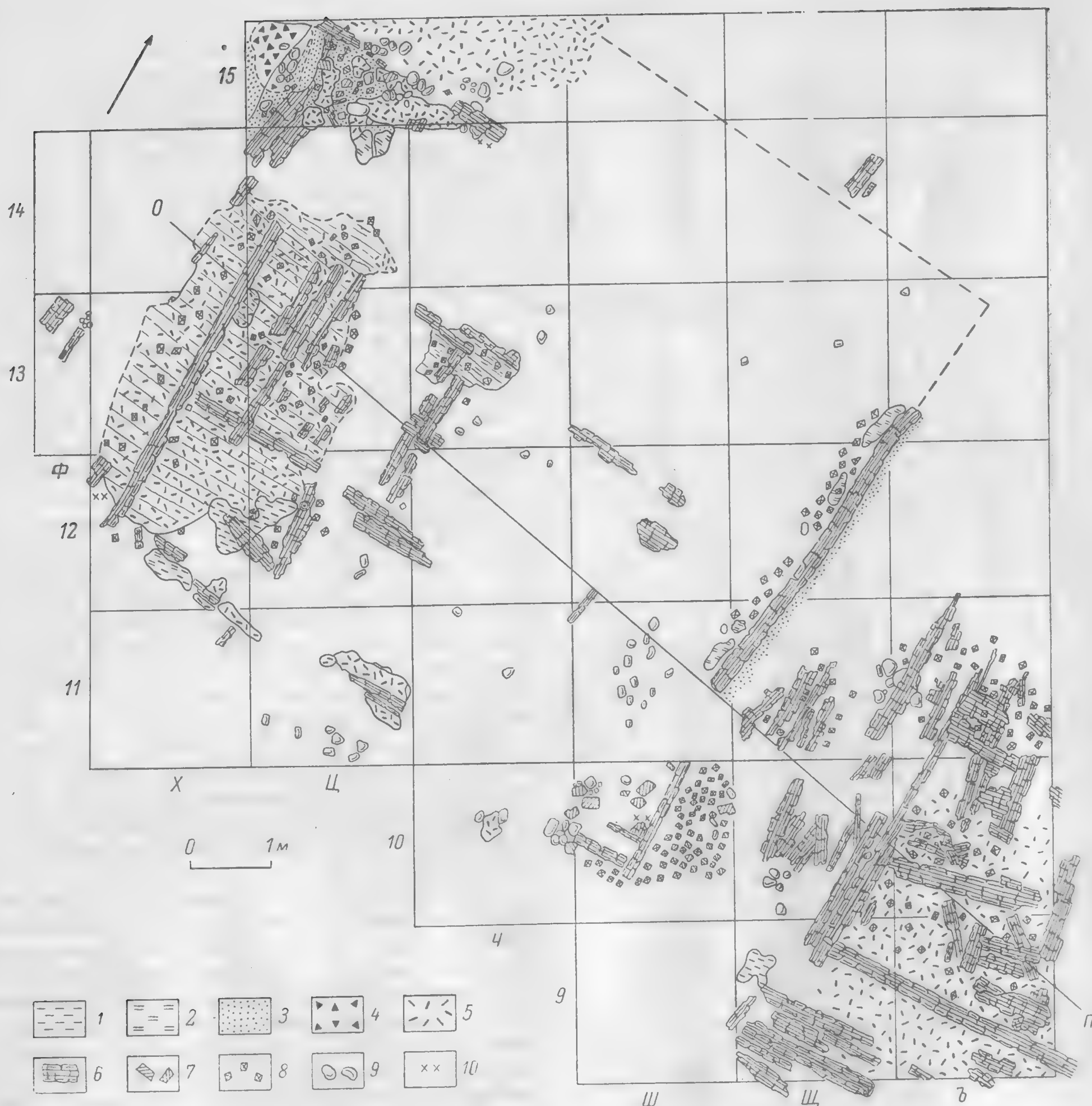

Рис. 56. План постр. 10. (Разрез ОП см. рис. 57).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — песок; *4* — зола; *5* — угли; *6* — горелое дерево; *7* — кирпич; *8* — куски глинобитного пода; *9* — камень; *10* — оконное стекло.

Печь обнаружить не удалось. Вероятно, она стояла в северо-западной стороне, где найдены наиболее крупные горелые кирпичи, куски глинобитного пода и отмечается интенсивный горелый слой (рис. 56, 57). В юго-восточном и юго-западном углах дома встречены 44 фрагмента стекла, принадлежавших четырем оконным дискам.

На полу и на уровне пола обнаружено около 70 предметов, больше всего — в северо-западной и юго-восточной частях постройки. Интересен набор инструментов, лежавших у предполагаемого развала печи. Это инструментарий ювелира. Он состоит из двух округлых в сечении напильников с прямой однорядной насечкой (рис. 58, *9*, *10*). Аналогичные напильники известны в Новгороде и Райках.[131] Здесь же найдены два ювелирных молоточка одинаковой длины (7 см). У одного из них железная рукоятка вставлена в деревянную ручку, обмотанную бронзовой проволокой (рис. 58, *6*). Боек второго молотка более плоский, а отверстие для рукоятки очень узкое (рис. 58, *4*). Ювелирным молоточкам сопутство-

[131] К о л ч и н Б. А. Черная металлургия. . ., рис. 30.

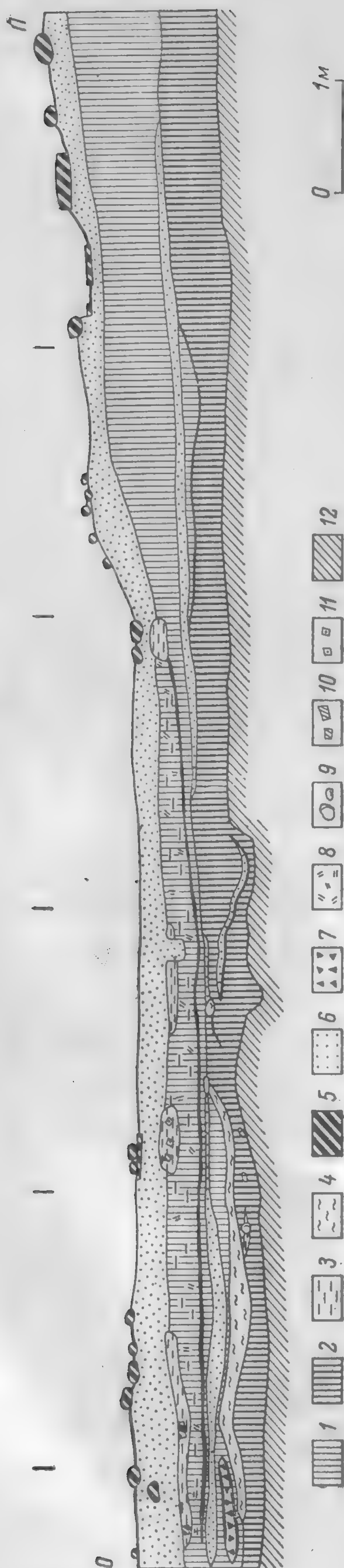

Рис. 57. Разрез через постр. 10—14.

1, 2 — культурный слой; *3* — необожженная глина; *4* — древесный тлен; *5* — горелое дерево; *6* — песок; *7* — зола; *8* — угли; *9* — камень; *10* — кирпич; *11* — штукатурка с фресковой росписью; *12* — материк.

вала пирамидальная наковальня (рис. 58, *8*), которую можно сопоставить с соответствующей новгородской находкой.[132] К орудиям ювелира относится также половинка клещей (рис. 58, *7*). С этой же отраслью ремесла связаны и глиняная ступочка (рис. 58, *1*), железные стержень с трапециевидной рабочей частью (рис. 58, *5*) и квадратная поделка с углублением в центре (рис. 58, *12*). Сырьем и заготовками ювелира являлись 20 обломков и обрезков бронзы, бронзовые пластинки (рис. 59, *26*), незавершенная обработкой трапециевидная привеска (рис. 59, *15*) и поделка (рис. 59, *18*).

Перечислим другие предметы, найденные на полу или на уровне пола северо-западной части постр. 10. Среди них наиболее интересен обломок фаянсового сосуда, покрытого темно-коричневой люстровой росписью с арабской надписью, нанесенной белой краской (рис. 59, *24*). Возможно, что он принадлежал сосуду, похожему на кувшин, на верхней части которого был орнамент в виде полос с растительным узором, а на нижней — арабская надпись.[133] Кроме того, здесь найдены нож, железное ушко от деревянного сосуда, обломок стеклянного фиолетового перстня и фрагменты двух стеклянных коричневых крученых браслетов.

На уровне пола юго-западной части постройки лежало восемь золотых предметов. Шесть из них — округлые и грушевидные полые бусины (рис. 59, *2—5*); две бусины прикреплены к золотой цепочке (рис. 59, *1*). Встречена золотая поделка, являющаяся частью овального медальона с перегородчатой красной и зеленой эмалью (рис. 59, *17*).[134] От одного золотого украшения сохранился только миниатюрный шарик (рис. 59, *3*). Вблизи золотых вещей обнаружены две бронзовые пуговки (рис. 59, *6*, *12*) и плетенка из ниток; в некотором отдалении от этих предметов — часть железных удил с псалиями (рис. 60, *13*), обломок крупной ромбовидной стрелы с выступом на пере (рис. 60, *5*) и медное ушко от сосуда (рис. 60, *10*). Вместе с перечисленными вещами находилось горло византийского сосуда из бесцветного стекла с золотой росписью в виде четырех орнаментальных поясков (рис. 61, *3*). При расчистке юго-западного угла постройки встречены

---

[132] Рындина Н. В. Указ. соч., рис. 12, *1*.
[133] Pope A. A Survey of Persian Art. London; New Jork, 1938, vol. 5, pl. 649.
[134] Цвет эмали установлен Т. И. Макаровой.

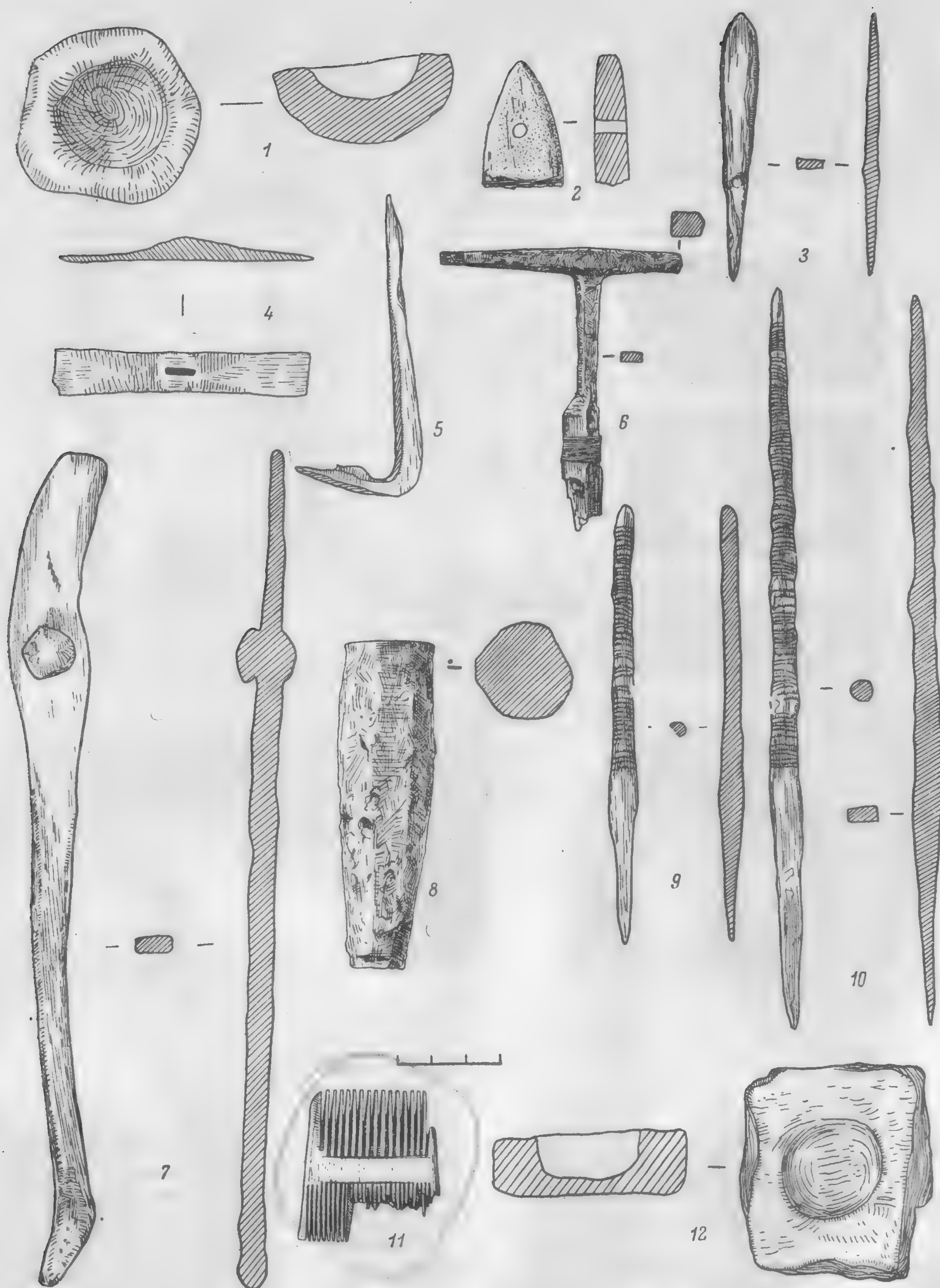

Рис. 58. Находки из постр. 10.

1 — ступка; *2* — точильный камень; *3*, *5* — орудия; *4*, *6* — молоточки; *7* — часть клещей; *8* — наковальня; *9*, *10* — напильники; *11* — гребень; *12* — железная поделка.

Рис. 59. Находки из постр. 10.

1—5, 16, 17 — золотые украшения; *6, 12* — пуговки; *7—11* — бляшки; *13* — бубенчик; *14* — обломок перстня; *15* — привеска; *18* — бронзовая поделка; *19* — обломок стеклянного сосуда; *20—23* — бусины; *24* — фрагмент фаянсового сосуда; *25* — пряжка; *26* — бронзовая пластинка; *27* — цепочка.

многочисленные обломки матового стекла, расписанного золотом и красной эмалью. Они принадлежали двум византийским сосудам, один из которых реконструируется в форме флакона (рис. 61. *1*), а второй — сферической чаши (рис. 61, *2*).[135]

[135] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская В. В. Указ. соч., с. 8, 9.

У южной стенки постройки лежала наковальня с выступом, на котором проковывались кольцевидные и втульчатые изделия. Она напоминает наковальню из Новгорода.[136]

Очень много вещей дало исследование культурного слоя постройки. Здесь мы снова встретились с обломками и обрезками бронзы, оставшимися от обработки цветных металлов. Найдены также плоско-выпуклый металлический штампик и точильные камни; один из них шиферный (рис. 58, *2*). Отметим небольшую стамеску, маленькое шило и шиферное пряслице.

[136] Рындина Н. В. Указ. соч., с. 221.

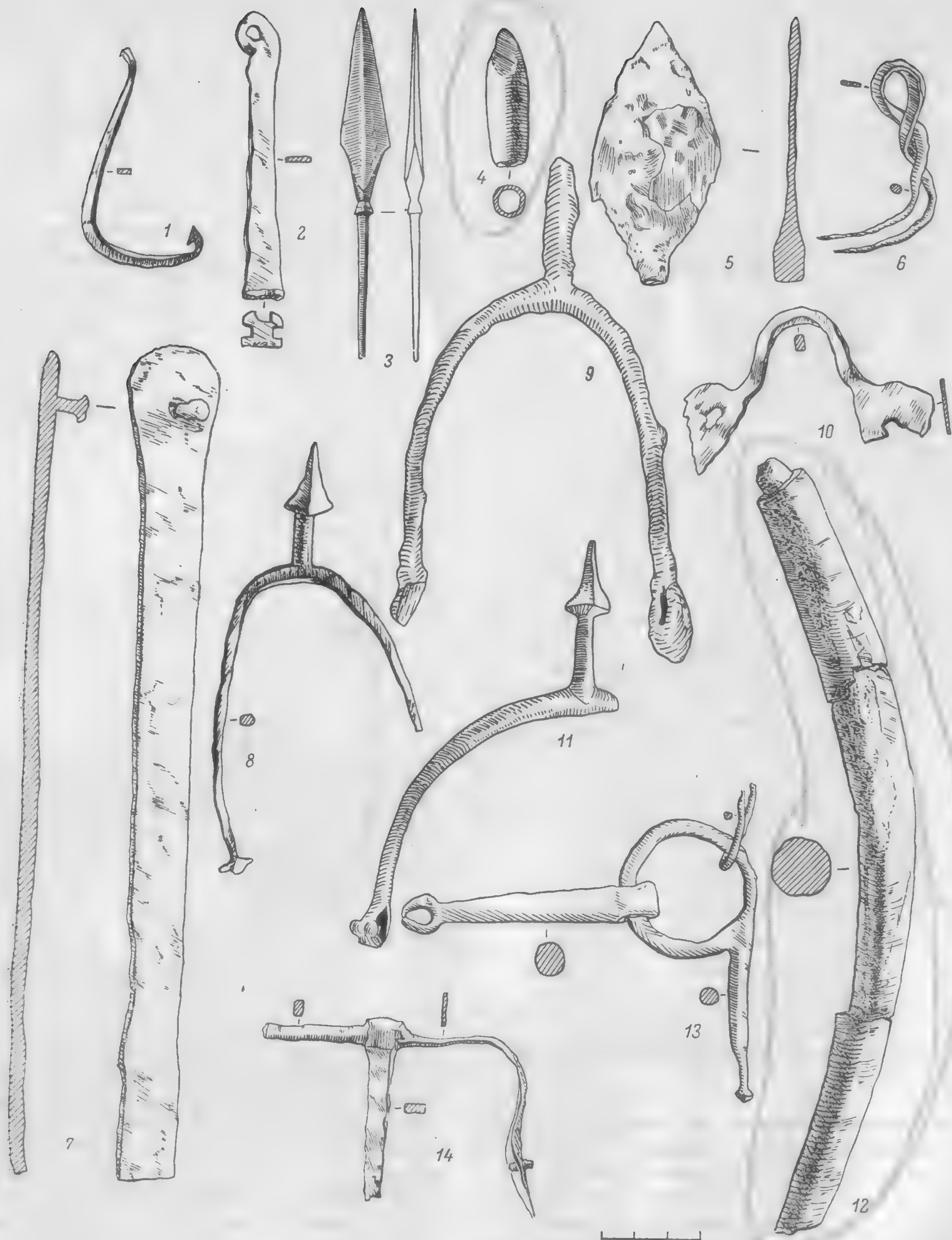

Рис. 60. Находки из постр. 10.

1 — рыболовный крючок; *2* — ключ; *3*, *5* — железные наконечники стрел; *4* — костяной наконечник стрелы; *6* — крюк; *7*, *14* — железные поделки; *8*, *9*, *11* — шпоры; *10* — ушко от сосуда; *12* — поделка из рога; *13* — часть удил.

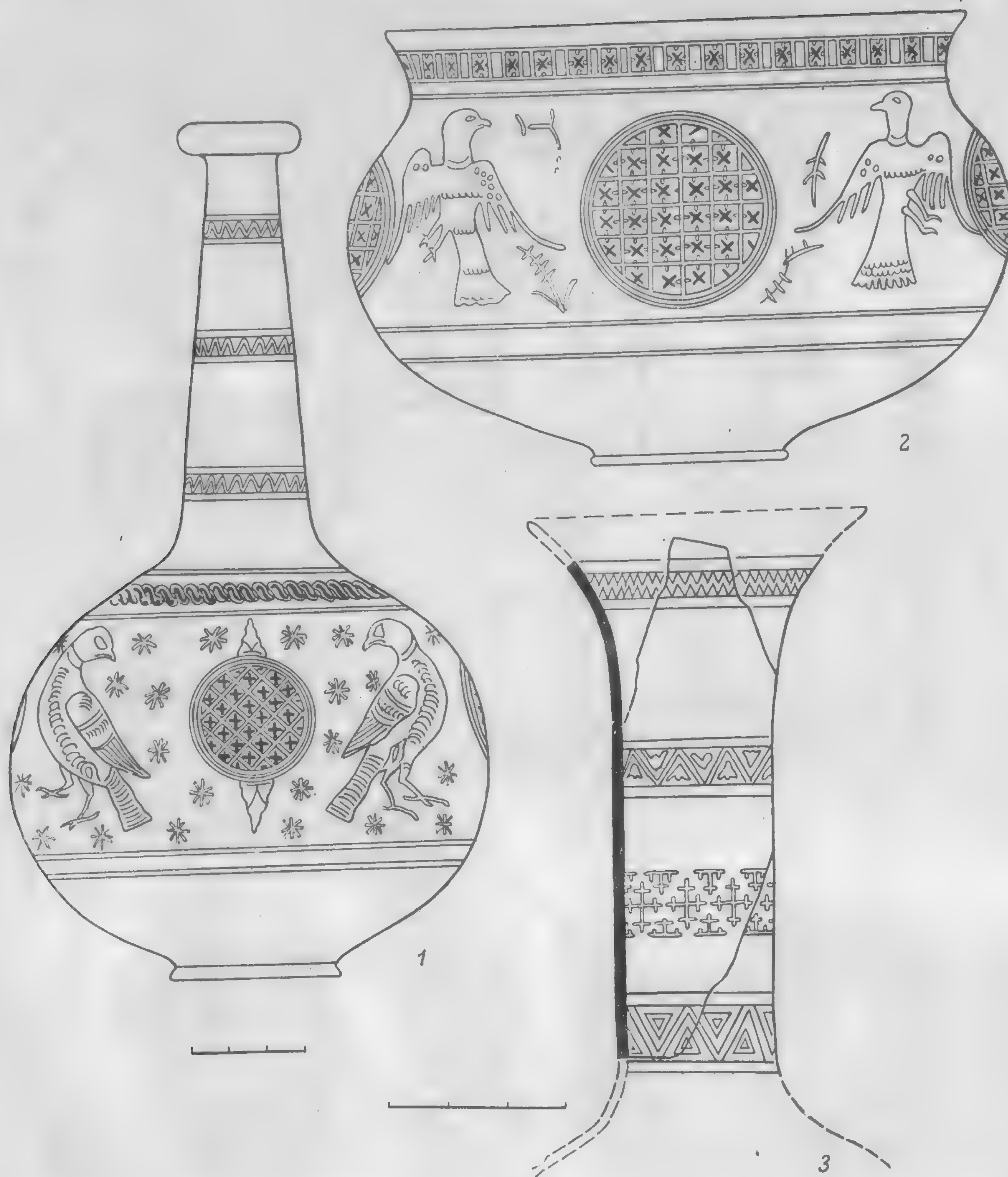

Рис. 61. Стеклянные сосуды (реконструкция) из постр. 10 (*1—3*).

К промысловому инвентарю относятся железные рыболовный крючок и крюк с перевитым стержнем (рис. 60, *6*), служивший для вытаскивания запутавшихся сетей.[137] Аналогичные крюки употребляли жители Волковыска. Рыболовы пользовались также свинцовым грузилом, напоминающим таковое из постр. 5. Помимо наконечника стрелы, встреченного на полу постройки, в ее засыпи найдены наконечники втульчатой и черешковой стрел (рис. 60, *3*). Там же был чрезвычайно редкий для описываемого поселения костяной втульчатый наконечник — томар трехгранный (рис. 60, *4*). Параллели нашей находке известны в Волковыске.[138]

Из трех шпор, найденных в засыпи постр. 10, одна с гвоздевидным и две с пирамидальными шипами (рис. 60, *8*, *9*, *11*). Некоторые железные поделки не определены (рис. 60, *7*, *14*). В засыпи оказалось много утвари. Это неполивная керамика, представленная фрагментами горшков IV—IX типов. Ведущими типами явля-

[137] Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 83.

[138] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., рис. 31, *12*, *13*; 33, *46*.

ются V и VIII — около 60% всех сосудов. Более 23% — горшки VI и VII типов. Горшки IV и IX типов — единичны. Отдельные фрагменты принадлежат горшку с вертикальным горлом, корчаге и мелкой столовой посуде. Есть поливная чаша на поддоне. Полива ее снаружи голубая, а изнутри вишневая. В керамический комплекс входят обломки трех амфор I и II типов.

Найдено много осколков стеклянных сосудов; 25 довольно мелких бесцветных фрагментов имеют наплавленные нити и жгутики из голубого и желтого стекла (рис. 59, *19*). Судя по фактуре и составу стекла, эти сосуды были продукцией киевских мастерских. Аналогичные предметы получены при раскопках древнего Турова.[139] Встречено немало фрагментов сосудов византийского и ближневосточного производства. Выдающейся находкой является кубок из дымчатого стекла высотой 12 см, орнаментированный техникой резьбы, шлифовки и гравировки. На стенках его вырезаны фигуры льва и грифона, а также древо жизни (рис. 62, *4*). Стеклянные толстостенные сосуды, аналогичные новогрудским, хорошо известны по находкам, хранящимся в соборах и музеях Польши, ГДР, ФРГ, Голландии и Англии. Они носят наименование «Hedwigsgläser» (согласно легенде, такой кубок принадлежал Ядвиге — жене герцога Силезии, канонизированной в 1267 г.). Ближайшей аналогией новогрудскому кубку является сосуд из Британского музея.[140] Многие сосуды этого типа использовались в христианских храмах. В соборах Миндена и Нюрнберга они служили дарохранительницами. В Гальберштадте подобный бокал происходил из алтаря собора. Целительные свойства приписывались сосуду из Кобурга.[141] Новогрудская находка, встреченная в комплексе, позволяет уточнить время, когда данные сосуды попали в Европу. В литературе сосуды группы «Hedwigsgläser» считались изделиями немецких мастеров.[142] В настоящее время единодушно признано, что они были сделаны на Востоке. Не исключено, что эти сосуды попали в Европу через крестоносцев или купцов, доставлявших изделия Ближнего Востока.[143]

Ю. Л. Щапова, ознакомившаяся с некоторыми польскими кубками указанного типа, установила, что они являются копиями XVII в., а средневековые оригиналы в настоящее время утрачены. Это любопытное наблюдение не опровергает, однако, того факта, что подлинные «Hedwigsgläser» попали в свое время в Польшу с Ближнего Востока. Щапова считает наш кубок изделием византийской, прежде всего константинопольской, мастерской.[144]

По фрагменту бесцветного стекла, расписанного золотом, реконструируется открытая чаша (рис. 62, *1*), параллель которой, исполненная в синем стекле, найдена в Старой Ладоге.[145] Отметим отдельные фрагменты бесцветного матового и голубого восточного стекла. Найдено также горло бесцветного сосуда; донце его оказалось в другой части дома. Сосуд реконструируется в форме флакона (рис. 62, *3*). По составу стекла он относится к изделиям киевских мастеров. Некоторое подобие ему можно указать среди находок в Новгороде, относящихся к первой половине XII в.[146]

Остальная утварь и бытовые предметы представлены железными вещами: ключом от замка с узкой ключевой щелью (рис. 60, *2*), обломком навесного замка и т. д. Как и в других комплексах, отдельные вещи остались неопределенными. Непонятно, например, назначение очень длинной (26 см) поделки из рога (рис. 60, *12*).

Засыпь постр. 10 содержала двусторонний гребень (рис. 58, *11*), обычные для новогрудских построек бронзовые украшения, к которым относятся шесть бронзовых пуговок (рис. 59, *6*, *12*), бубенчики (рис. 59, *13*), бляшки-скорлупки (рис. 59, *8—11*), напоминающие соответствующие находки на селище у Городиловки.[147] Встречены прямоугольные бляшки (рис. 59, *7*) и обломок бронзового перстня (рис. 59, *14*). Аналогии подковообразной пряжке с утолщенными концами (рис. 59, *25*) хорошо знакомы по русским и прибалтийским древностям XI—XII вв.[148] Отметим также бронзовую цепочку (рис. 59, *27*).

В засыпи найдено семь стеклянных бусин. Из известных нам ранее форм здесь оказались две синие зонные и желто-коричневая с пластичным узором и голубыми ободками у отверстий. Новую форму дают четыре уплощенно-эллип-

---

139 Полубояринова М. Д. Указ. соч., рис. 2, *10*.

140 Pinder-Wilson R. H. A Hedwig glas for the museum. — British Museum Quarterly, 1960, vol. 22, p. 45, tab. XVII.

141 Lamm G. I. Mittelälterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1930, S. 172, 173.

142 Kalesse E. Das Museum schlesischer Altertümer. — Z. für bildende Kunst, 1883, Bd 18, S. 294.

143 Гуревич Ф. Д. Стеклянный резной бокал из Новогрудка. — СА, 1963, № 2, с. 243—246.

144 Щапова Ю. Л. О резном бокале из Новогрудка. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 209—215.

145 Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 11—12.

146 Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 50.

147 Гуревич Ф. Д. Древности. . ., рис. 79, *3*.

148 Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории Древней Руси. — КСИА, 1977, вып. 150, с. 34—37.

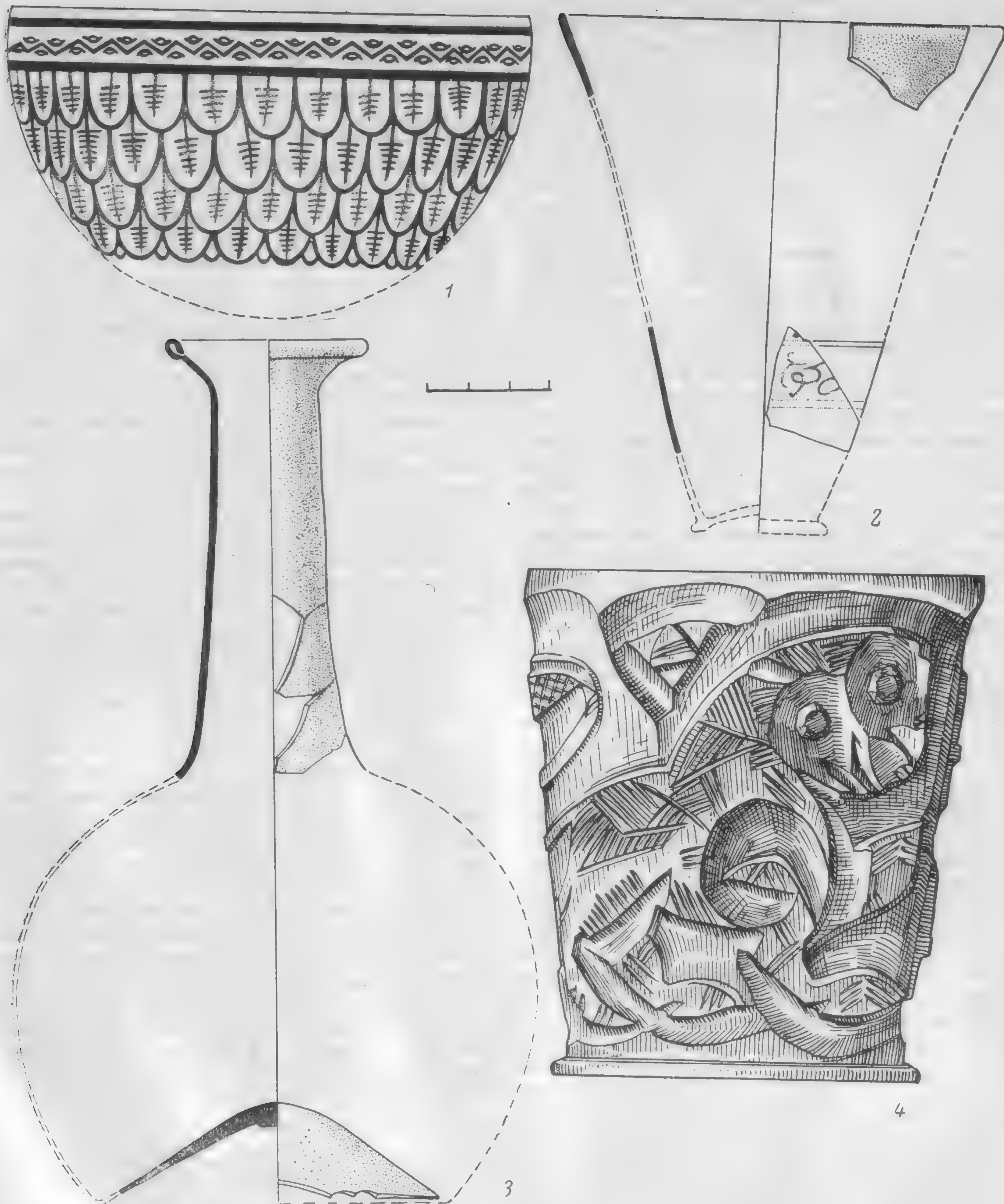

Рис. 62. Стеклянные сосуды (*1—3* — реконструкция) из постр. 10 (*1—4*).

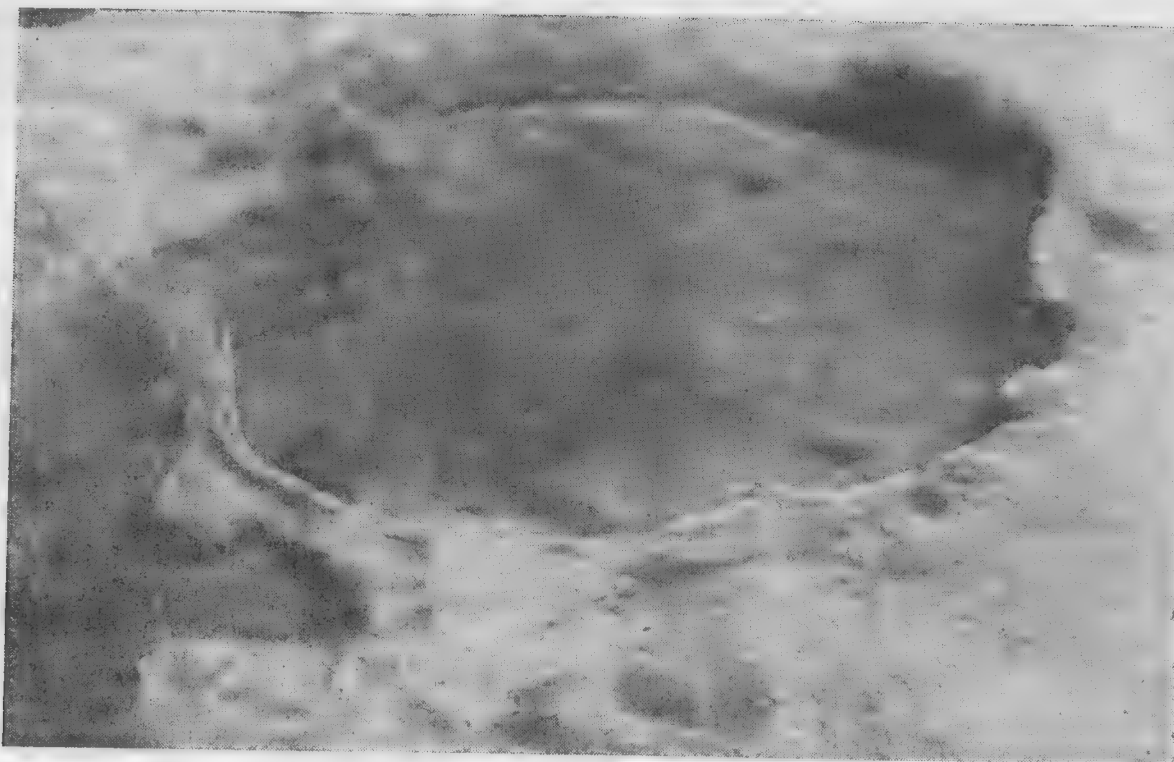

Рис. 63. Остатки печи из постр. 16.

ические бусины, сделанные из голубого полупрозрачного стекла (рис. 59, *20*, *21*). В курганах Ярославской, Калининской, Московской и Смоленской областей бусы такой формы датируются XI—XIII вв.[149] Два мелких осколка принадлежали перстням из зеленого и фиолетового стекла. Стеклянные браслеты представлены 77 обломками (табл. 11).

Таблица 11. Стеклянные браслеты из постр. 10

Форма	Цвет стекла							Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	неопределенный	
Крученая	23 *	7	5	7	2	2	6	52
Гладкая	5 *	4 **	—	8	1	2	1	21
Плоско-выпуклая	1	—	—	—	—	—	—	1
Треугольная	1	—	—	—	—	1	—	2
Витая	1	—	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	31	11	5	15	3	5	7	77

* У трех желтая оплетка. ** У одного — светло-коричневая.

Постр. 11 (кв. Ш—Ъ-9—11). Открыта ее юго-западная сторона, находящаяся в 2.4 м к востоку от постр. 10, на глубине 1.94 м. Остальная часть дома уходит в стенку раскопа. Исследованное жилище было ориентировано так же, как и постр. 10 (рис. 56, 57). Постройка рублена в обло. Под угол дома положены камни

[149] Фехнер М. В. Указ. соч., прил. VI, рис. 6, *14*.

При расчистке постр. 11 оказалось, что она была почти сплошь заполнена мелкими кусками обожженной глины, под которой встречены остатки пола, лежавшего на лагах. Ширина досок 30 см, лаг — около 20 см. Внутри постройки обнаружена тесина. На концах она была обрублена и завершалась узкими выступами. Находок в постр. 11, за исключением единичных обломков керамики, ножа и лубяной веревки, не было.

Постр. 16 (кв. Н—У-14—19). Была возведена над остатками постр. 18 и 19 и отделена от них гумусным слоем толщиной от 10 до 30 см. Границы прослеживаются по распространению угольного слоя, оставшегося от сгоревшего пола. Размеры постройки приблизительно 10×11 м. В ее северо-западном углу, на полу, открыты остатки округлой в плане глинобитной печи диаметром 1.1 м, устье которой обращено к востоку. Нижняя часть сильно обожженной глиняной стенки печи сохранилась in situ. Под печи глинобитный; на нем лежал слой золы (рис. 63).

На угольном слое, покрывающем помещение, открыты развалы двух больших массивов необожженной и частично обожженной глины, смешанной с гумусом и углем. Один из массивов вытянут с севера на юг вдоль западной стороны помещения. Ориентация второго (в северной части помещения) не определена. Глина лежит в два, а местами в три слоя, разграниченных гумусом или песком (рис. 64, 65). На уровне пола встречены куски оконного стекла. К находкам постр. 16 относятся глиняные желтые поливные плитки (сторона 2.2 см), а также часть прямоугольной длиной 3.5 см, шириной 2 см. Здесь же лежали обломки двух

плиток большего размера (сторона более 5 см), покрытых зеленой поливой, очень напоминающих плитки Нижней церкви в Гродно.[150] Возможно, они попали сюда из какой-либо разрушенной церковной постройки. Однако не исключено, что эти плитки устилали и полы дома. Если имелось жилище, стены которого покрывала фресковая роспись, то естественно предположение о существовании жилой постройки с майоликовым полом.

Из-за плохой сохранности строительных остатков трудно стратиграфически локализовать находки. Только некоторые можно с уверенностью связать с уровнем пола: обломок железной лучковой пилы (довольно редкая находка в древнерусских городах) и маленького точильного камня с желобком; обрывок железной кольчуги (рис. 66, *16*); железный стержень (рис. 67, *12*); фрагменты тонкостенных стеклянных сосудов, в том числе молочно-белого, расписанного эмалью и золотом (рис. 66, *5*); бронзовое височное перстневидное кольцо; обломок бронзовой бусины так называемого минского типа (рис. 66, *6*); фрагмент синего гладкого стеклянного браслета; бронзовый крест-тельник, средокрестие которого покрыто зеленой эмалью (рис. 66, *12*). Аналогичный крест известен нам из курганного могильника Засвирь в Минской области.[151]

Намного больше вещей оказалось в засыпи постр. 16. Ряд найденных здесь предметов принадлежал ремесленнику-ювелиру. Это железный пинцет с Г-образной губой (рис. 67, *1*), аналогии которому дает Новгород,[152] ручка от льячки, обломок и обрезки бронзы и серебра, три точильных камня с желобком для заточки инструментов, возможно, тоже производственного назначения. Ювелирные работы, производившиеся в пределах постройки, как видно, сочетались с косторезными, что подтверждают заготовка из рога лося в форме прямоугольного бруска и ряд других заготовок из кости и проколки (рис. 67, *19*, *20*). К вещам, характеризующим занятия хозяев постройки, относятся также кусок необработанного янтаря, шиферное пряслице и бронзовая игла.

Набор оружия состоит из девяти наконечников стрел и обломков трех шпор. Есть костяной наконечник томар такой же формы, как и в постр. 10, а в числе железных — три втульчатых с ромбическим в сечении пером (рис. 67, *3*, *4*, *7*) и черешковые с квадратным и ромбическим сечением пера (рис. 67, *5*, *6*). Остальные наконечники имели плоское ромбическое и ромбическое с выступом перо (рис. 67, *8*, *9*). Все типы наконечников стрел встречались и ранее, как и типы шпор с гвоздевидным и (рис. 67, *25*) пирамидальными шипами и глухими петлями (рис. 67, *21*, *24*, *26*). Одна из шпор покрыта серебряной платировкой (рис. 67, *27*). К рассматриваемым вещам присоединим железную булавку с кольцевидной головкой (рис. 67, *17*), имеющую ту же форму, что и булавка из постр. 18.

В состав керамического комплекса постройки входят горшки V—IX типов, фрагменты стенок поливных сосудов и обломки пяти амфор I, II и IV типов.

Найдено довольно много обломков стеклянных сосудов, в их числе обломки оплавленного прозрачного стекла. Анализ, произведенный в лаборатории ЛОИА, показал, что оно было сварено по натриево-кальциевому рецепту и относится к категории византийско-восточных стекол. Бóльшая часть находок принадлежит известным нам типам восточных сосудов (молочно-белое стекло с золотой росписью, марганцово-красное, бесцветное и др.; рис. 66, *1*, *5*). Найдена также ножка от бесцветного кубка киевской работы.

Восемь обломков фаянсовой посуды с кракелюрами снаружи и изнутри покрыто темной глазурью и расписано коричневым люстром. Орнамент — геометрический и мелкорастительный (рис. 66, *25*, *26*). Обломки обгорели и сильно деформированы. Восстанавливается лишь часть венчика миниатюрного сосуда диаметром 4 см. Несколько фрагментов фаянсового сосуда украшено гравировкой, нанесенной по сырому тесту, и покрыто ярко-синей глазурью. Аналогичная гравированная чаша из Ирана, с синей глазурью, известна из частной коллекции.[153]

Остальная утварь представлена пятью обычными ножами (рис. 67, *10*, *11*), пружиной от замка, 39 гвоздями, железным кольцом с бронзовой инкрустацией (рис. 66, *17*), ледоходным шипом (рис. 67, *23*), медной ручкой (рис. 67, *22*) и обломком маленького бронзового ключа. Среди предметов убора выделяется большое бронзовое четырехчастное украшение, состоящее из стержня с изогнутыми концами, цепочки, разделителя и двух прорезных бубенчиков (рис. 66, *19*). Нагрудные цепи с бубенчиками и разделителями аналогичной формы входили в убор латгалов.[154]

Как и в других постройках, встречены бронзовые пуговки (рис. 66, *13*) и бубенчики. Найдены три бронзовых перстня: пластинчатый

---

150 Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 60.

151 Jaskanis D. Materiały odkryte w 1934 r. na cmentarzysku kurhanowym w Zaświrzu, rej. Świr, w, BSRR. — Światowit, 1962, t. 24, ryc. 8.

152 Рындина Н. В. Указ. соч., с. 222, 224, рис. 15, *3*.

153 Pope A. Op. cit., pl. 598.

154 Latviešu kultūra senatne. Rīga, 1937, tab. LI.

Рис. 64. План постр. 16. (Разрез ВГ см. рис. 65).

1 — необожженная глина, *2* — обожженная; *3* — зола; *4* — камень; *5* — горелое дерево; *6* — предполагаемая граница постройки; *7* — песок; *8* — угли.

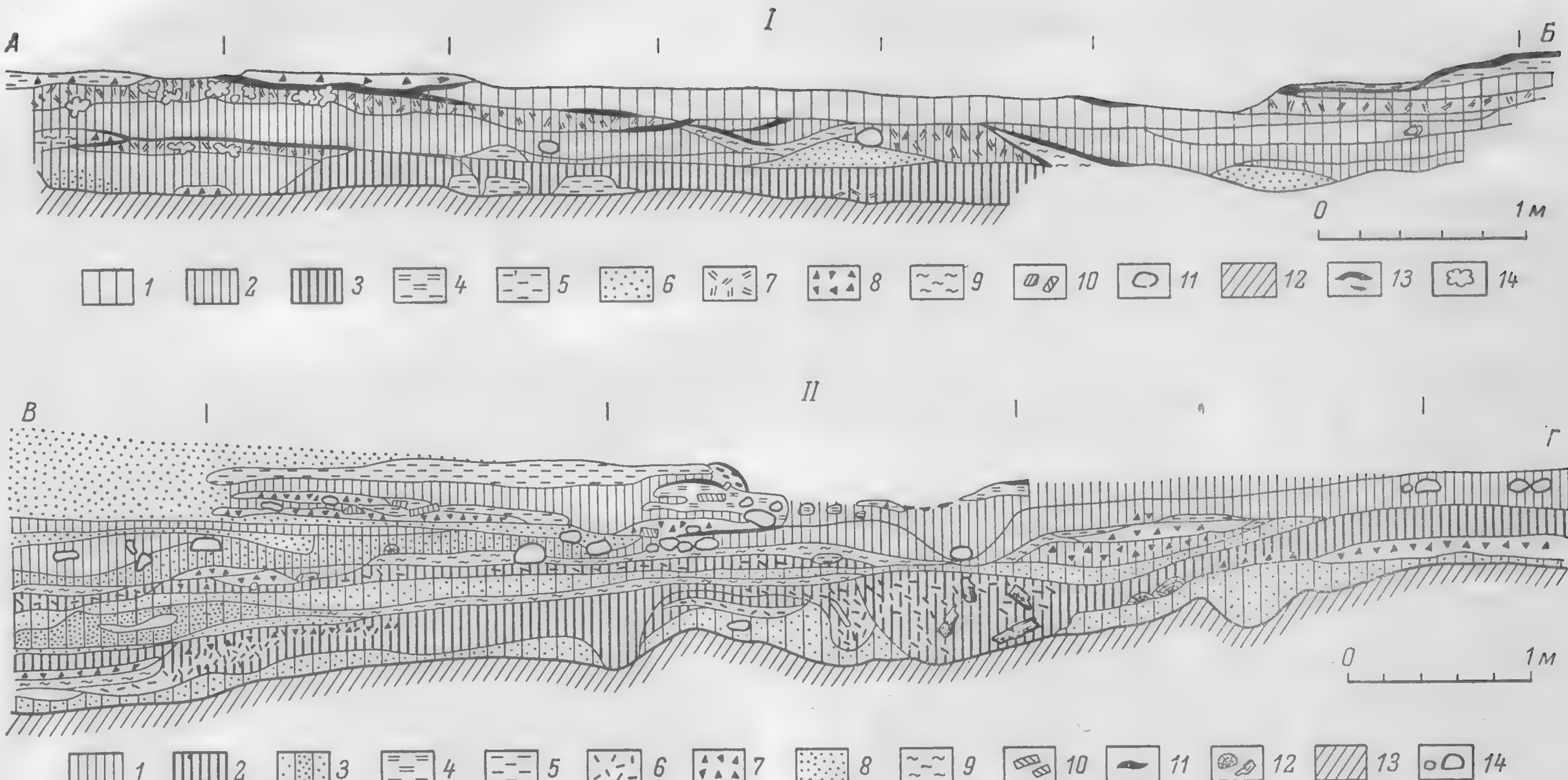

Рис. 65. Разрезы через постройки посада—окольного города.

I — разрез АБ через постр. 7, 22 и 23: *1—3* — культурный слой; *4* — обожженная глина, *5* — необожженная; *6* — песок; *7* — угли; *8* — зола; *9* — древесный тлен; *10* — кирпич; *11* — камень; *12* — материк; *13* — угольный слой; *14* — шлаки. *II* — Разрез ВГ через постр. 16, 18 и 21: *1, 2* — культурный слой; *3* — гумусированный песок; *4* — обожженная глина, *5* — необожженная; *6* — угли; *7* — зола; *8* — песок; *9* — древесный тлен; *10* — кирпич; *11* — угольный слой; *12* — горелое дерево; *13* — материк; *14* — камень.

с расширяющимися концами (рис. 66, *11*) и два проволочных. Один из них имеет вставку из зеленого стекла (рис. 66, *8*) и напоминает новгородские перстни широкого хронологического диапазона.[155] Оригинальна бронзовая бляшка с изображенным на ней четырехлепестковым цветком (рис. 66, *7*). От некоторых металлических украшений сохранились только обломки.

Найдены две зонные бусины из синего стекла, шиферная битрапецоидная и бочковидная каменная. Из обломков четырех стеклянных плоско-выпуклых перстней два окрашены в желтый, один в синий и один в зеленый цвета. На желтом и синем перстнях имелись плоские щитки (рис. 66, *20*, *22*). Стеклянные браслеты представлены обломками 113 экз. (рис. 66, *15*, *18*, *21*, *24*; табл. 12).

Таблица 12. Стеклянные браслеты из постр. 16

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	
Крученая	31 *	7	1	8	5	4	56
Гладкая	21 **	8 ***	3	10 ****	1	2	45
Плоско-выпуклая	4	1	—	—	—	1	6
Треугольная	3	2	—	—	—	—	5
Витая	—	—	1	—	—	—	1
Итого . . .	59	18	5	18	6	7	113

* У шести желтая оплетка. ** У пяти — желтая, красная или желто-красная. *** У одного — красная. **** У двух — желтая.

В засыпи постройки найдены также каменный крест — «корсунчик» (рис. 66, *14*) и обломок энколпиона со следами позолоты (рис. 66, *9*).

Постр. 25 (кв. ОП-IX—X). Следы постройки выявлены на глубине 1.4 м; обнаружены волокна истлевшего пола, ориентированного приблизительно с востока на запад. На полу найдены шиферное пряслице и немного керамики. Непосредственно под полом лежал обломок серпа.

Постр. 26 (кв. Н—П-VIII—XI). На глубине 1.12—1.3 м открыт нижний венец сруба, ориентированный с северо-запада на юго-восток и состоявший из горелых бревен. По оси СЗ—ЮВ постройка простиралась на 5.5 м. В восточной части обнаружен углистый слой, на котором в беспорядке лежали доски сгоревшего пола. Много обожженной глиняной обмазки (по-видимому, от печи) залегало в юго-восточном секторе постройки. В западной ее части открыт массив необожженной глины. Исследовать остатки печи мы не смогли, ибо она уходила под каменный столб, поставленный в XIX в. (рис. 68).

С постр. 26 связаны следующие находки: обломок железной стамески, два шиферных пряслица, заготовка для глиняного пряслица, железная игла, заготовка из рога, три обломка сосуда с зеленой поливой, фрагмент чаши из бесцветного стекла и ключ от замка с узкой ключевой пластиной. Такие ключи в Новгороде появляются с 30—40-х гг. XII в.[156] Встречены также три ножа, гладкий и витой бронзовые стержни (возможно, от браслетов) и фрагменты шести стеклянных крученых браслетов (два коричневых, два синих, зеленый и фиолетовый).

Постр. 27 (кв. НО-III—V). Строительные остатки ее в виде беспорядочно разбросанных бревен диаметром 20 см и досок от настила пола открыты на глубине 1.25—1.5 м. Здесь же встречены горелые жерди, необожженная глина и куски обожженной глиняной обмазки. Над гумусом, покрывавшим этот развал, лежала необожженная глина, относящаяся к верхним частям постройки. Судя по остаткам горелого дерева, постройка тянулась с севера на юг на 5.2 м. Граница ее по оси В—З не установлена, ибо западная часть постройки уходила за борт раскопа.

К данной постройке относятся обломки точильного камня, бронзовой иглы и заготовка для каменного пряслица. Найденный в постройке ключ с округлой пластиной и прямым стержнем аналогичен новгородским находкам, бытовавшим с X до середины XII в.[157] Среди инвентаря имеются также пробой, поделки неизвестного назначения из железа, фрагмент обгоревшего двустороннего гребня, обломок полого костяного предмета и осколок сосуда из бесцветного стекла. Украшения немногочисленны: кусок бронзового стержня (вероятно, от браслета), две стеклянные бусины (желтая ягодовидная и синяя зонная), фрагменты стеклянных фиолетового перстня и трех крученых браслетов (два коричневых и синий).

Постр. 28 (кв. М—О-2—5). От нее сохранился лишь строительный развал. На глубине 0.95—1.05 м открыты интенсивный угольный слой, горелые доски и скопление битых кирпичей. Кое-где лежали целые кирпичи (27×20×5 см).

Все находки встречены в засыпи постройки. Здесь впервые найден тигель довольно большого размера, с «гребешком». Некоторые аналогии

[155] Седова М. В. Указ. соч., рис. 10, *13*.

[156] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 96.

[157] Там же, с. 94.

нашей находке есть в Киеве.[158] С обработкой цветных металлов, производившейся в пределах дома, связаны также бронзовые пластины и, возможно, два точильных камня. Назовем еще обломок стамески и железную оковку лопаты. Последняя — крайне редкая находка для Новогрудка и напоминает оковку лопаты из Волковыска.[159]

Из предметов вооружения найдены два наконечника стрел: двушипный втульчатый и черешковый с ромбическим в сечении пером и округлой шейкой. Форма последнего, видимо, характерна для XII—первой половины XIII в.[160] К этой же категории вещей относится обломок шпоры с глухой петлей, стержень которой инкрустирован серебром.

В составе утвари постр. 28 семь обломков амфор, осколок молочно-белого стекла, расписанного красной эмалью, три ножа, пружина от замка, гвоздь и несколько неопределенных поделок.

К предметам убора и украшениям следует причислить железную миндалевидную бляшку (вероятно, от поясного набора), обломки зеленого плоско-выпуклого перстня и семь стеклянных браслетов (табл. 13).

Таблица 13. Стеклянные браслеты из постр. 28

Форма	Цвет стекла					Всего
	коричневый	синий	зеленый	фиолетовый	желтый	
Крученая	2	—	1	—	1	4
Гладкая	1	1	—	1	—	3
Итого . . .	3	1	1	1	1	7

Постр. 32 (кв. В—З-V—IX). На глубине 0.65 м открыты остатки постройки, прорезанной погребениями. Под ней также были открыты погребения. Постройку ограничивали беспорядочно лежавшие бревна диаметром 20 см. В кв. ЕЖ-VI сохранились остатки печи в виде обломков кирпичей (найдены и целые кирпичи, 17×11×4.5 см), угля, глины, кусков обожженной глиняной обмазки, иногда с отпечатками досок. Печь стояла на тонком угольном слое, под которым было скопление золы.

Среди находок преобладают мелкие куски оплавленной бронзы. Встречены семь фрагментов амфор, стенка зеленого поливного сосуда, 19 гвоздей, четыре неопределенные железные поделки и обломки двух стеклянных зеленых крученых браслетов. Интересна серебряная книжная застежка (рис. 69, *9*). Аналогичные вещи типичны для русских древностей.[161]

Постр. 33 (кв. А—В-22—23). Стояла вблизи постр. 8 и находилась, как и она, под слоем песка. В верхней части сохранился нижний венец сгоревшего сруба. Бревно в продольном направлении прослеживалось на 5 м, уходя в западный борт раскопа, а в поперечном тянулось лишь на 2.5 м. Причем бревно это лежало наклонно соответственно понижению уровня всех строительных остатков в южную сторону (разница отметок 30 см).

Судя по уцелевшему северо-восточному углу постройки, она была рублена в обло. В этом углу встречено много обожженной глиняной обмазки, иногда с отпечатками дерева, открыта единственная обгорелая доска от настила пола (рис. 70). На ней лежала ореховая скорлупа. Под доской пола (перпендикулярно ей) оказалась узкая горелая плаха (лага?). На полу обнаружена рухнувшая обгорелая полка шириной 50 см, на которой стоял деревянный округлый предмет диаметром 40 см (рис. 71, *6*). Вплотную к северному бревну примыкал угольный слой, под ним — необожженная глина и песок.

На уровне пола у восточного поперечного бревна найдена амфора II типа с граффити в виде двух кружков. Остальные находки дала засыпь постройки. Рыболовный крючок (рис. 71, *4*) сходен с крючком из постр. 19. Из трех наконечников стрел втульчатый двушипный повторяет формы наконечников из постр. 18 и 19, а ромбический с упором сходен с находкой из постр. 10. Не встречалась ранее форма наконечника с упором и ромбовидным пером, расширенным в верхней части (рис. 71, *7*). По классификации А. Ф. Медведева, такие стрелы имеют широкую датировку (VIII—XIII вв.).[162]

К инвентарю постройки относится придонная часть зеленого поливного сосуда. Интересен фрагмент рифленого флакона из бесцветного стекла, украшенного фиолетовой стеклянной спиралью (рис. 71, *10*). Состав стекла флакона свидетельствует о принадлежности его к изделиям древнерусских мастеров, но параллели

Рис. 66. Находки из постр. 16.

1—5, 10 — обломки стеклянных сосудов; *6* — фрагмент бусины; *7* — бляшка; *8, 11* — фрагменты бронзовых перстней; *9* — обломок энколпиона; *12, 14* — кресты; *13* — пуговка; *15, 18, 21, 23, 24* — обломки стеклянных браслетов; *16* — обрывок кольчуги; *17* — кольцо; *19* — бронзовое украшение; *20, 22* — фрагменты стеклянных перстней; *25, 26* — обломки фаянсовых сосудов.

[158] Каргер М. К. Древний Киев, с. 401, рис. 92.
[159] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. . ., рис. 30, 5.
[160] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 82.
[161] ПВЛ, 1950, т. 2, с. 377.
[162] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 69—70.

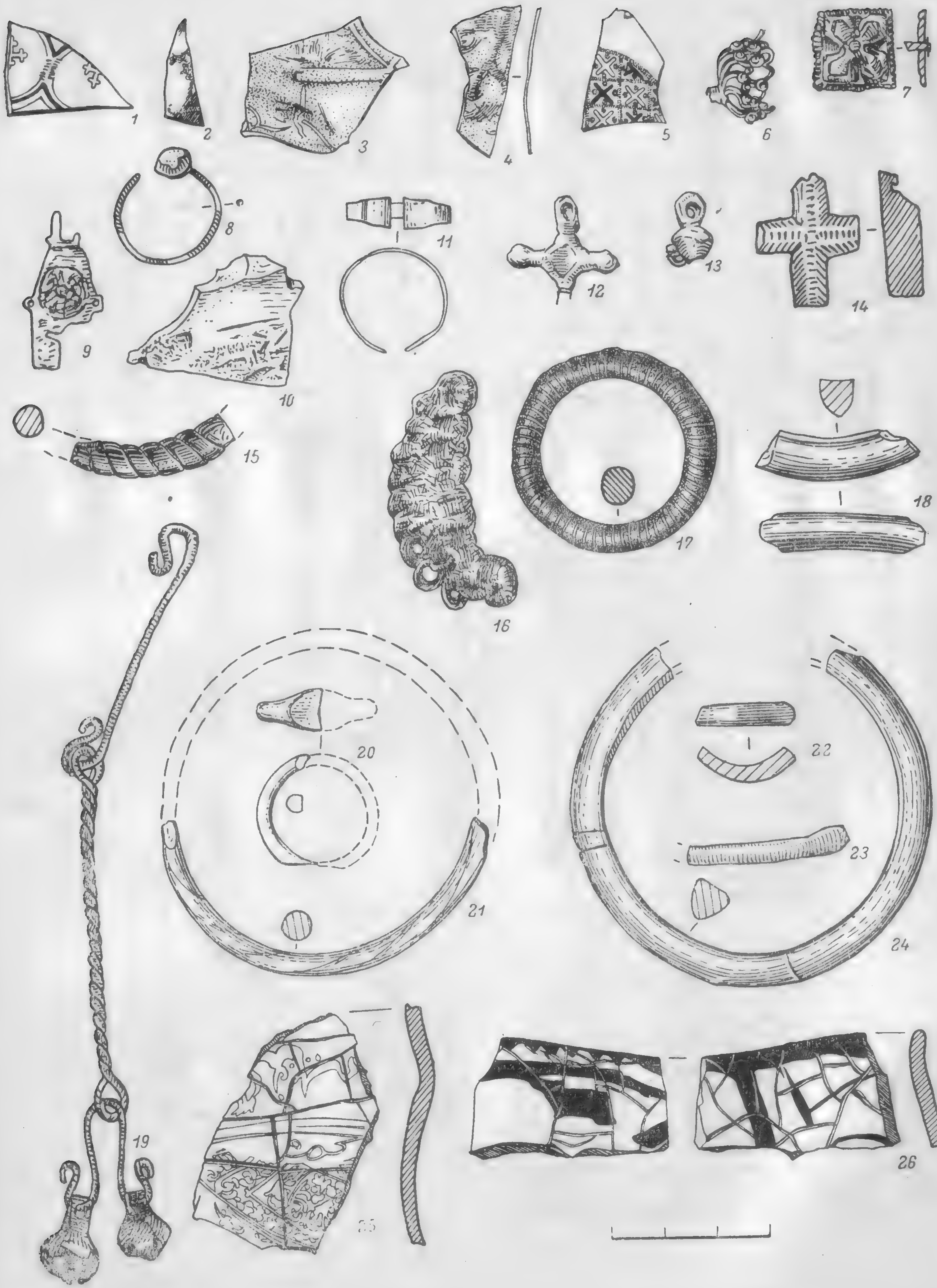

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26

Рис. 67. Находки из постр. 16.

1 — пинцет; *2—9* — наконечники стрел; *10*, *11* — ножи; *12* — стержень; *13*, *14*, *18* — железные поделки; *15* — пряжка; *16* — бронзовая поделка; *17* — булавка; *19*, *20* — проколки; *21*, *24—27* — обломки шпор; *22* — ручка; *23* — ледоходный шип.

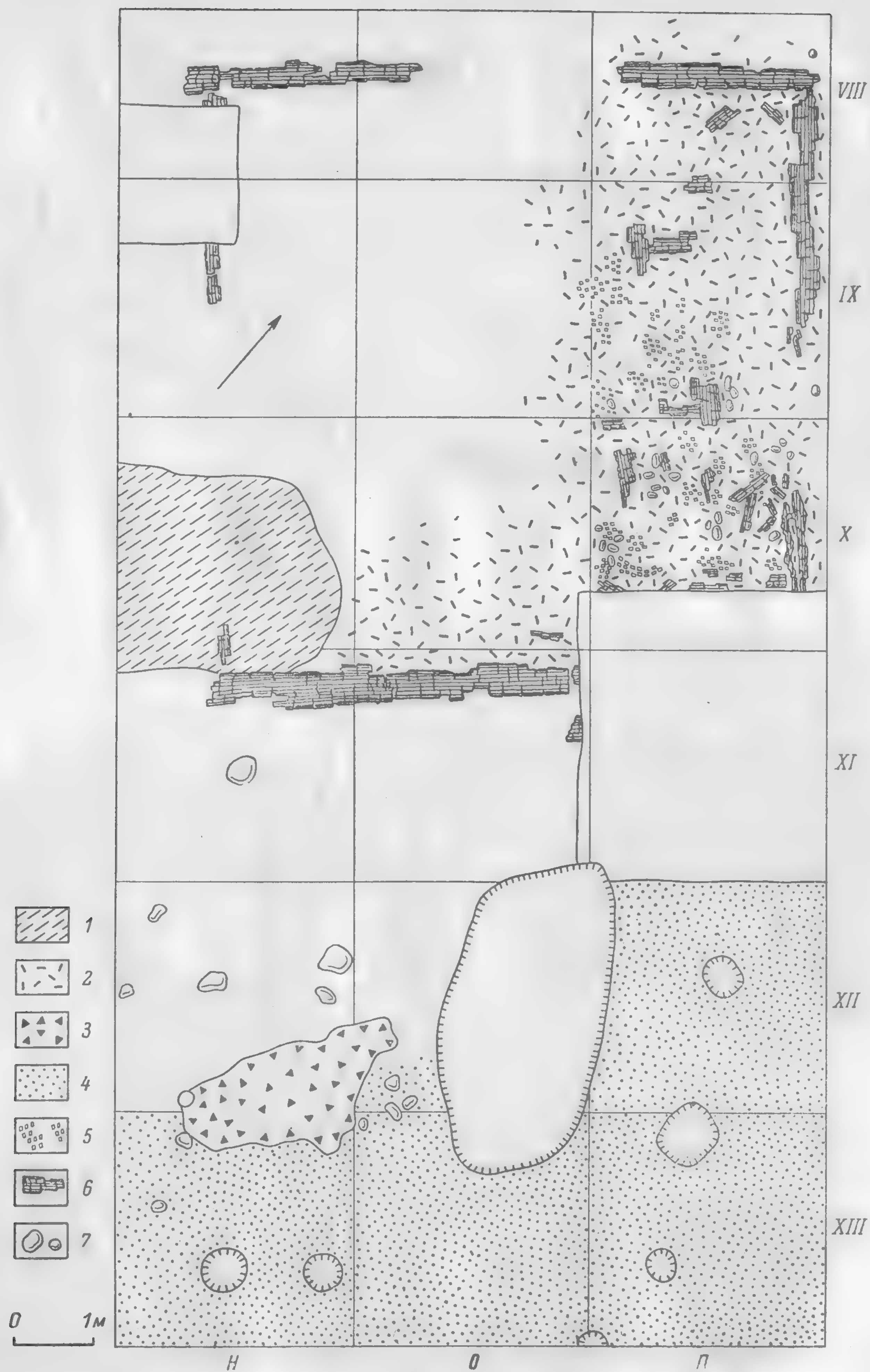

Рис. 68. План постр. 26.

1 — необожженная глина; *2* — угли; *3* — зола; *4* — песок; *5* — глиняная обмазка; *6* — горелое дерево; *7* — камень.

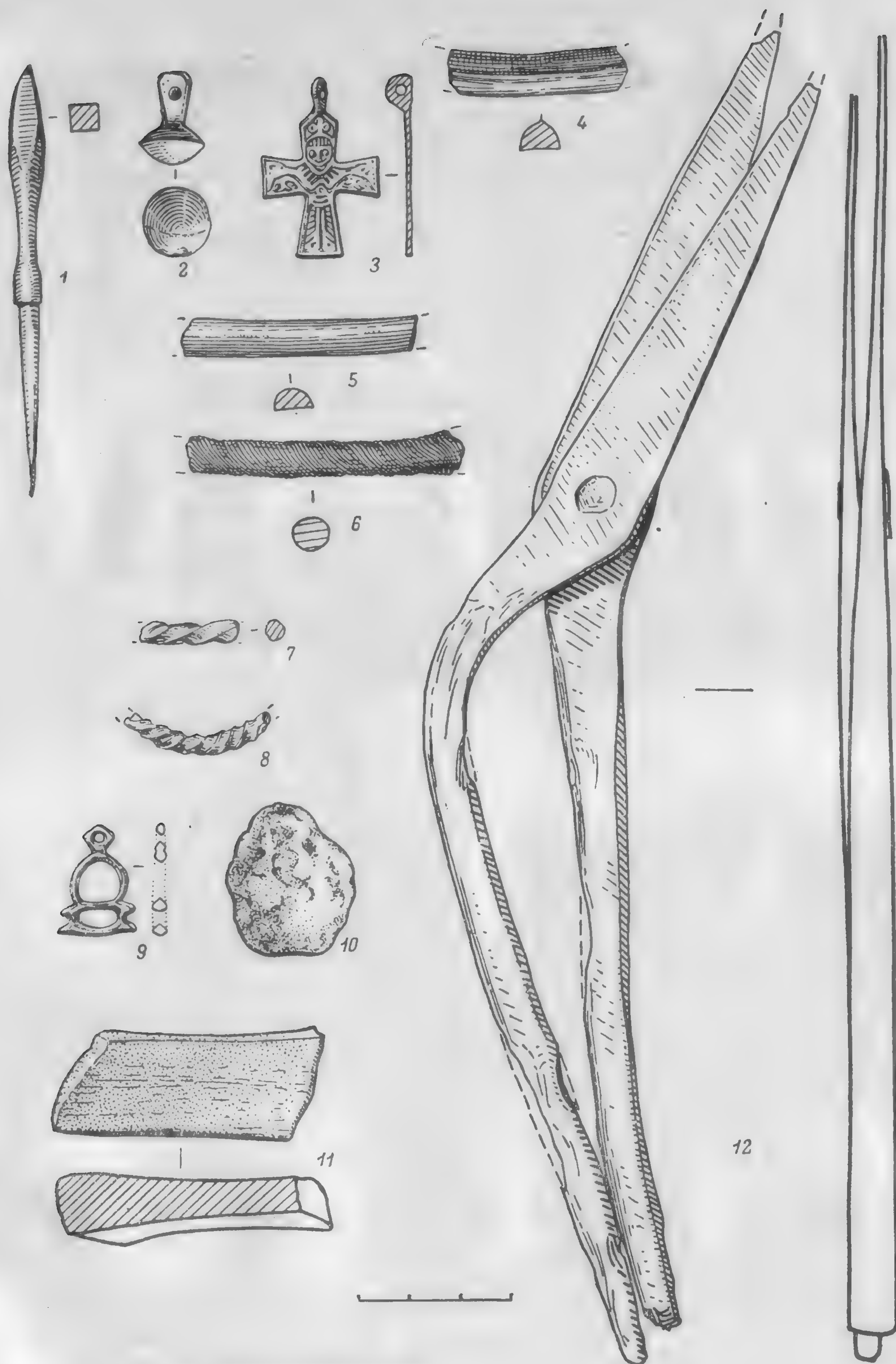

Рис. 69. Находки из постр. 32 и 35.

1 — наконечник стрелы; *2* — пуговка; *3* — крест; *4—6* — фрагменты стеклянных браслетов; *7, 8* — железные поделки; *9* — книжная застежка; *10* — обломок тигелька; *11* — точильный камень; *12* — ювелирные ножницы.

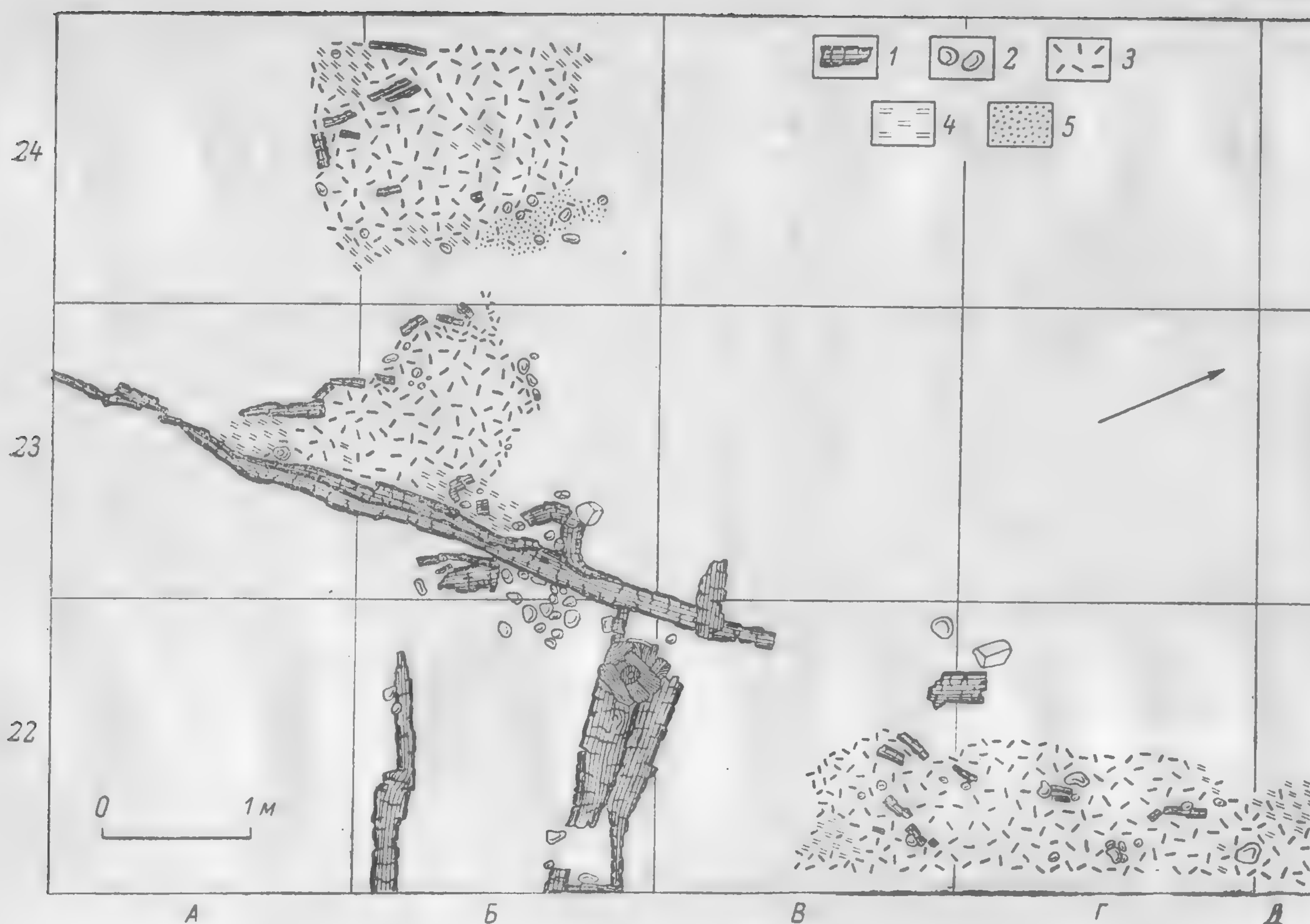

Рис. 70. План постр. 33.

1 — горелое дерево; *2* — камень; *3* — угли; *4* — обожженная глина; *5* — песок.

ему неизвестны. Второй стеклянный сосуд представлен обломком восточновизантийского оплавленного дымчатого стекла с точками, нанесенными белой эмалью (рис. 71, *1*).

Среди железных изделий есть обломки двух ножей, ключ, орнаментированный нарезкой (рис. 71, *3*), аналогия которому встречена в постр. 5, пружина от замка, три гвоздя, две узкие пластины с зазубринами (рис. 71, *8*, *9*) и железное кольцо диаметром 3 см.

Бронзовый бубенчик со щелевидной прорезью (рис. 71, *5*) не отличается от находок в постр. 5 и 10. Обломки 10 стеклянных крученых браслетов распределяются следующим образом: четыре коричневых, три желтых, синий, бирюзовый, фиолетовый.

В заключение отметим находку стержня бронзового стиля (рис. 71, *2*).

Постр. 34 (кв. Г-III). На глубине ниже 60 см лежало много золы, в которой сохранились куски горелого дерева. Под золой открыты древесный тлен и сажистый слой. В слое золы найдена обожженная керамика.

Постр. 35 (кв. З—Л-I). На глубине ниже 65 см оказался строительный развал в виде камней, битых кирпичей и необожженной глины. При разборке строительных остатков найдено некоторое количество вещей. Важной находкой являются ножницы для резки металла (рис. 69, *12*). Такими же ножницами пользовались ремесленники Новгорода.[163] О бронзолитейных и ювелирных работах, производившихся здесь же, можно судить по обломкам оплавленной бронзы и плоско-выпуклой вставке из синего стекла, аналогичной находке из постр. 8. Наконечник стрелы длиной 8.5 см, ланцетовидный, квадратный в сечении (рис. 69, *1*), датируется XII—XIV вв.[164]

Встречены семь фрагментов стенок амфор, бронзовая пуговка (рис. 69, *2*), имеющая неко-

Таблица 14. Стеклянные браслеты из постр. 35

Форма	Цвет стекла				Всего
	коричневый	синий	зеленый	фиолетовый	
Крученая	—	2	1	—	3
Гладкая	1	—	—	1	2
Плоско-выпуклая	—	1	—	—	1
Итого . . .	1	3	1	1	6

[163] Рындина Н. В. Указ. соч., рис. 12, *10*.
[164] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 79.

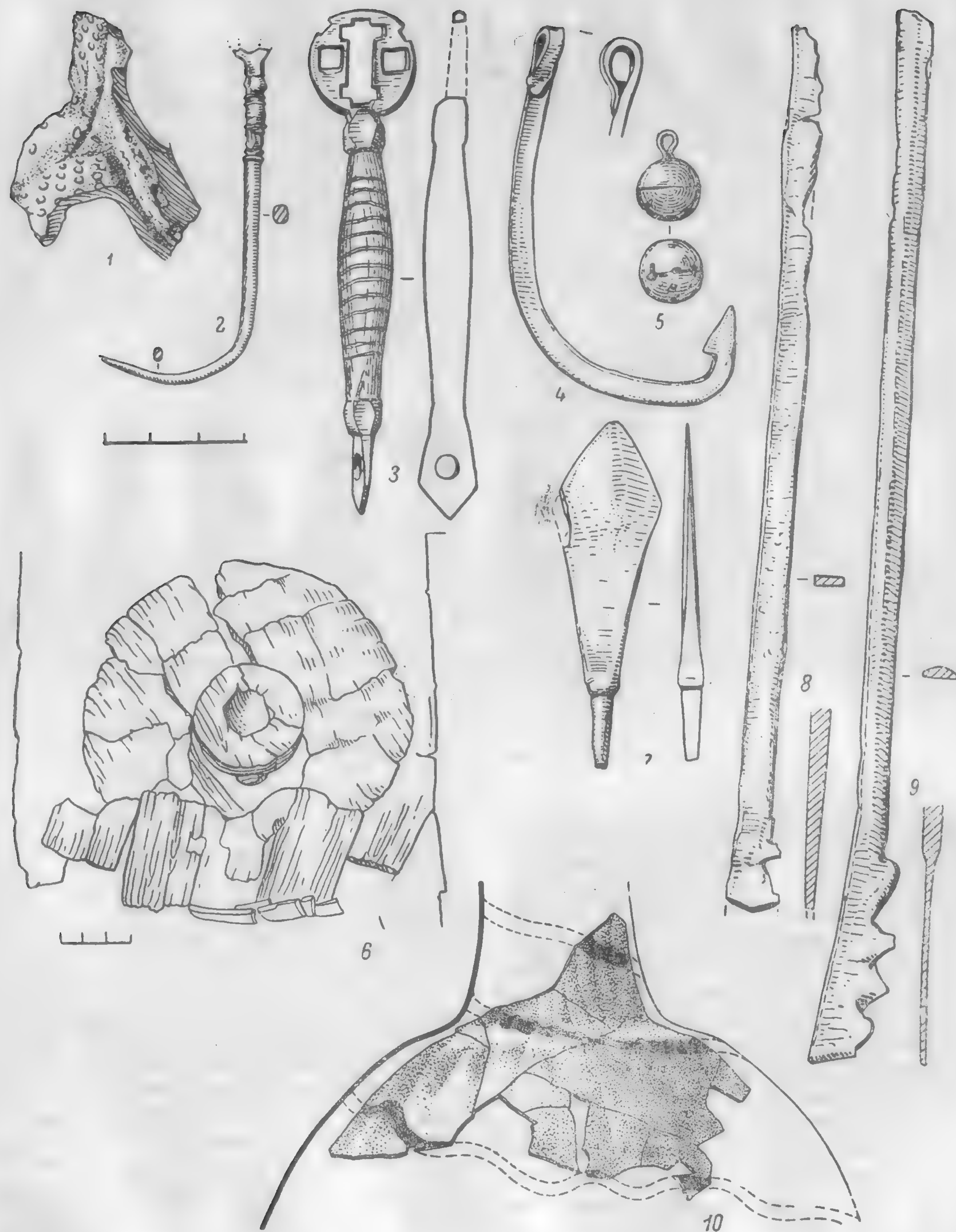

Рис. 71. Находки из постр. 33.

1, 10 — обломки стеклянных сосудов; *2* — стиль; *3* — ключ; *4* — рыболовный крючок; *5* — бубенчик; *6* — деревянная поделка; *7* — наконечник стрелы; *8, 9* — железные оковки.

торое сходство с таковой из постр. 10, и обломки шести стеклянных браслетов (рис. 69, *4—6*; табл. 14).

Бронзовый крест-тельник с расширяющимися концами и стилизованным изображением Богородицы (рис. 69, *3*) до некоторой степени напоминает крест, хранившийся в Киеве.[165]

Шестой строительный период

В этом последнем в истории древнего города строительном периоде открыто всего три постройки (4, 9 и 17).

Постр. 4 (кв. А—Е-9—14).[166] Была сооружена после гибели постр. 5 и, судя по границам развала глины, лежавшей под досками пола, занимала площадь около 80 см². Кроме того, от постройки сохранились печь и часть настила пола. Печь (1.6×0.4 м), стоявшая в южном углу, была сделана из глины с включением кирпичей. Размеры кирпичей (24×20×4 см) несколько отличались от таковых нижележащей постройки. С северной и западной сторон уцелела деревянная опалубка печи. Под обнаружить не удалось. К печи примыкал настил на лагах шириной 6 см, основанный на необожженной глине; он состоял из досок (20—35 см), ориентированных по линии ЮВ—СЗ. У основания печи настил был подмазан глиной. На полу найдено много обожженной глиняной обмазки с отпечатками досок.

Не исключено, что постр. 4, как и некоторые ранее описанные жилища, была двухкамерной. На это указывают горелые доски, лежавшие на глине в центре постройки почти перпендикулярно настилу западной части. Доски могли быть настилом пола второго помещения, хотя не исключено, что относились к перекрытию потолка. На глине находились камень-известняк и обломки кирпича. В юго-восточной стороне постройки найдены обломки оконного стекла.

При исследовании остатков постр. 4 обнаружено очень много вещей. На полу у самой печи лежал круглодонный тигелек (рис. 72, *6*), а на горелом настиле — льячка (рис. 72, *10*) и кусочек листового золота. При расчистке печи найдены плоско-выпуклая вставка из синего стекла (подобные вставки встречены в постр. 8 и 35) и наконечник стрелы с пирамидальным, квадратным в сечении пером, у основания которого вырезаны треугольники (рис. 73, *3*). Все остальные вещи дала засыпь жилища. Помимо указанных огнеупоров встречены обломки еще двух тигельков (рис. 72, *1*). С обработкой цветных и благородных металлов связаны бронзовые пластинки, проволока, оплавленная бронза, кусок свинца, обломок рубленой серебряной гривны, листовое золото, а также две стеклянные вставки: квадратная зеленая и плоско-выпуклая синяя. К инструментарию ювелира относятся часть зубила и три точильных камня с желобками, служивших для заточки игл и других тонких инструментов (рис. 72, *14*, *15*). В инвентаре постройки имеются заготовки из кости и рога (рис. 72, *11*), два перовидных сверла (рис. 72, *8*) и 11 шиферных пряслиц. Кроме шиферных найдены два пряслица из сланца. Встречено также пряслице, сделанное из стенки амфоры. Последнее принадлежит к числу редких находок в древнерусских городах. Такие пряслица более раннего времени (IX—X вв.) обнаружены в Саркеле—Белой Веже.[167] Отметим также обломок обычной железной иглы, две полированные костяные проколки и поделку из рога (рис. 72, *7*), аналогичную находке из постр. 5, которую мы предположительно определили как часть ткацкого стана.

Владельцы постр. 4 имели прямое отношение к торговле. Об этом свидетельствует металлическая гирька, обтянутая бронзой. На уплощенных ее сторонах выбиты кресты (рис. 72, *5*), вес 34 г. Аналогии нашей гирьке хорошо известны как в русских древностях, так и за границами Древней Руси. Такими гирьками на чашечных весах взвешивали бронзу, благородные металлы, а также монеты.[168]

К предметам вооружения относятся два наконечника черешковых стрел. Один из них с упором и ромбическим пером, расширяющимся в середине; второй шиловидный без упора (рис. 73, *4*). Последний был распространен в Европе с X по XIV в.[169] Найден также обломок шпоры со следами серебряной платировки. Примечательна находка железного чешуйчатого панциря, от которого сохранились отдельные пластины 15×3 см (рис. 73, *6*). В поселениях домонгольской поры известны панцири этого типа.[170] Возможно, что бронзовая Т-образная бляшка с заклепками (рис. 73, *2*) являлась частью уздечного набора боевого коня.

---

165 П е т р о в Н. И. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при имп. Киевской духовной академии. Киев, 1915, вып. 4—5, табл. XIV, *9*.

166 Г у р е в и ч Ф. Д. О жилищах окольного города. . ., с. 71—72 (план и разрезы см. с. 74, 75).

167 Л е в е н о к В. П. Пряслица городища Саркел — Белая Вежа. — МИА, 1959, № 75, с. 340—342.

168 М о н г а й т А. Л. Рязанские гирьки. — КСИИМК, 1947, вып. 14, с. 65; Я н и н В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, с. 171—181.

169 М е д в е д е в А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 84.

170 К и р п и ч н и к о в А. Н. Древнерусское оружие, вып. 3, с. 18—19. — На территории новогрудского детинца в 1970—1973 гг. найдены пластины еще от одного чешуйчатого панциря.

Рис. 72. Находки из постр. 4.

1, *6* — тигельни; *2*, *3* — стеклянные вставки; *4* — обломок гривны; *5* — гирька; *7* — поделка из рога; *8* — сверло; *9* — стержень; *10* — льячка; *11* — заготовка для гребня; *12*, *13* — пряслица; *14*, *15* — точильные камни.

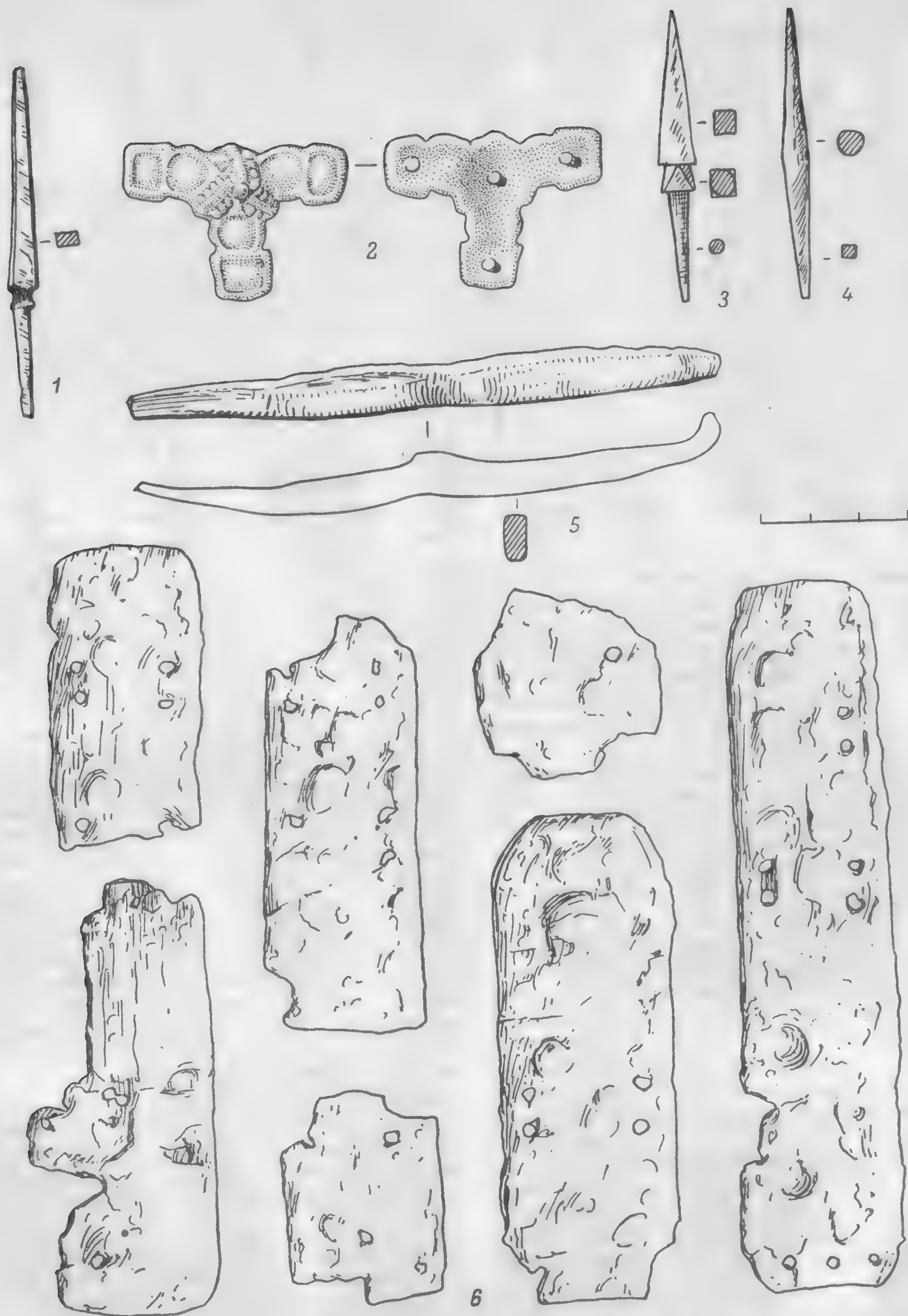

Рис. 73. Находки из постр. 4.

1, 3, 4 — наконечники стрел; *2* — бляшка; *5* — железная поделка; *6* — пластины от панциря.

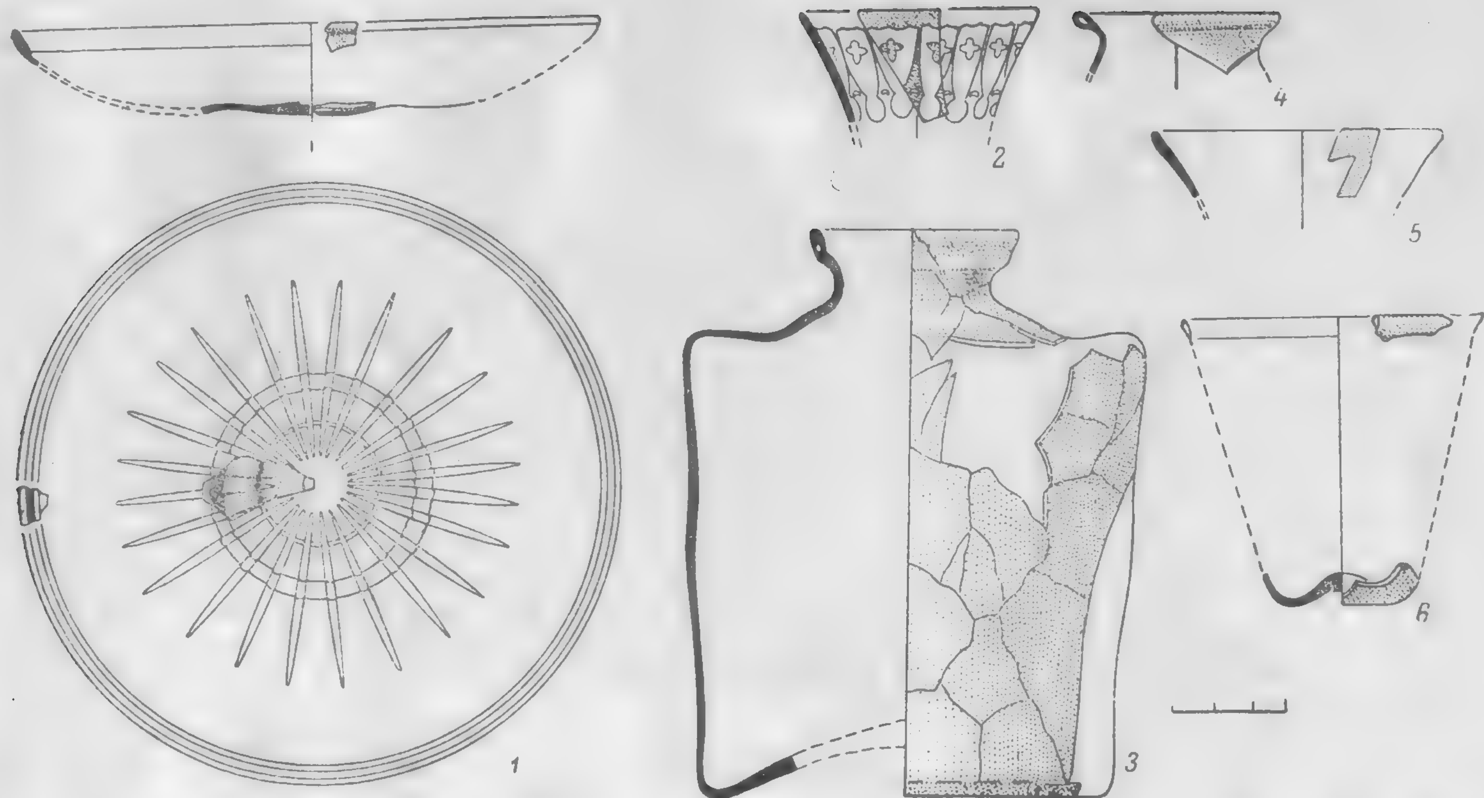

Рис. 74. Стеклянные сосуды (реконструкция) из постр. 4 (*1—6*).

В рядовой керамике бо́льшую часть (55%) составляют горшки VIII и IX типов. Остальное — горшки V—VII типов. Обломки поливной керамики принадлежали почти биконическому сосуду с зеленой поливой и миниатюрному горшку с двусторонней желтой поливой.[171] В керамический комплекс входят фрагменты пяти амфор I и III типов.

В засыпи найдены обломки разнообразных стеклянных сосудов древнерусского производства: поддон от кубка; горшковидные экземпляры (рис. 74, *4*); оригинальная тарелка, внутренняя рельефная часть которой украшена коричнево-фиолетовой эмалью (рис. 74, *1*); [172] ножка сосуда, орнаментированная полосой из фиолетового стекла. К восточным сосудам относится обломок венчика из бесцветного стекла, окаймленного росписью из золота и красной эмали (рис. 74, *2*). Это фрагмент кубка, изготовленного в Сирии (Алеппо).[173] Из 60 фрагментов синего стекла реконструирована бутыль с вогнутым дном (рис. 74, *3*). Присоединим к этим находкам осколки марганцово-красного стекла, расписанного золотом.

Обильно представлена железная утварь: четыре ножа, среди которых интересен один (длиной 11 см) — с хорошо отполированной костяной рукояткой (рис. 75, *1*); ключ (длиной 18 см) от навесного замка, украшенный медными пластинками (рис. 75, *7*), соответствующий ключам типа Б в Новгороде, датируемым XII—XIII вв.;[174] ключ (длиной 4 см) от врезного замка. К перечню вещей этой категории присоединим 36 обычных гвоздей, скобы, ушко сосуда и поделки неопределенного назначения, среди которых имеются стержни, пластины, крюки и т. д. Возможно, что в состав утвари следует включить костяную округлую плоско-выпуклую поделку диаметром 2.5 см.

Часть предметов убора и украшений аналогична вещам ранее описанных построек. Таковы два двусторонних гребня (рис. 75, *5*, *6*), серебряное височное кольцо (рис. 76, *3*), три бронзовых бубенчика (рис. 76, *2*) и узкий бронзовый пластинчатый перстень. Среди впервые встреченных находок костяная пуговица в виде полированного стерженька (рис. 75, *2*). Подобные пуговицы характерны для древнерусских городов (Старая Ладога, Гродно, Старая Рязань и др.).[175]

Перечислим украшения, найденные в постройке: обломок височного кольца с напускными бусами (такие украшения были распространены на Руси с X по XII в.); [176] два золотых изделия — проволочная серьга длиной 2.5 см (рис. 76, *6*) и миниатюрная бляшка с красным камнем (рис. 76, *4*), напоминающим камень золотого кольца из постр. 12; обломок бронзового витого браслета с окончанием в виде конической полой трубочки (рис. 76, *9*), который можно

---

[171] Малевская М. В. Поливная керамика. . ., с. 196—199, рис. 2, *10*.

[172] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 50.

[173] Гуревич Ф. Д., Джанпола дян Р. М., Малевская М. В. Указ. соч., с. 13, табл. XI, *2*.

[174] Колчин Б. А. Хронология. . ., с. 95—96.

[175] Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР). — СГЭ, 1966, вып. 8, рис. 4, *13*; Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 36, *7*, *16*; Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, рис. 97, *8*.

[176] Левашева В. П. Височные кольца. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 41.

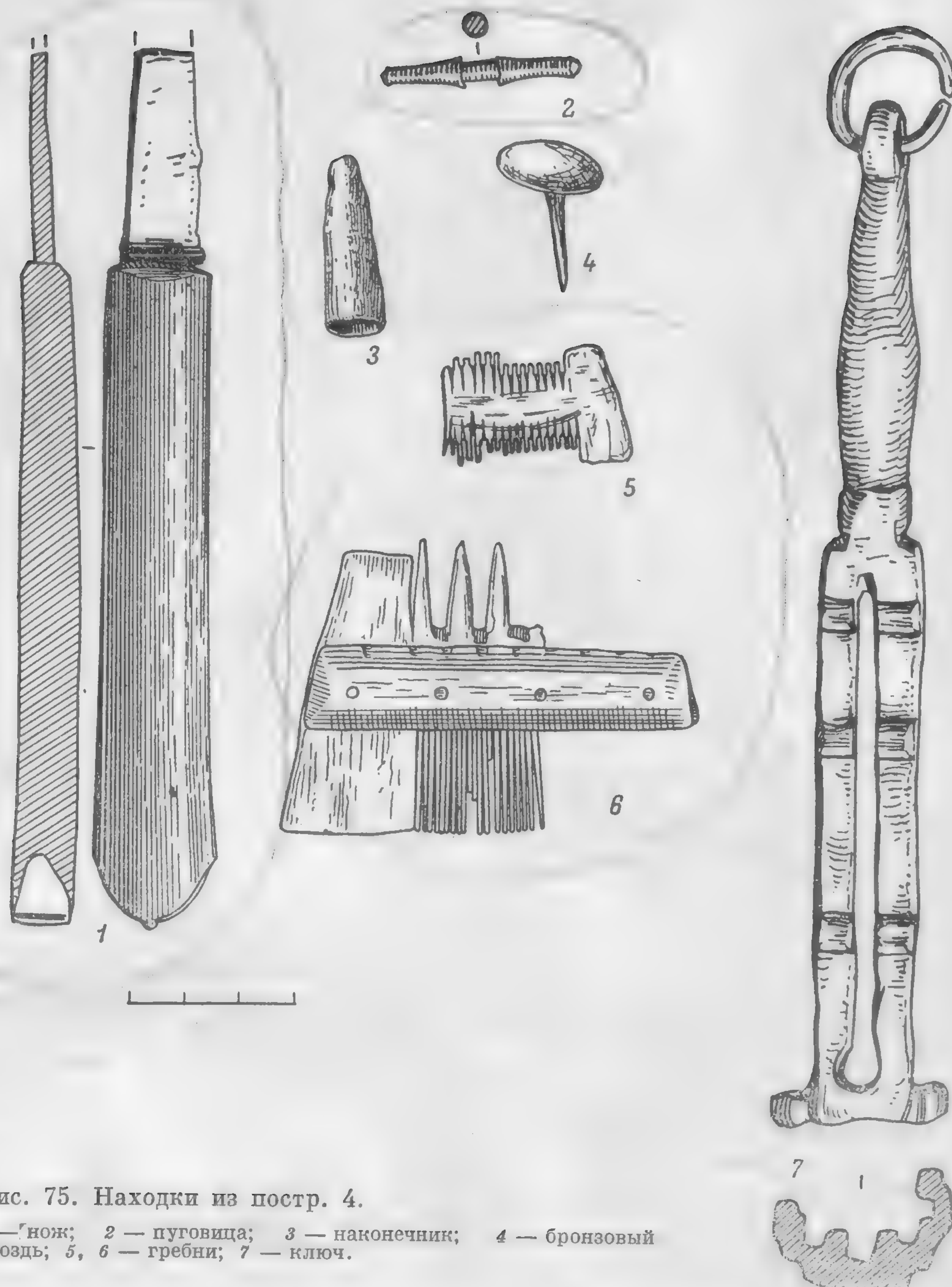

Рис. 75. Находки из постр. 4.

1 — нож; *2* — пуговица; *3* — наконечник; *4* — бронзовый гвоздь; *5*, *6* — гребни; *7* — ключ.

сопоставить с украшениями юга и юго-запада Руси; [177] 11 стеклянных бусин, преимущественно мелких зонных (четыре зеленые, три синие, желтая и бесцветная), кроме того, с пластичным узором и зеленая шаровидная (рис. 76, *5*). Обломки 17 стеклянных перстней (15 плосковыпуклых и два округлых) по цвету распределяются следующим образом: шесть синих, пять зеленых, четыре желтых, коричневый и фиолетовый. Число стеклянных браслетов достигает 320 (табл. 15).[178]

[177] Корзухина Г. Ф. Русские клады. Л., 1954, табл. XVII, *1*; Каргер М. К. Древний Киев, рис. 22, *1*.

[178] Обилие браслетов может объясняться тем, что в засыпь этой наиболее поздней древнерусской постройки при последующей нивелировке могли попасть находки, не относящиеся к ее инвентарю.

О культуре и духовной жизни владельцев постройки свидетельствует обломок бронзового подсвечника от хороса (рис. 76, *8*). Впрочем, эта находка могла являться и частью люстры из нижележащей постр. 5. В засыпи встречены каменный граненый крест-тельник (рис. 76, *7*) и два стиля: бронзовый с выступом на трапециевидной лопатке (рис. 76, *10*) и костяной полированный с остатками вырезанного на нем знака (рис. 76, *1*).

Постр. 9 (кв. Ч—Ъ-13—15). Открыта на глубине 1.35—2.1 м, частично перекрывала постр. 10, от которой отделялась слоем песка. Сохранилась часть рухнувшей стены дома, состоявшей из рядов известняковых плит, вмазанных в глину. По распространению угольного слоя, оставшегося от сгоревшего пола,

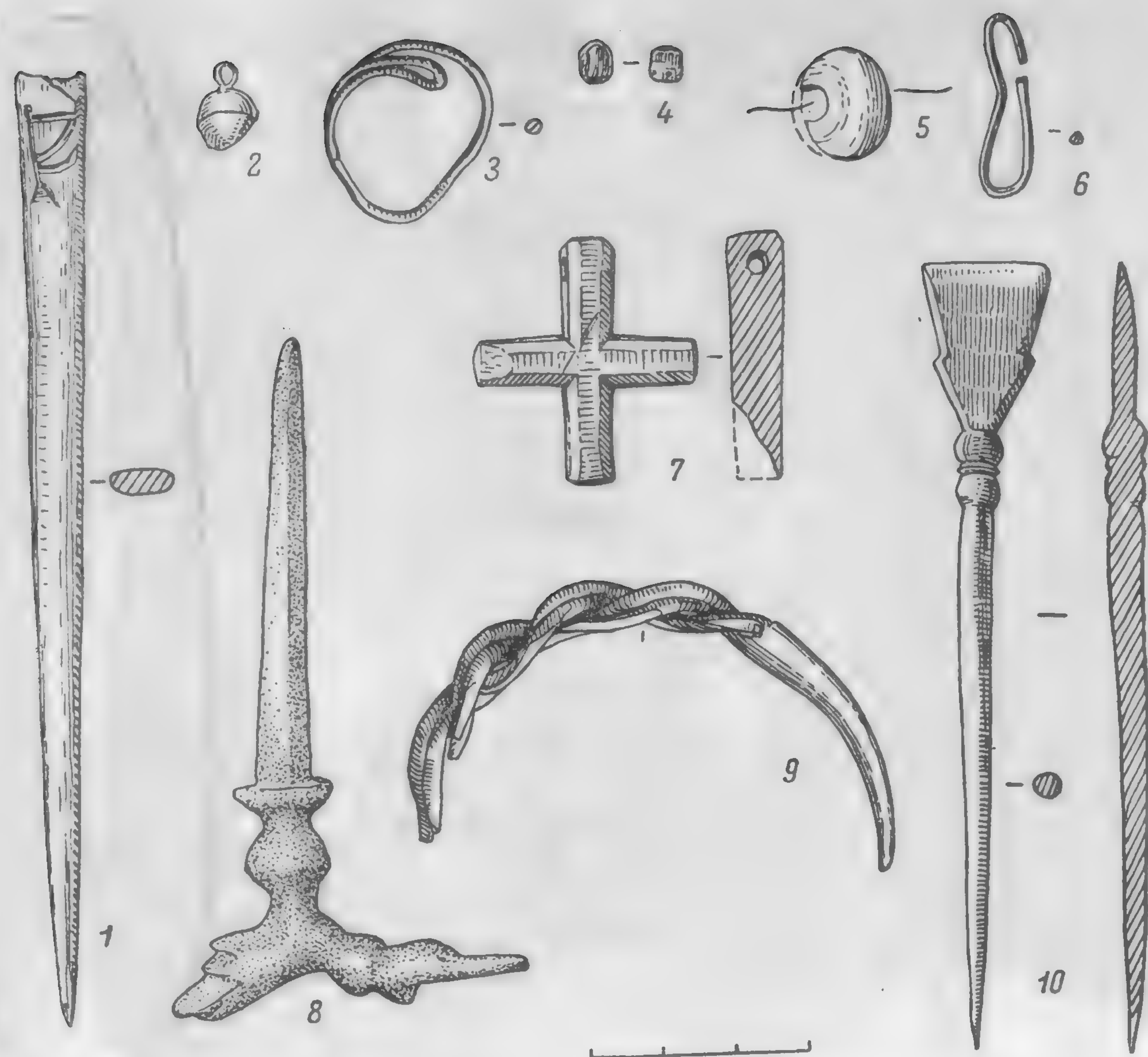

Рис. 76. Находки из постр. 4.

1, 10 — стили; *2* — бубенчик; *3* — височное кольцо; *4* — бляшка; *5* — бусина; *6* — серьга; *7* — крест; *8* — обломок хороса, *9* — браслета.

удалось наметить северо-восточный и северо-западный углы. Протяженность постройки с севера на юг не установлена. Глина и камни, встречавшиеся на некотором отдалении от основного скопления строительных остатков, по-видимому, также относятся к данной постройке.

Таблица 15. Стеклянные браслеты из постр. 4

Форма	Цвет стекла							Всего
	коричневый	синий	бирюзовый	зеленый	фиолетовый	желтый	неопределенный	
Крученая	117 *	52 **	3	16 ***	8	4	34	234
Гладкая	15 ****	8	4	7	5	5	9	53
Плоско-выпуклая	1	20	2	6	—	—	—	29
Треугольная	1	1	1	—	—	—	—	3
Ребристая	—	1	—	—	—	—	—	1
Итого . . .	134	82	10	29	13	9	43	320

* У семи желтая и красная оплетка. ** У одного — желтая. *** У одного — желтая и белая. **** У одного желтая и синяя инкрустация.

Почти все вещи, найденные в постр. 9, лежали на полу в северо-западном углу. Это инструментарий ювелира, состоящий из прямодонного тигелька (рис. 77, *14*) и железных щипцов, на внутренней стороне губ которых нанесен знак в виде буквы *X* (рис. 77, *6*). Близкие по форме щипцы известны нам из венгерского могильника IX в. в Залаваре.[179] От бронзолитейных и ювелирных работ, производившихся в данной постройке, сохранились многочисленные куски оплавленной бронзы и бронзовые пластинки.

На полу найдены также каменное грузило (рис. 77, *15*), несколько неопределенных железных поделок, нож, бронзовая миниатюрная пуговка (рис. 77, *1*), обломок синего стеклянного перстня и фрагменты семи стеклянных браслетов (пять зеленых, синий и коричневый). Редкой находкой является раковина каури. Этот морской моллюск водится в Индийском и западной части Тихого океана. Раковины

[179] Šos A. Die Ausgrabungen Geza Fehers in Zalavar. — Archeol. Hungarica. Ser. Nova, Budapest, 1963, Bd 41, Taf. XC, *2*.

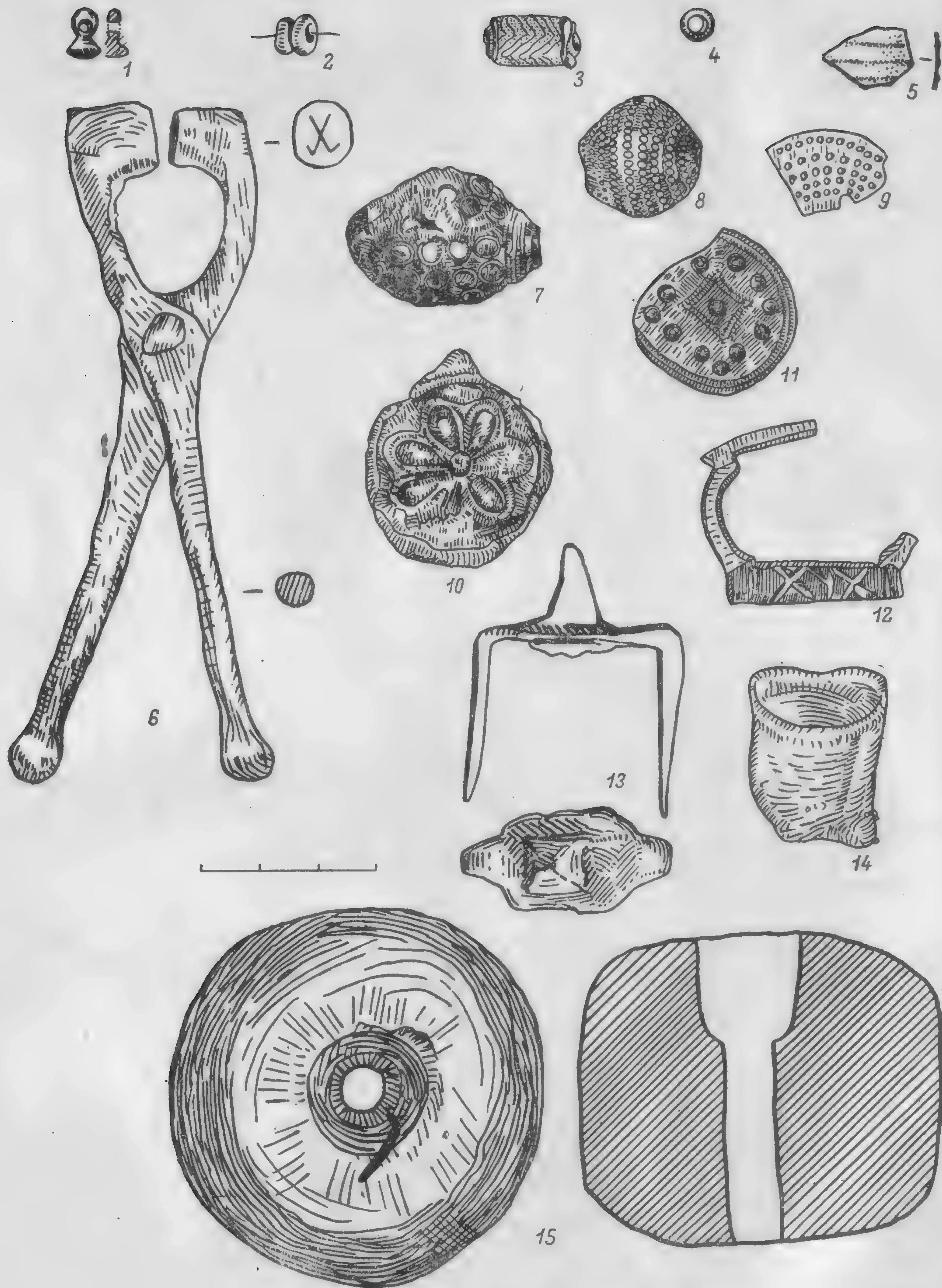

Рис. 77. Находки из постр. 9.

1 — пуговка; *2—4* — бусины; *5* — обломок стеклянного сосуда; *6* — щипцы; *7, 8* — металлические бусы; *9* — бляшка; *10, 11* — привески; *12* — пряжка; *13* — ледоходный шип; *14* — тигелек; *15* — грузило.

Рис. 78. Находки из постр. 17.

1, *2* — обломки тигельков; *3* — накладка; *4* — наконечник стрелы; *5* — рукоять; *6* — височное кольцо; *7* — литейная формочка; *8* — точильный камень; *9* — кусок оплавленной бронзы; *10* — бронзовая проволока; *11* — игла.

каури были любимым украшением финских племен и населения Восточной Латвии.[180]

При разборе засыпи постр. 9 обнаружены кусок оплавленной бронзы, железный крюк, напоминающий поделку для вытягивания сетей из постр. 10, ледоходный шип (рис. 77, *13*) и кусок необработанного янтаря. Отметим также фрагменты двух амфор II типа, осколок бесцветного стеклянного сосуда, бронзовые бубенчик со щелевидной прорезью, подобный встреченным ранее, обломки пластинчатого браслета с гравировкой и округлой штампованной бляшки (рис. 77, *9*).

К инвентарю постр. 9 относятся две бронзовые бусины. Одна шаровидная с горизонтальными рядами мелкой зерни (рис. 77, *8*); аналогичная бусина найдена в кургане Петровщина вблизи Минска. Подобные бусы, исполненные в серебре, частые находки в польских кладах начала XI в. Вторая бусина, овальная (рис. 77, *7*), со сканной нитью вблизи отверстий, также напоминает польские находки.[181] Благородная патина покрывает прямоугольную с округлыми боками пряжку. В верхней ее части нанесены косые кресты (рис. 77, *12*). Очень близкая по форме пряжка найдена в Княжой Горе.[182] Украшениями служили две монетовидные металлические привески. Одна из них с геометрическим орнаментом (рис. 77, *11*). Вторая, орнаментированная розеткой (рис. 77, *10*), сходна с привесками радимичей, а также с находкой из кургана у Листвина.[183]

В постройке найдены три стеклянные бусины (синяя сдвоенная, зеленая зонная и крупная с пластичным узором; рис. 77, *2—4*). К находкам в засыпи относятся обломки 44 стеклянных браслетов (табл. 16).

Таблица 16. Стеклянные браслеты из постр. 9

Форма	Цвет стекла						Всего
	коричневый	синий	зеленый	фиолетовый	желтый	неопределенный	
Кручная	9 *	7	4	1	—	1	22
Гладко-округлая	2 **	4	9	2	—	3	20
Плоско-выпуклая	—	—	1	—	1	—	2
Итого . . .	11	11	14	3	1	4	44

* У одного желтая, у другого красная оплетка. ** У одного — желтая.

Постр. 17 (кв. О—Р-11—13). Остатки ее крайне фрагментарны. Размеры установить не удалось. На глубине 1—1.2 м открыт развал печи в виде скопления небольших обожженных камней, лежавших на угольном слое. Возможно, что к постр. 17 относились большие камни и куски горелого дерева, находившиеся вблизи печи. Все находки, встреченные в засыпи постройки, отражают в первую очередь деятельность бронзолитейщика-ювелира. Это обломанная, тщательно заглаженная формочка из плотного мелкозернистого камня. На одной из ее сторон вырезаны три углубления для отливки мелких рифленых бляшек. Формочка, по-видимому, не была выделана до конца: каналы для проникновения металла были прорезаны только в двух выемках (рис. 78, *7*). Формочки, в которых отливали сходные бляшки, нам известны для более раннего времени (VI—IX вв.) в Пскове и на городище Рыуге (Эстония).[184] Пять остродонных тигельков, сохранившихся в обломках, напоминают находки из постр. 1 и 4. Здесь же найдены фрагмент ювелирных ножниц и очень много бронзы (как оплавленной — рис. 78, *9*, так и в виде проволоки — рис. 78, *10*), пластинок, стержней. К инструментарию ювелира мы относим точильный камень, служивший для заточки игл (рис. 78, *8*),[185] и большую бронзовую иглу, которой наносилась гравировка (рис. 78, *11*). Среди находок были также гравированная пластинка и накладка из бронзы (рис. 78, *3*).

В числе других изделий постройки — обломок обычного точильного камня, швейная бронзовая игла, костяная проколка, шиферное пряслице и пять обломков амфор II типа. У единственного наконечника стрелы (срезня) форма пера в виде узкой лопаточки (рис. 78, *4*); стрелы этого типа появляются на Руси в первой половине XIII в.[186] Отметим далее осколок синего стекла, бронзовую накладку с заклепками (рис. 78, *3*), резную костяную рукоять (рис. 78, *5*) и деформированное бронзовое височное кольцо (рис. 78, *6*).

---

[180] Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. — СА, 1953, вып. XVIII, с. 196, 198; Мугуревич Э. С. Указ. соч., с. 54—59.

[181] Сербаў I. А. Археологiчныя раскопкi у аколiцах Менску у 1925 годзе. — В кн.: Гiстар.-археол. зб. Менск, 1927, ť. 1, с. 229; Slaski I., Tabaczyński S. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne Wielkopolski. Warszawa; Wrocław, 1959, tab. VII, *1*; VIII.

[182] Rauhut L. Op. cit., tab. VII, *4*.

[183] Ibid., tab. X, *2*.

[184] Тараканова С. А. Раскопки древнего Пскова. — КСИИМК, 1949, вып. 27, рис. 39, *6*, *12*; Моора Х. А. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. — In: Munera archeologica Josepho Kostrzewski quinquagesum annum optimarum artium studiis deditum paragenti ab amicis collegis discipulus oblata. Poznań, 1963, рис. 2, *1*.

[185] Милонов Н. П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. — МИА, 1950, № 13, с. 157, рис. 6, *1*.

[186] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 75—76.

Глава 3

Материалы вне комплексов

Очень много вещей обнаружено в культурном слое посада—окольного города — до 50% всех находок. Бóльшая часть их аналогична изделиям из построек. Однако ряд находок не имеет параллелей в комплексах нашего поселения. Среди них в нижнем горизонте сравнительно немного вещей, отражающих домашнее производство или труд ремесленника. Отметим обломок топора и кусок рубленого серебра (возможно, сырье для выделки украшений). Найдено семь каменных пряслиц, в их числе биконическое. Остальные каменные пряслица зонные; поверхность их заглажена и заполирована. Встречены две костяные иглы. Цилиндрическая поделка длиной 5 см с двумя просверленными отверстиями (рис. 79, *4*) служила юрком и употреблялась в ткацком деле. Подобные изделия встречаются в Старой Рязани, Вщиже, Райках и других городских и сельских поселениях.[1] Земледельческие орудия представлены сошниками. Из двух сошников один, целый с округлой в сечении трубицей (рис. 80, *3*), аналогичен находкам из Полоцкого детинца, Друцка, Смоленска и Пскова.[2]

В числе предметов вооружения имеется 14 наконечников стрел, из которых 12 черешковых; из них сохранились три гнездовского типа пять ланцетовидных с упором (рис. 81, *2*).

Подобное оружие характерно для городища Муравельник в Волковыске, существовавшего до середины XI в.[3] Отдельные находки—втульчатые наконечники: два лавролистных (рис. 81, *3*), распространенных в IX—первой половине XIII в.,[4] и два с коротким пирамидальным острием. К этой же категории вещей причислим обломки двух роговых трапециевидных накладок. Одна из них украшена врезными линиями; орнамент второй — чешуйчатый (рис. 79, *6*, *7*). Накладки являлись частью сложного лука, распространенного в VIII—XIV вв. у русских, половцев, болгар и других народов Восточной Европы.[5]

Среди новогрудской утвари X—XI вв. найден фрагмент железного котла с прямым венчиком и высокими плечиками (рис. 80, *4*). Железные котлы известны в Гнездове, Чернигове и Белой Веже.[6] Важной находкой является чаша из листовой бронзы с отогнутыми краями. В пяти местах чаши сохранились следы починки (рис. 82). В литературе подобные чаши называются романскими, или ганзейскими. Ближайшей аналогией новогрудской находке является чаша из могильника Стефаново Вейгеровского повета (Польша), сходная с ней не только формой, но и размерами.[7] Новогрудская бронзовая чаша соответствует шестой группе классификации Т. Поклевского, посвятившего специальное исследование таким находкам. В эту группу автором включены все неорнаментированные изделия, которые в XI в. локализуются в Поморье и Юго-Восточной Прибалтике.[8]

Для датировки слоя интересен ключ от навесного замка, покрытый листовой бронзой

---

1 Левашева В. П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья. — ТГИМ, 1959, вып. 33, с. 58.

2 Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, с. 112, 114, рис. 19.

3 Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975, с. 108.

4 Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) XIII—XIV вв. М., 1966, с. 45. (САИ; вып. Е1-36).

5 Там же, с. 10.

6 Сизов В. И. Курганы Смоленской губ. — МАР, 1902, № 28, рис. 52; Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, рис. 14; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 27.

7 Poklewski T. Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Łódz, 1961, s. 102, tab. XXXII, *c*.

8 Ibid., s. 61.

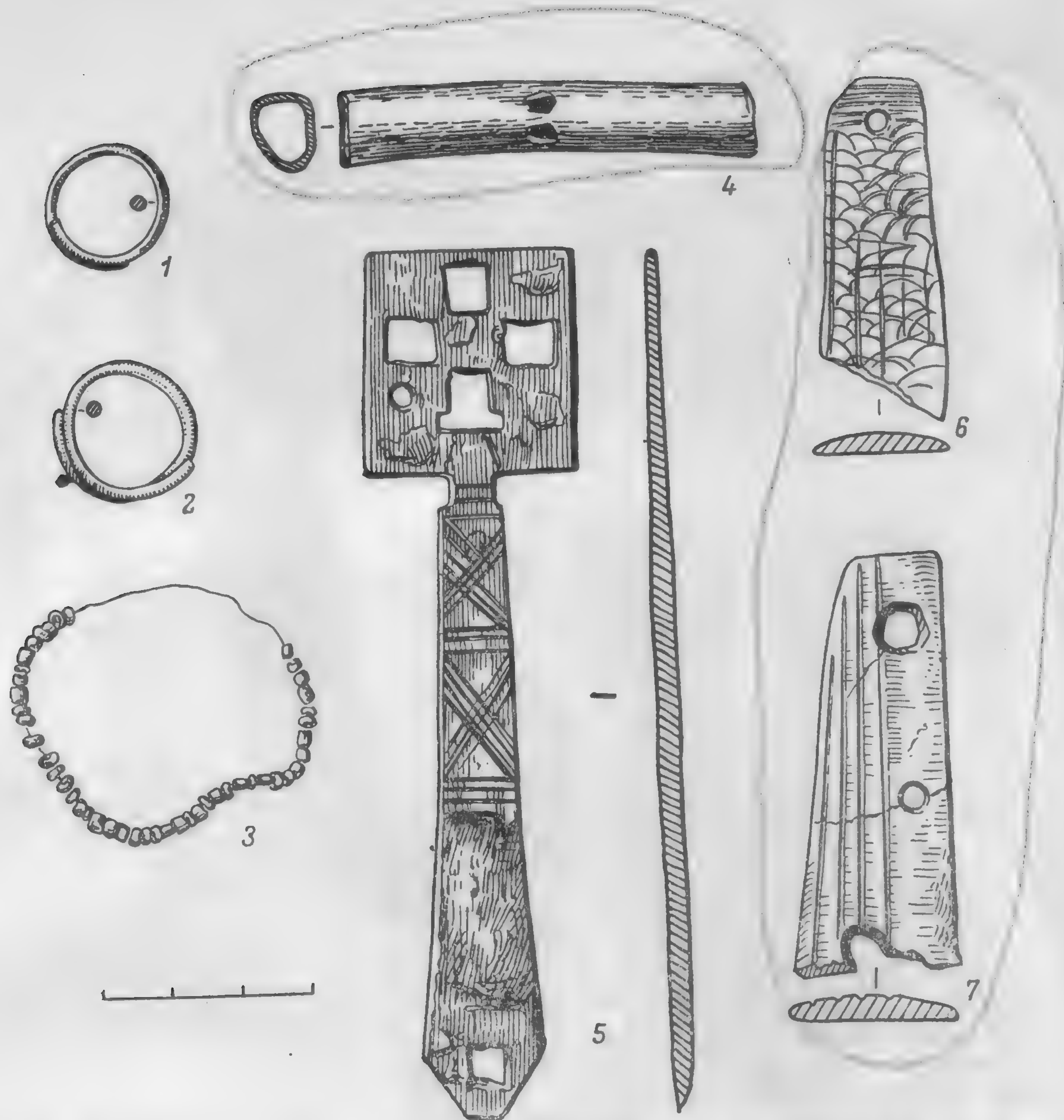

Рис. 79. Находки из культурного слоя.

1, 2 — височные кольца; *3* — бисер; *4* — юрок; *5* — ключ; *6, 7* — накладки.

и украшенный нарезкой (рис. 79, *5*). Ключи такой формы найдены в памятниках IX—X вв., но, как показывают материалы Новгорода, Белой Вежи, Браслава и т. д., употреблялись и в XI в.[9] Около 55 железных поделок сохранилось от вещей неизвестного назначения.

Некоторые предметы убора и украшения (футляр для гребня, крестовидная булавка, бусы и др.), помогающие датировать нижний горизонт культурного слоя, рассматривались выше (с. 12). Среди ранее неизвестных вещей этой категории — следующие: две призматические бусины из прозрачного синего стекла (подобные бусы известны в д. Ярцево Смоленской области, в Киевском некрополе и в Бирке);[10] две бронзовые кольцевидные пряжки со стилизованным растительным орнаментом (рис. 83, *7*), очень близкие украшениям, отливавшимся в формочке из постр. 21; квадратная бронзовая пряжка. Любопытны две бронзовые полусферические привески с бортиком (рис. 83, *6*). В одном из курганов бывш. Бобруйского уезда Минской губернии, раскопанных В. В. Завитневичем, подобная находка лежала у виска погребенного. В более раннее время (VII—IX вв.) полусферические привески украшали цепи латгалов.[11] Бронзовые привески в виде ложечки (рис. 84, *1*) принадлежат к числу массовых находок в курганах X—XII вв.

---

[9] Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, № 2, рис. 1, *1*; Сорокин С. С. Указ. соч., с. 180, рис. 24, *2*; Алексеев Л. В. Указ. соч., рис. 41—42, *17*.

[10] Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — ТГИМ, 1959, вып. 33, прил. V, *16*.

[11] ОАК, 1892, с. 55, рис. 32; Latvijas PSR Arheologia. Riga, 1974, tab. 42, *22*. — Аналогичная привеска найдена при раскопках детинца Новогрудка в 1971 г.

Рис. 80. Находки из культурного слоя.

1 — подсвечник; *2* — сосуд; *3* — сошник; *4* — обломок котла.

в пределах границ Смоленской земли. Центр выделки подобных изделий — Смоленск и его окрестности.[12] По-видимому, с Севером связана бронзовая крестовидная равносторонняя привеска с гравировкой (рис. 83, *3*). Некоторые аналогии ей известны в Бирке, а также в Киевском некрополе.[13] Сохранилось восемь бронзовых пластинчатых перстней (рис. 83, *1*, *2*, *4*), датирующихся XI в.,[14] а также семь бронзовых браслетов. Три пластинчатых браслета украшены гравировкой (рис. 83, *8—10*). Они распространялись в XI—XII вв.[15] Остальные браслеты треугольные в сечении (рис. 83, *5*), характерные как для Руси, так и для Прибалтики в конце I—начале II тыс. н. э. Отметим также находки амулета в форме просверленного кабаньего клыка.

В заключение попытаемся охарактеризовать те вещи из культурного слоя верхнего горизонта, которые не встречались в комплексах. Формочка из глинистого сланца употреблялась для отливки четырех изделий. На двух ее сторонах вырезаны углубления для крестовтельников с округлыми концами, на третьей — полусферическая бляшка, на четвертой — полусферическая пуговица. На каждой из сторон формочки сделаны литники и отверстия для штифтов (рис. 85, *11*). В 1958 г. был найден тонкостенный медный сосуд с отогнутым венчи-

[12] Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 98.

[13] Arbman H. Birka, Tafeln. Stockholm, 1940, Taf. 102, *5—11*; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, табл. XXVIII, XXIX.

[14] Недошивина Н. Г. Перстни. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 272, рис. 32, *10*.

[15] Левашева В. П. Браслеты. — ТГИМ, 1967, вып. 43, с. 237.

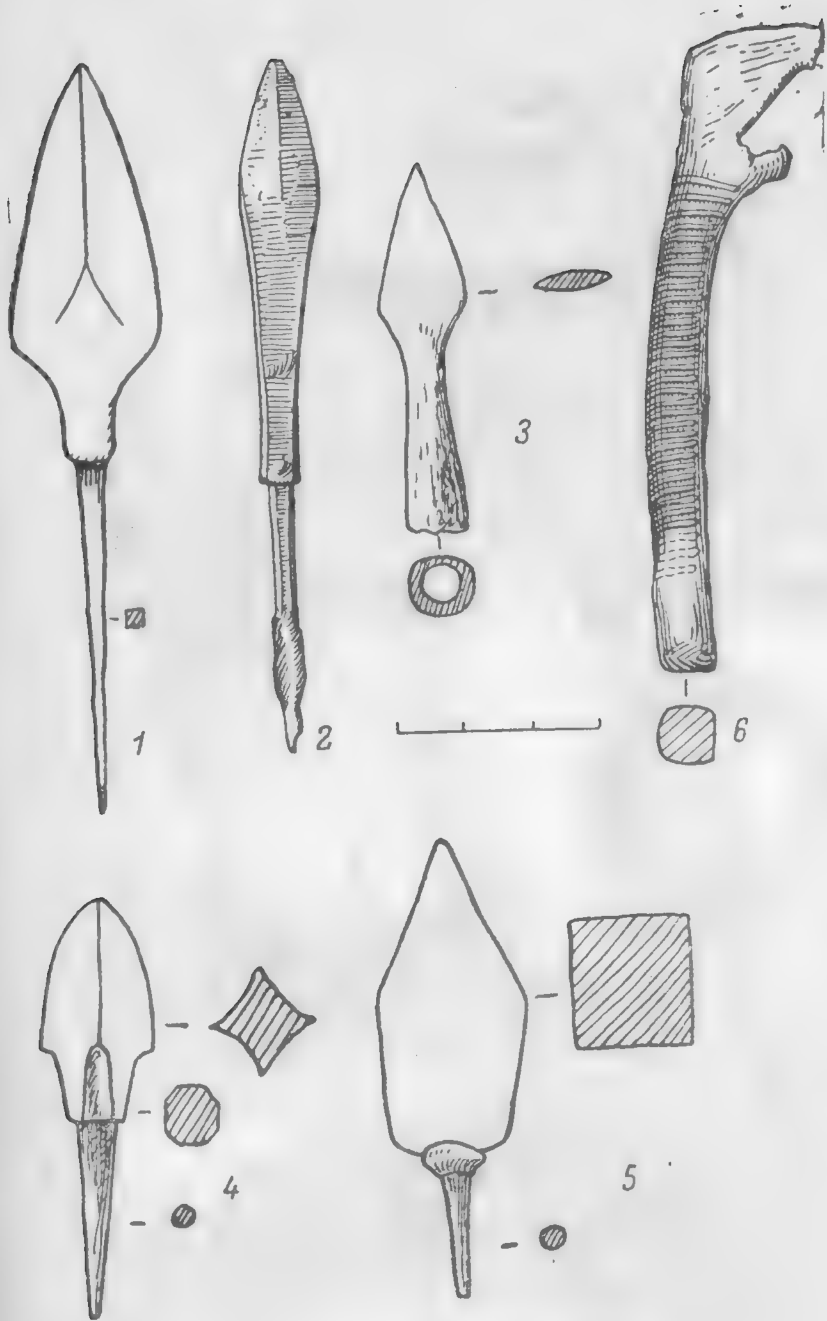

Рис. 81. Находки из культурного слоя.
1—5 — наконечники стрел; *6* — обломок стремени.

Рис. 82. Чаша из культурного слоя.

ком и переплетенными краями стенок и днища (рис. 80, *2*). Такой же сосуд встречен в Киеве в мастерской «художника» и, как полагает М. К. Каргер, служил для подогревания какого-то состава.[16] Наковальня высотой 5 см с выступом, на котором проковывались кольцевидные и втульчатые изделия, напоминает находки в Новгороде.[17] Орудиями ювелиров были и два бронзовых пинцета с Г-образными губами и фиксирующим кольцом (рис. 85, *1*). Пинцеты из бронзы — довольно редкие находки. В Новгороде, где встречено 10 пинцетов, лишь один был бронзовым. Несколько бронзовых пинцетов обнаружено на городище Асоте.[18] К этой же категории находок мы относим бронзовый пестик (рис. 85, *5*), напоминающий пестик современных ступок.

Ряд орудий связан с обработкой дерева и кости. Таковы три широколезвийных топора. Лопастные с широким округлым обухом, они принадлежат к общерусским формам, так же как и пять долот. Отметим и двуручные скобели длиной 10 см — рядовые вещи в поселениях домонгольской поры. Важными находками являются два округлых точила диаметром 9 см, напоминающих таковые из Новотроицкого городища, Старой Рязани и т. д.[19] В домашнем производстве изредка употреблялись пряслица, сделанные из стенок обычных сосудов. Найдено роговое пряслице диаметром 2 см. Более легкие, чем пряслица из неорганических материалов, роговые изделия были удобны для прядения шерсти.[20] Наряден богато орнаментированный роговой игольник (рис. 86, *6*). Подобные игольники были распространены в Польше.[21]

В категорию земледельческих орудий входит серп, напоминающий серпы нижнего горизонта. Группа промысловых орудий пополняется находками двух острог с прямыми стержнями (рис. 85, *12*). Как полагает Р. Л. Розен-

---

[16] К а р г е р М. К. Указ. соч., с. 478, табл. XCVII.
[17] Р ы н д и н а Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, 1963, № 117, рис. 12.
[18] Там же, с. 224; Ш н о р е Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961, табл. XV, *5—7*.

[19] Л я п у ш к и н И. И. Городище Новотроицкое. — МИА, 1958, № 74, рис. 28, *9*, *10*; М о н г а й т А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1950, № 49, с. 104.
[20] H r u b y V. Slovanské kostěne předmĕty a jejich výroba na Moravě. — Pamiátky archeol., 1957, t. 48, s. 132.
[21] H e n s e l W. Słowiańszyzna wczesnośredniowieczne. Warszawa, 1956, s. 252.

Рис. 83. **Находки** из культурного слоя.

1, 2, 4 — **перстни;** *3, 6* — привески; *5, 8—10* — браслеты; *7* — пряжка.

Рис. 84. Находки из культурного слоя.

1 — привеска; *2* — вставка; *3* — уховертка; *4* — обломок фаянсового сосуда.

фельдт, такие остроги применяли в сочетании с двумя острогами, имеющими коленчатые стержни, составляя трезубое орудие, примотанное веревкой к древку. Подобная составная острога заменяла более сложную для изготовления, трезубую.[22]

Особое значение имеет находка безмена в виде округлого в сечении железного стержня с четырьмя делениями. Он завершается фигурной пластиной, к которой прикреплены кольца, орнаментированные белым металлом (рис. 87). Безмены — нечастая находка в древнерусских городах и до сих пор известны лишь в Киеве, Старой Рязани и Минске.[23] Металлическая гирька отличается от гирьки из постр. 4 как формой, так и весом (90 г). Со сферой торговли связывается и округлая свинцовая пломбочка диаметром 0.9 см. На ней оттиснут знак, напоминающий букву *J*.

В культурном слое встречены новые формы оружия и снаряжения боевого коня. Это бронзовый ажурный наконечник ножен (рис. 88, *2*). Е. Антоневич сопоставляет его с одним из наконечников, систематизированных П. Паульсеном.[24] Однако такая аналогия весьма приблизительна, новогрудский наконечник подлинных параллелей не имеет. Наиболее вероятно его прибалтийское происхождение. Возможно, что обкладкой ножен являются отдельные фигурные пластины (рис. 88, *8*). Асимметричная бронзовая оковка длиной 6 см с отверстиями прикреплялась к ножнам боевого ножа. Оковка, аналогичная новогрудской, известна в Шестовицких курганах.[25]

С миром южнорусских конников связывается перекрестье сабли из латуни (рис. 88, *3*). По классификации А. Н. Кирпичникова, новогрудская находка относится к типу IIБ, распространенному на Руси в XII—XIII вв.[26] Предметы вооружения дополняют три втока для копий (рис. 88, *5*) и обломок стремени, инкрустированный бронзой (рис. 81, *6*). Частью конского убора является оголовье в виде квадратной с округлыми выступами железной пластины с конической трубкой в центре (рис. 88, *1*). Пластина орнаментирована бронзовыми гвоздиками. В Змейском могильнике XI—XII вв. найдены оголовья в форме розеток, в конические трубки которых вставлялись султаны из волос и перьев.[27] Встречены две арбалетные стрелы со срезанными углами (рис. 81, *4*, *5*), датируемые XIII—XIV вв.,[28] и шпоры, имеющие вместо шипа зубчатое колесико (рис. 88, *7*). Кирпичникову удалось доказать, что шпоры этого типа существовали на Руси в домонгольское время.[29] Среди 12 псалиев от удил, встреченных вне комплексов, имеются фигурные, орнаментированные нарезкой (рис. 88, *6*), но бо́льшая часть их представляет собой округ-

---

[22] Розенфельдт Р. Л. О конструкции и назначении некоторых железных изделий. — СА, 1960, № 2, с. 276.

[23] Каргер М. К. Указ. соч., с. 498; Монгайт А. Л. Указ. соч., рис. 126; Загорульский Э. М. Древний Минск. Минск, 1963, с. 97.

[24] Antoniewicz J. Рец. на ст.: Гуревич Ф. Д. Об окольном городе летописного Новгородка X—XIII вв. — RB, 1963, t. 4, s. 477—479.

[25] Корзухина Г. Ф. Из истории древнерусского оружия. — СА, 1950, вып. XIII, с. 88, рис. 10.

[26] Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966, вып. 1, с. 70. (САИ; вып. Е1-36).

[27] Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. — КСИИМК, 1960, вып. 78, с. 117.

[28] Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . ., с. 95.

[29] Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973, с. 67, 68. (САИ; вып. Е1-36).

Рис. 85. Находки из культурного слоя.

1 — пинцет; *2, 3* — накладки; *4* — бляшка; *5* — пестик; *6* — заготовка из бронзы; *7—9* — пряжки; *10* — булавка; *11* — литейная формочка; *12* — острога.

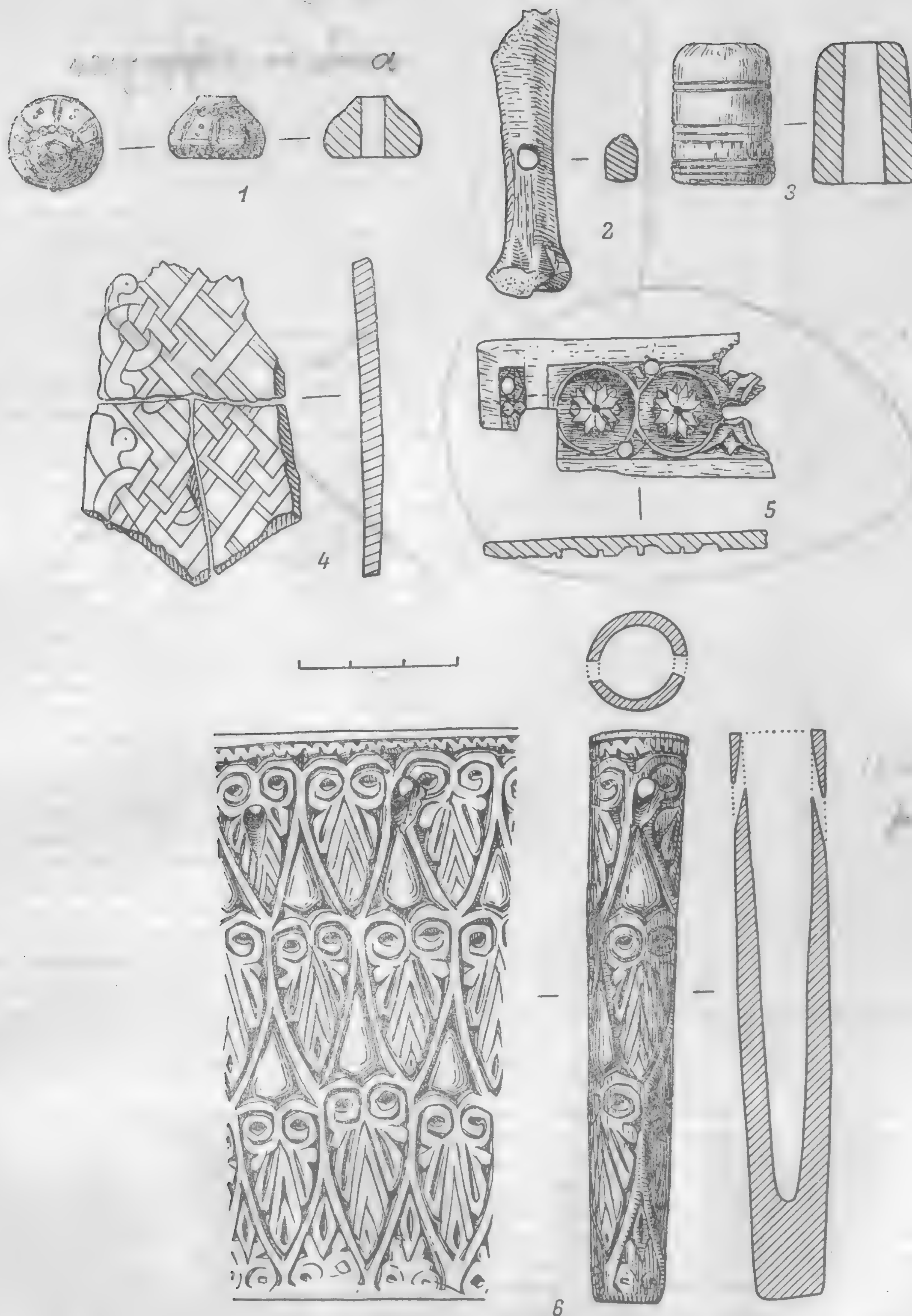

Рис. 86. Находки из культурного слоя.

1—3, 5, 6 — изделия из кости и рога; *4* — деревянная пластинка.

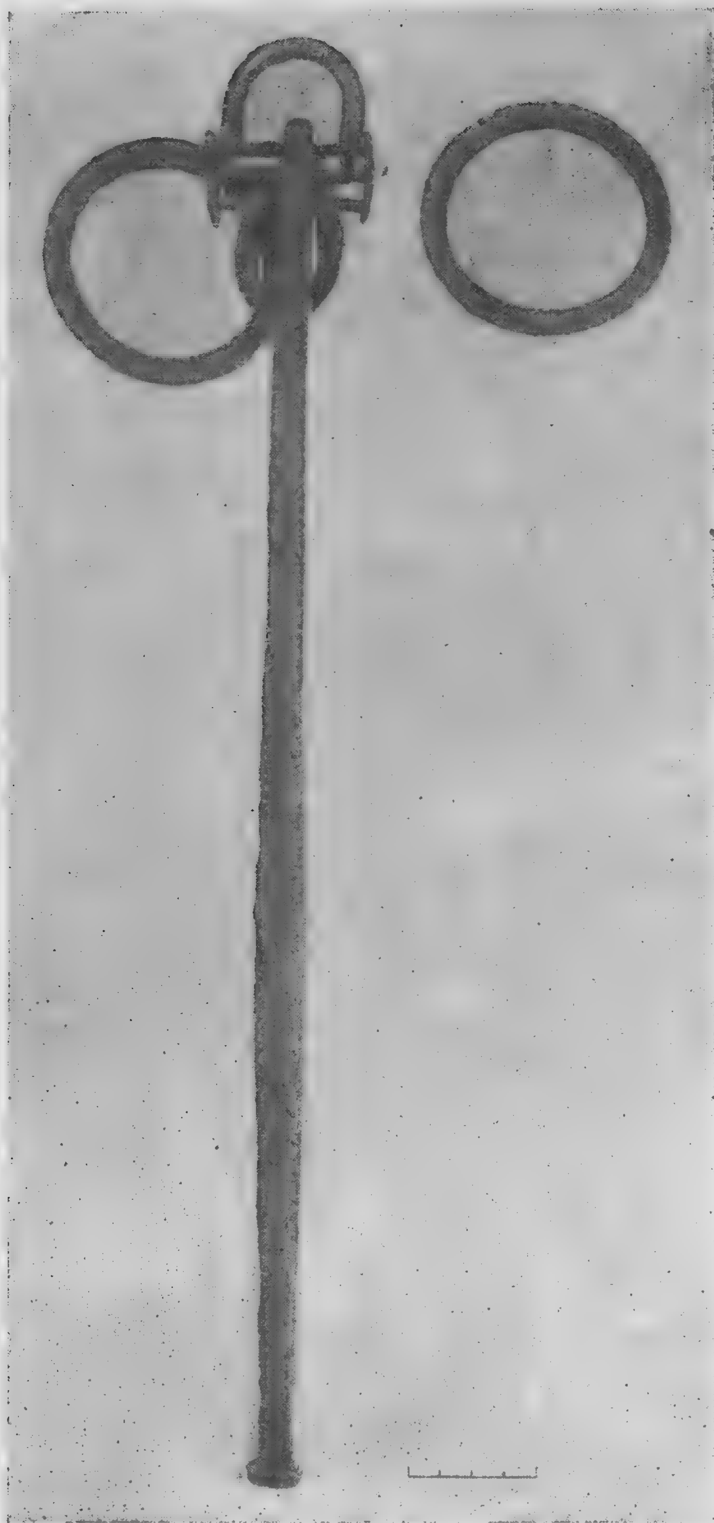

Рис. 87. Безмен из культурного слоя.

лые в сечении стержни с утолщениями на концах.

Некоторые новые формы характерны и для утвари. Фрагменты восточновизантийских стеклянных сосудов Новогрудка дополняются осколками синего и желтого стекла с включениями белого.[30] Найдены четыре их фрагмента, расписанных желтой эмалью и золотом. На одном из них в медальоне изображено животное (рис. 89, *3*, *5—8*). Небольшую группу составляют сосуды, состав стекла которых калиево-кальциево-магниево-кремнеземный. Подобный химический состав имели оконные стекла церквей XII в. в Германии и XII—XIII вв. во Франции.[31] Осколки с таким составом стекла принадлежат пяти сосудам. От трех сохранились отогнутые наружу петлевидные венчики (диаметр 6.5 и 13 см) из тонкого бесцветного прозрачного стекла. У двух край венчика завальцован, а тулово, по-видимому, округлое. Один фрагмент относится к тонкостенному сосуду диаметром 7 см из бесцветного прозрачного стекла, со слегка утолщенным краем и суживающимся книзу туловом. Найдены также два обломка от округлого тулова сосуда из бесцветного толстого прозрачного стекла, покрытого красными, желтыми и белыми полосами, нанесенными эмалью.

Довольно крупный обломок стенки и придонная часть принадлежали лопастному фаянсовому сосуду, покрытому снаружи люстровой росписью (рис. 84, *4*). На городище Орен-Кала найдена восьмилопастная чаша с односторонней росписью.[32] Подобную форму мог иметь и новогрудский сосуд. Два очень маленьких обломка белоглиняной керамики покрыты голубовато-зеленой поливой и черной росписью (рис. 89, *2*). Это фрагменты характерной золотоордынской посуды, появившейся не ранее XIII в.[33] Вместе с привозной фаянсовой и поливной посудой уместно отметить фрагмент писанки, покрытой черной поливой и орнаментированной желтой росписью в виде фигурных скобок (рис. 89, *4*). Местом изготовления этих изделий, по мнению Т. И. Макаровой, были Новгород или Старая Рязань.[34]

Остальная утварь тоже весьма разнообразна. Три ножа имеют железные пластинчатые рукояти в отличие от обычных деревянных, а в одном случае рукоять сделана из железного крученого стержня и напоминает таковые из Волковыска.[35] Встречены шарнирные ножницы длиной 17 см. Аналогии им известны в Гнездове, Райках, Белой Веже и других местах.[36] Найдены три ключа длиной 12—13 см с уплощенной ромбической головкой и приподнятой над краем

---

[30] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло. Л., 1968, с. 11.

[31] Безбородов М. А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956, табл. XXXVI, XXXVII.

[32] Шелковников Б. А. Фаянсы, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури, из Орен-Кала. — МИА, 1959, № 67, с. 308, табл. IV, *2*.

[33] Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. — МИА, 1963, № 117, с. 273—275.

[34] Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967, с. 43—44. (САИ; вып. Е1-38).

[35] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 30, рис. 9, *2*.

[36] Авдусин Д. А. Раскопки в Гнездове. — КСИИМК, 1951, вып. 38, с. 74, 75; Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XXVIII, *6—8*; Сорокин С. С. Указ. соч., рис. 15.

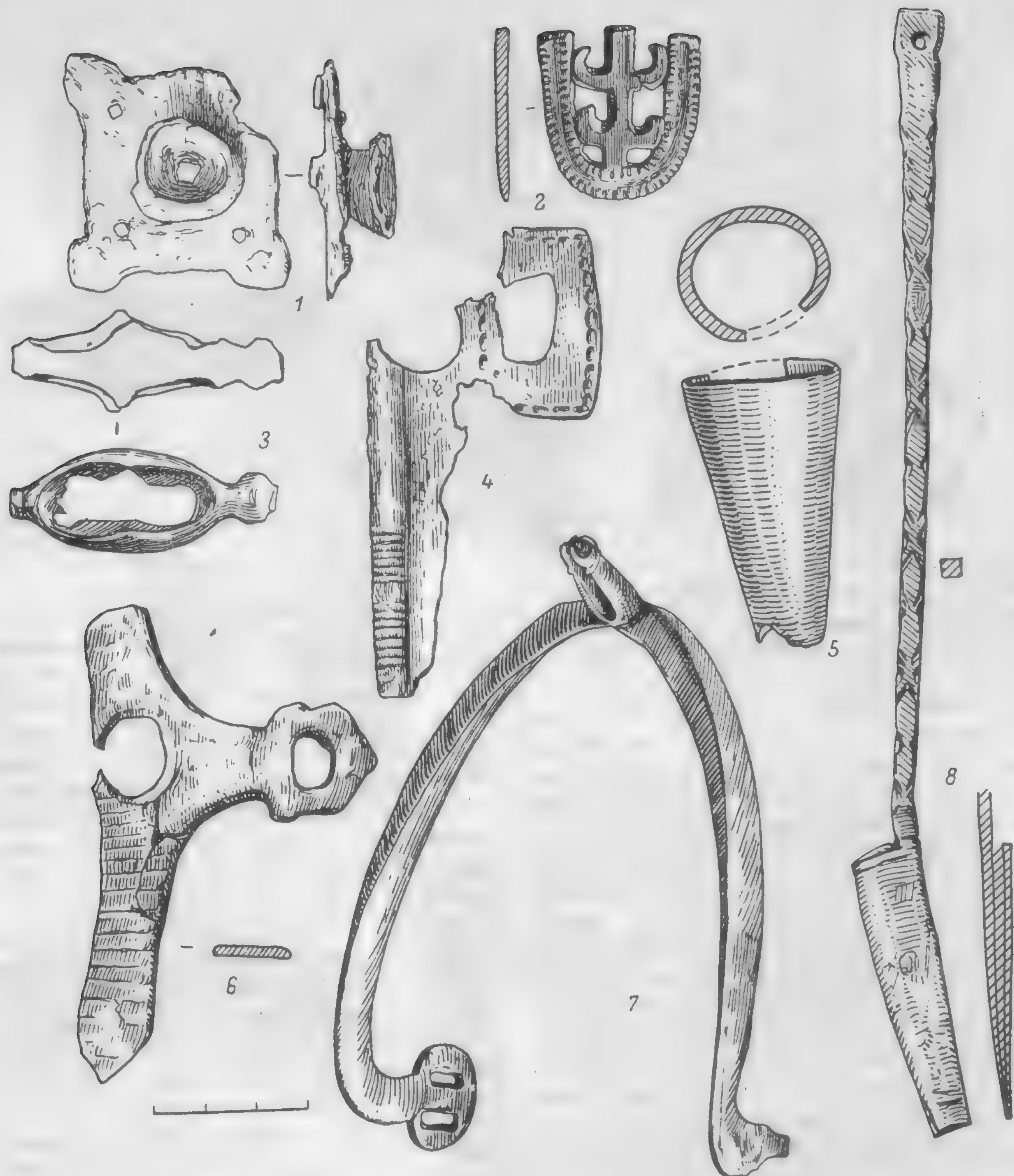

Рис. 88. Находки из культурного слоя.

1 — оголовье; *2* — наконечник; *3* — перекрестье сабли; *4*, *6* — псалии; *5* — вток; *7* — шпора; *8* — оковка ножен.

стержня пластиной, а также миниатюрный ключик от врезного замка. В двух случаях пластины ажурные. Ключи украшены нарезкой, а один, кроме того, инкрустирован белым металлом. Такие ключи в Новгороде распространялись, начиная со второй половины XI в. Обнаружены они в Старой Рязани и других городах. На селище у Кимр (Калининская область) открыта мастерская XII в., в которой производились подобные изделия.[37] Навесные замки этого времени (длиной до 10 см) цилиндрические. Многие из них покрыты бронзовыми пластинами. Любопытной находкой является замок со вставленным в него ключом, имеющим отогнутый стержень.

В составе утвари имеются днища от бочек, железные цепи (от котлов), бронзовые накладки и ручки от ларцов, а также небольшие бронзовые ключи, которыми они замыкались. Сохранилась часть прямоугольной костяной пластинки, орнаментированной восьмиугольными звездами, вписанными в круг (рис. 86, *5*). Такими пластинами были выложены византийские ларцы.[38] Неясно назначение обгоревшей

[37] Колчин Б. А. Указ. соч., с. 96; Монгайт А. Л. Указ. соч., рис. 71, *5*; Милонов Н. П. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги. — МИА, 1950, № 13, с. 158.

[38] Diehl C. Manuel d'art Bizantine. Paris, 1926, fig. 317; Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.; Л., 1966, рис. 134—139.

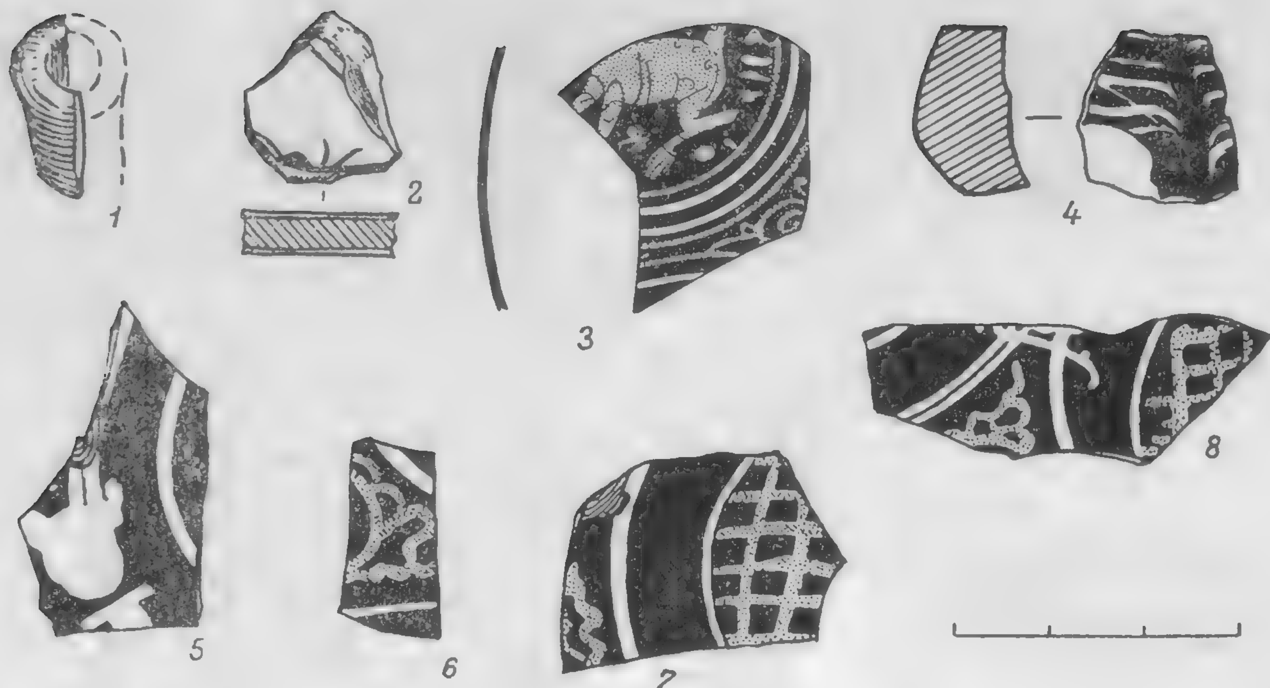

Рис. 89. Находки из культурного слоя.

1, 3, 5—8 — обломки стеклянных сосудов; *2* — фрагмент поливной керамики, *4* — писанки.

деревянной пластинки. На ней вырезан орнамент в виде плетенки (рис. 86, *4*), до некоторой степени напоминающий плетенку медных гравированных пластин из зоны алтарной преграды Нижней церкви в Гродно.[39] В число костяных вещей бытового назначения входят девять накладок. Среди них есть узкие пластинчатые с отверстиями, обработанные с одной стороны, полуовальные в сечении и закругленные. Отдельные экземпляры орнаментированы прямыми и косыми линиями и кружками.

В ряде случаев ножи, шилья и другие железные орудия были с костяными рукоятями. Хорошую полировку имеют прямоугольная и шестигранная в сечении рукояти с просверленным внизу отверстием. Узкие, округлые в сечении рукояти длиной 5—7 см иногда орнаментировались прямыми, ломаными и перекрещивающимися линиями. Вещи, подобные трем небольшим обоймочкам, украшены наколами, линиями и зигзагами, распространены как в памятниках восточнославянского, так и западнославянского миров. В них усматривали пряслица, манки, фрагменты шахматных фигур и т. д. С находками в Волине и Щецине ножей, черенки которых имеют аналогичные обоймочки, определилось назначение и данных поделок.[40] Обитатели города часто пользовались округлыми или шестигранными в сечении, хорошо обточенными снаружи роговыми наконечниками. Диаметр их отверстий довольно постоянный (2—3 см), а длина варьировала от 3 до 8 см. Подобными поделками покрывались острия различной величины.

Встречены железные прямоугольные пряжки, служившие для украшения костюма. А бронзовые подковковидные спиралеконечные напоминают соответствующие находки из нижнего горизонта. Наряду с этим появляются прямоугольно-округлые пряжки. Отметим также округлые (рис. 85, *8*, *9*), аналогичные прибалтийским украшениям XIII—XIV вв.[41] Частью поясного набора является железный поясной крючок, завершающийся изображением конской головы (рис. 90, *6*). Такие изделия находят в памятниках Северо-Запада и Прибалтики.[42] От поясного набора сохранились также бронзовые прямоугольные накладки, округлый разделитель и язычки.

Два пластинчатых перстня сделаны из серебра. Один, узкий с уплощенным щитком, покрытым чернью, можно рассматривать в качестве изделия киевских мастеров (рис. 90, *2*).[43] Второй, с ромбическим ажурным щитком и гравированным орнаментом (рис. 90, *9*), прямых аналогий не имеет. Отметим бронзовый перстень с шестиугольным щитком, напоминающий перстни Киева и Киевской земли,[44] а также рубчатый с утолщением.

Пластинчатую бронзовую обойму диаметром 7 см (рис. 90, *7*) можно было бы считать уникальной находкой, но в 1967 г. такое же изделие,

---

[39] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, рис. 62, *3*; 63.

[40] Cnotliwy E. Wczesnośredniowieczne predmioty z rogu i kości z Wolina ze stanowiska 4. — MZP, 1958, t. 4, s. 181.

[41] Kulikauskienė R., Rimantienė R. Lietuvių liaudies menas. Vilnius, 1958, N 582, 583.

[42] Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья. — МАР, 1895, № 18, табл. VI, *2*.

[43] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 320—321.

[44] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1908, т. 5, табл. XXIII, *1018*; Корзухина Г. Ф. Русские клады. Л., 1954, с. 124, табл. XLV, *4*.

Рис. 90. Находки из культурного слоя.

1 — медальон; *2*, *9* — перстни; *3*, *5* — накладки; *4* — обломок браслета; *6* — поясной крючок; *7* — обойма; *8* — топорик.

отлитое в одной форме с нашим, было найдено при раскопках поселения Ленковцы.[45]

В новогрудской почве плохо сохраняются органические остатки. Однако здесь найден тонкий шелковый пояс, аналогии которому нередко встречаются в древнерусских городах. Новогрудок был не единственным городом в Понеманье, куда привозились эти дорогие товары, — обрывки шелковой ткани найдены в Гродно.[46] Уцелел также кусочек войлока.

Две цилиндрические бусины орнаментированы черной спиралью. Подобные бусы известны в Гданьске XII—XIII вв.[47] Зонная крупная бусина черного цвета, украшенная

[45] Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. — СА, 1970, № 4, рис. 4, *5*.

[46] Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 66.

[47] Chmielowska A. Wyróby szklarskie z XII—XIII wieku na stanowisku w Gdańsku. — GW, 1960, t. 3, s. 111, tab. II, *7*, *8*.

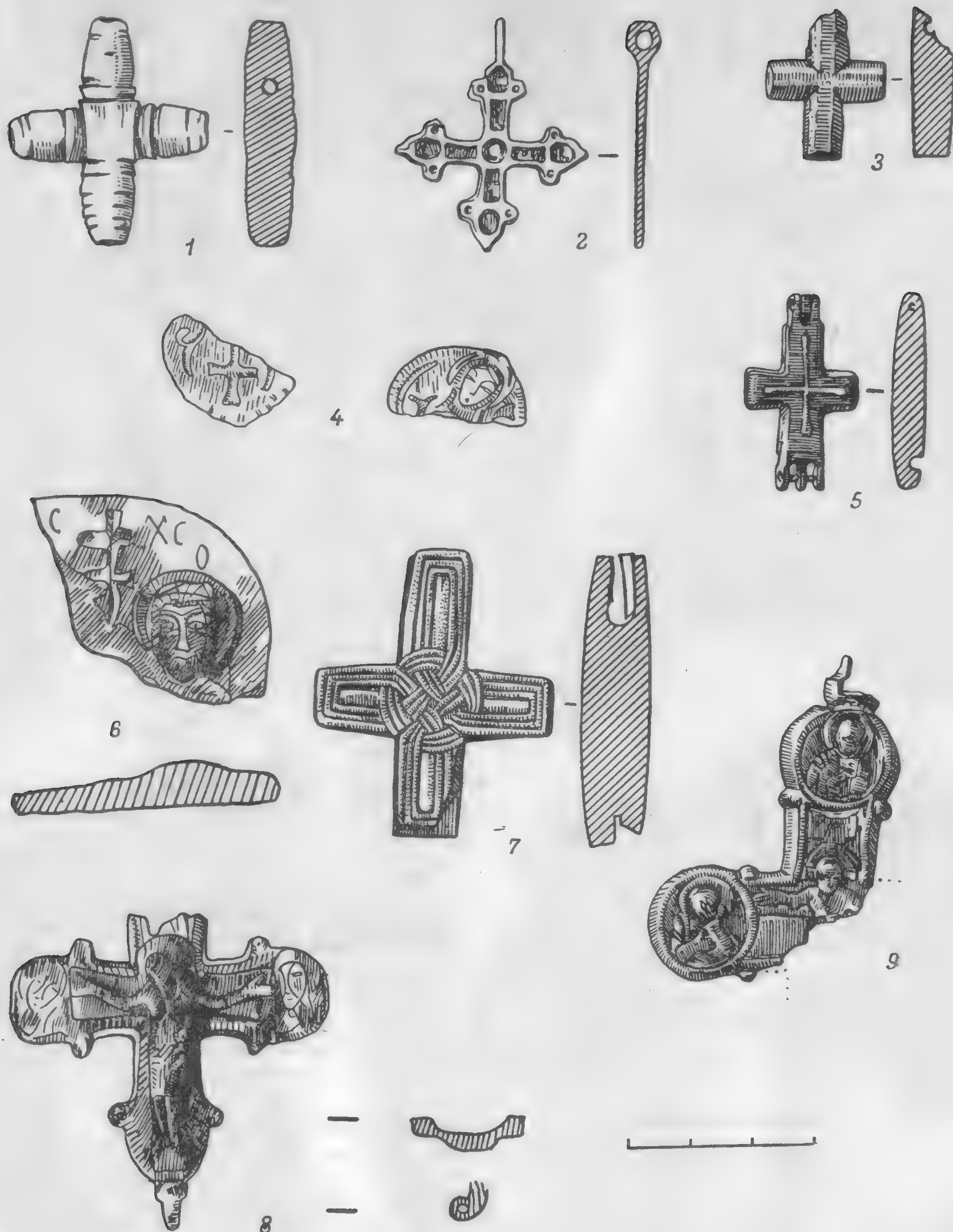

Рис. 91. Находки из культурного слоя.

1—3, 7 — кресты; *4* — образок; *5, 8, 9* — энколпионы; *6* — обломок иконки.

спиралями, находит параллели в Новгороде в слоях XIII—XIV вв.[48] Шейными или нагрудными украшениями являлись бронзовые медальоны. Один из них, округлый, имел плосковыпуклую вставку из бесцветного стекла (рис. 90, *1*). Следует назвать медальон из золотого ожерелья, найденный в Сахновке (Киевская область), со вставкой из горного хрусталя,[49] который только приблизительно можно сравнить с нашей находкой. Видимо, частью медальона была бронзовая прямоугольная оправа с отверстием для овальной вставки. Аналогию поделке встретить не удалось.

К костюму относятся три костяные полусферические пуговицы, орнаментированные линиями и кружками (рис. 86, *1*). Эти находки типичны для древнерусских городов: Киева, Белой Вежи, Райков и др.[50] Отметим также пуговицы из цилиндрических костей со сверлиной (рис. 86, *2*). Многочисленные параллели им известны в восточных и западнославянских землях.[51] Интересна бронзовая булавка длиной 4.5 см, завершающаяся изображением птицы (рис. 85, *10*).

С распространением стеклянных браслетов металлические становятся редкими находками. Среди них обращает на себя внимание обломок плетенного из тонкой проволоки серебряного браслета (рис. 90, *4*), сходного с браслетом Черниговского клада (XII в.).[52] Отметим стеклянные браслеты особой формы: два широких плоских с мелким двусторонним рифлением; округлые, украшенные защипами; с желобками на внутренней и наружной сторонах. Один из них сверху и снизу покрыт полосой желтой краски. Подобные формы характерны для привозных стеклянных браслетов.[53]

Перечень материалов, найденных вне комплексов, завершают предметы культа и другие вещи, отражающие духовную жизнь древнего Новогрудка. В культурном слое найдены подсвечник (рис. 80, *1*) и три энколпиона. На лицевой стороне единственного целого экземпляра изображен четырехконечный крест (рис. 91, *5*). Подобные энколпионы известны в Поднепровье, Новгороде и других областях Древней Руси, а также в Прибалтике и Польше.[54] Два крупных энколпиона сохранились в обломках. На одном из них рельефно изображены святые в медальонах и средокрестии (рис. 91, *9*), на втором рельефным является распятие в средокрестии, а изображения по краям креста уплощены (рис. 91, *8*). По заключению Г. Ф. Корзухиной, энколпионы, сплошь покрытые рельефным орнаментом, относятся к XI—началу XII в., в то время как изделия с уплощенными изображениями по краям креста датируются примерно второй четвертью XII в.[55] К этой же категории вещей принадлежат два бронзовых крестика с желтой выемчатой эмалью (рис. 91, *2*). Повсеместно распространенные в Древней Руси и за ее пределами, они выделывались в мастерских Киева и Княжой Горы. Изготовление крестиков с выемчатой эмалью началось в Киевской земле в XI в. Расцвет его падает на XII в., а в XIII в. эти крестики постепенно выходят из употребления.[56] Нам не удалось найти параллелей для креста-тельника из серого камня, орнаментированного плетенкой (рис. 91, *7*). Отметим также шиферный (рис. 91, *1*) и сланцевый (рис. 91, *3*) кресты.

Найден обломок бронзового овального образка. На одной стороне его изображен Христос (?), а на другой — процветший крест (рис. 91, *4*). Такие образки встречены в Киевской земле и Новгороде.[57] К киевскому импорту следует причислить шиферную иконку с фигурой Христа и надписью «С ХС» (рис. 91, *6*).

В 1957 г. был обнаружен миниатюрный широколезвийный топорик с выбитым знаком в виде острого угла (рис. 90, *8*). Это, видимо, амулет. Находка напоминает топорик из курганного могильника в Кремоне (Латвия).[58] Бронзовая поделка, состоящая из стержня и навершия в виде фигурки собаки (рис. 84, *3*), являлась частью уховертки.[59]

---

[48] Щапова Ю. Л. Стеклянные бусы древнего Новгорода. — МИА, 1956, № 55, с. 176—177, табл. II, *14*.

[49] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Приднепровья, табл. XXIX, *1095*.

[50] Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве. — КСИА УССР, 1954, вып. 3, табл. II, *12*; Каргер М. К. Указ. соч., табл. XCIV; Левенок В. П. Пряслица городища Саркел—Белая Вежа. — МИА, 1959, № 75, табл. II, *17*; Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XXXI, *20*.

[51] Воронин Н. Н. Указ. соч., рис. 36, *13*; Cnotliwy E. Z badań nad rzemiosłem, zajmująś cim się obróbką rogu i kości na Pomorzu Zachodnym we wczesnym średniewieczu. — MZP, 1956, t. 2, s. 178, tab. 1, *8*, *9*.

[52] Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — МИА, 1949, № 11, рис. 26.

[53] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 109, рис. 19.

[54] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские. Киев, 1899, табл. I, *28*, *29*; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, с. 236; Antoniewicz J. Brązowy krzyżyk składany znaleźona w Drohiczynie nad Bugiem, pow. Semiatycze. — WA, 1957, t. 24, s. 368—369.

[55] Корзухина Г. Ф. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья). — ВВ, 1958, т. 14, с. 133.

[56] Мальм В. А. Крестики с эмалью. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 117.

[57] Ханенко Б. И. и В. И. Древности Русские, табл. VI, *78*; Седова М. В. Указ. соч., рис. 3, *10*.

[58] Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. — СА, 1961, № 4, рис. 3.

[59] Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли. Минск, 1978, рис. 28, *10*.

Глава 4

Некоторые вопросы датировки древнего Новогрудка

Древности Новогрудка распределены нами на два периода, соответствующих нижнему и верхнему горизонтам культурного слоя поселения. Археологические материалы позволяют датировать нижний горизонт временем с конца X до рубежа XI—XII вв., а верхний — с начала XII до 70-х гг. XIII в.

Изучение строительных остатков построек, сменявших друг друга непосредственно или с некоторым разрывом во времени, дает возможность установить относительную хронологию жилищ и других строений. Наиболее убедительно эта хронология выявляется на северо-восточном участке поселения, где сохранились следы построек шести строительных периодов. Самый ранний комплекс представлен здесь развалом постр. 15, стоявшей на материке. После ее гибели последовательно сооружались постр. 14, 13, 12, 10 и 9. Остатки истлевших и сгоревших досок, лежавших между постр. 13 и 12, могли принадлежать еще одному строению, которое не удалось определить.

На соседнем участке сохранились остатки построек четырех строительных периодов. Над постр. 20, стоявшей на материке, было сооружено жилище 21, материалы которого дают основание отнести его к комплексам третьего строительного периода. Таким образом, на этом участке не удалось выявить сооружение, синхронное постройкам второго строительного периода. Постр. 21 сменяет постр. 18. Последним жилищем домонгольской поры на данном участке являлась постр. 16, возведенная над сгоревшим жилищем 18.

Почти вплотную к рассмотренным выше комплексам примыкали еще четыре постройки, возведенные друг над другом. Однако хронологическое соотношение их было иным. Древнейшее сооружение (24) было открыто на материке, его сменяет жилище 23, над которым впоследствии возводится постр. 22. Затем этот участок пустует до того времени, когда здесь появилась постр. 7, относящаяся к пятому строительному периоду.

Иная стратиграфия прослеживается на примере постр. 4—6, где не было остатков жилищ первых трех строительных периодов, а древнейшее из них (6) относится к четвертому строительному периоду. После гибели постр. 6 на этом же месте строится жилище 5. Строения домонгольского времени завершает постр. 4, где найдено огромное количество вещей, напоминающих изделия нижележащего дома. Поскольку между постр. 4 и 5 не было нивелировочной прослойки, то находки обоих жилищ могли в какой-то степени смешаться. В центральной части площадки открыта «полуземлянка».

Другую картину рисуют материалы южной части поселения. Остатки построек, относящихся к первому и второму строительным периодам, не дают возможности понять их относительную хронологию. Для остальных периодов она устанавливается в своеобразном чередовании жилых сооружений и погребений. Так, постр. 36 (третий строительный период) прорезалась погр. 85 и 86. Жилых сооружений четвертого строительного периода здесь не найдено. В это время южная часть поселения была занята кладбищем. Над погребениями в ряде случаев сооружены постройки, относящиеся к пятому строительному периоду. Например, истлевший пол постр. 25 лежал несколько выше погр. 10 и 11. Уровень пола постр. 26 располагался на 30 см выше погр. 3, 4, 6, 8, 9 и 13. Наиболее сложное соотношение жилищ и погребений открылось на участке, где стояла постр. 32. Под нею в культурном слое на глубине от 90 см до 1.25 м находилось более 10 погребений. После того как постр. 32 перестала существовать, она в свою очередь была прорезана погребениями. Таким образом, нам удалось установить последовательность существования ряда построек, а для южной части поселения — их соотношение с погребениями.

Исходными для абсолютной датировки отдельных строительных периодов являются даты, установленные нами для нижнего и верхнего горизонтов поселения.

Обратимся к строительным периодам нижнего горизонта. За 100 лет, с конца X до рубежа XI—XII вв., возведенные друг над другом постройки поселения сменялись более трех раз. Коль скоро начальная дата поселения восходит к концу X в., естественно, что постройки первого строительного периода не могли быть древнее этого века. Такое положение убедительно подкрепляют конкретные материалы древнейших комплексов, которые описаны в начале настоящей работы. Конечную дату первого строительного периода определяет время сооружения построек второго периода (14 и 23), возведенных непосредственно над постр. 15 и 24 после их гибели.

Резкого хронологического разрыва между постройками обоих периодов не было. Правда, в керамическом комплексе появляются новые, более сложные формы и увеличивается процент горшков II типа — преобладающей формы сосудов в новогрудских курганах XI в.; однако бусы этих построек — «лимонки», глазчатые, ребристые — и некоторые другие вещи восходят к начальному периоду в истории поселения. Время возведения постр. 14 и 23, а следовательно, и дата гибели нижележащих сооружений определяется, таким образом, началом XI в. Что касается жилища 20, стоявшего на материке, то оно могло существовать и несколько позднее, поскольку над ним во втором строительном периоде не было построек.

Если постройки первого и второго строительных периодов хронологически близки друг другу, то комплексы третьего периода заметно отличаются от нижележащих. Это особенно хорошо видно на примере постр. 13. Большая, хотя и плохо сохранившаяся, она по ассортименту керамики и таким находкам, как поливная керамика и железный стиль, хронологически сближается с постройками четвертого строительного периода. Вместе с тем в ней еще нет амфор, стеклянных браслетов и других вещей, характерных для более поздних сооружений. Поскольку первые амфоры появляются в Новогрудке в начале XII в., можно предположить, что постр. 13 погибла не позднее рубежа XI—XII вв. Примерно в это же время прекращает свое существование постр. 21. Как же определить нижнюю дату построек третьего строительного периода?

Постр. 14, сооруженная в начале XI в., вряд ли существовала позднее середины этого столетия. Возможно, что постр. 13 не сразу сменила постр. 14, но материалы других комплексов третьего строительного периода (постр. 22) не выходят за границы XI в. К третьему периоду относится и постр. 36, остатки которой впоследствии были прорезаны погребениями. К тому времени, когда участок, где стояло жилище, был отведен под кладбище (наиболее ранние погребения его, как мы постараемся показать ниже, датируются началом XII в.), эта постройка уже давно не существовала. Следовательно, по совокупности данных, хронологические рамки третьего строительного периода определяются второй половиной XI и рубежом XI—XII вв.

Попытаемся датировать четвертый строительный период, для которого характерны большие и богатые жилища. В их керамическом комплексе много амфор и других вещей, появившихся лишь в XII в. В массовой керамике возрастает число горшков V типа и распространяются горшки VI—VIII типов. Постройки четвертого периода гибнут неодновременно. Раньше других сгорела постр. 6, не имеющая в инвентаре ни стеклянных браслетов, ни стеклянных сосудов восточновизантийского происхождения, представленных в других жилищах. Постр. 12 и 18, материал которых использован для относительной хронологии поселения, продолжают существовать и во второй четверти XII в. Это прежде всего подтверждается таким надежным материалом, как стеклянные браслеты киевского производства.

Изменение характера инвентаря наблюдается в постройках пятого строительного периода. Возрастает численность оружия, появляются бронебойные наконечники стрел. В керамическом комплексе отмечается некоторое количество горшков IX типа. Среди украшений попадаются бусы с пластичным узором и заметно растет число стеклянных браслетов. Если пределом существования построек четвертого периода можно считать середину XII в., то жилища пятого периода относятся скорее ко второй половине этого столетия.

Верхней границей шестого строительного периода являются 70-е гг. XIII в. (см. с. 11). Из трех построек этого периода две (4 и 9) сменили нижележащие. Наиболее характерной чертой инвентаря строений шестого периода является внедрение в массовую керамику горшков IX типа. Стратиграфические данные и особенности инвентаря построек дают основание предложить следующую абсолютную хронологию отдельных строительных периодов:

Горизонт	Строительный период	Дата
Верхний	6	Перв. пол.—70-е гг. XIII в.
	5	Вт. пол. XII—рубеж XII—XIII вв.
	4	Нач.—сер. XII в.

Нижний	3	Вт. пол. XI—рубеж XI—XII вв.
	2	Нач.—сер. XI в.
	1	Кон. X—рубеж X—XI вв.

Постройки, отнесенные нами к одному периоду, как это обычно бывает на длительно заселенном месте, не всегда синхронны. Некоторые жилища существовали несколько меньше, чем тот строительный период, к которому они относятся. Другие постройки, особенно в тех случаях, когда непосредственно над ними не было более поздних сооружений, могли служить дольше и, вероятно, даже выходить за хронологические рамки строительного периода, с которым связано их возникновение.

Мы не смогли уточнить датировку многочисленных ям, хотя среди них довольно отчетливо выделяются отдельные комплексы, синхронные постройкам конца X и рубежа X—XI вв. Некоторые ямы нижнего горизонта, судя по керамике, более позднего происхождения. Вместе с тем материалы из ям верхнего горизонта не дают оснований для более детальной хронологической атрибуции. Поэтому для этих комплексов сохраняется широкая датировка в рамках нижнего и верхнего горизонтов поселения.

Остается установить время, когда данная территория была занята кладбищем. Археологическими раскопками вскрыто 105 погребений с трупоположениями. В ряде случаев удалось обнаружить могильные ямы, а также остатки гробовищ. Сопровождающего инвентаря при погребенных почти не было, и датировка кладбища может быть установлена преимущественно по данным стратиграфии. 83 могилы (61 принадлежала взрослым, а 22 — детям) прорезали нижний горизонт культурного слоя поселения и в свою очередь были перекрыты культурными напластованиями XII в. Бóльшая часть погребенных сосредоточена в юго-восточной части поселения. На юго-западе открыты лишь единичные захоронения.[1]

Первая группа погребений могла появиться не ранее начала XII в., ибо отдельные захоронения прорезали постр. 36 и некоторые ямы нижнего горизонта, а верхней хронологической границей для этих погребений является середина XII в., когда над погребениями были возведены постр. 25, 26, 32 и др. Таким образом, первоначально территория южной части Новогрудка служила кладбищем на протяжении полувека. Сравнительно короткий период его существования (к нему относится бóльшая часть погребений кладбища) отражается и в том, что здесь не было забытых могил. Погребения, нередко вплотную примыкающие друг к другу, почти не нарушались более поздними.

В верхнем горизонте культурного слоя поселения, в центре площадки, открыты 22 погребения (20 — детские). Они не могли появиться раньше, чем погибли постройки второй половины XII в., и в частности наиболее поздняя из них — постр. 32, прорезанная погребениями. Над погребениями находился песок, обычно отделявший слои Новогрудка домонгольской поры от слоев города XIV—XVII вв., либо культурный слой, относившийся непосредственно к позднему городу.

Погребения совершены по христианскому обряду. Скелеты лежали в вытянутом положении головой на запад, с отклонениями к югу или северу. Лишь двое погребенных (мог. 6, 7), открытых на раннем кладбище, находились в скорченном положении, а одного из них окружали камни. Почти все могилы были индивидуальными, лишь изредка встречались двойные захоронения взрослых (70, 71), взрослого и ребенка (44, 65, 75, 76) и двоих детей (24, 25).

Среди немногочисленных вещей, найденных только при погребениях раннего кладбища, имеются характерные бронзовые височные кольца (одно в полтора оборота, второе перстневидное), серебряная пряжка, бляшка-скорлупка и золотые нити, которыми, вероятно, была расшита какая-то ткань. Отметим ожерелье из плохо сохранившегося бисера (90 штук; рис. 79, *3*), относящееся к инвентарю погр. 72 и напоминающее бисерные ожерелья из новогрудских курганов. Любопытными находками оказались тисненые серебряные с позолотой квадратные бляшки. При раскопках детинца в слое середины XII в. найдена матрица, с которой были оттиснуты подобные бляшки.[2]

Погребения второй группы были без вещей. Стратиграфические условия, в которых они обнаружены, позволяют датировать их временем от начала XIII в. до 70-х гг. этого столетия. Между ранними и поздними погребениями, таким образом, существует хронологический разрыв не менее чем в половину столетия; иначе говоря, территория поселения была дважды занята кладбищем. Раннее кладбище располагалось в южной части поселения, и на нем были похоронены как взрослые, так и дети. В то время как позднее — на небольшой территории, в центре площадки, и служило местом погребения почти исключительно детей.

---

[1] П а в л о в а К. В. Могильник на территории окольного города Новогрудка. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 36—39; Г у р е в и ч Ф. Д., М а л е в с к а я М. В. Археологические работы в Новогрудке. — АО 1966 г., 1967, с. 270; Г у р е в и ч Ф. Д., М а л е в с к а я М. В., П а в л о в а К. В. Исследования в Новогрудке. — АО 1967 г., 1968, с. 253—254.

[2] Г у р е в и ч Ф. Д. К истории культурных связей древнерусских городов с Киевской землей. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 23, рис. 6.

Часть вторая

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ

Глава 1

Жилые и хозяйственные постройки

Строительные остатки древнерусского Новогрудка — очень трудный материал для исследователя. Они чрезвычайно аморфны и вместе с тем крайне необычны, поэтому даже приблизительная их реконструкция весьма затруднительна. О характере жилых, хозяйственных и производственных сооружений, которые принадлежали первым обитателям посада, поселившимся в пределах будущего богатого квартала, можно судить по остаткам постр. 15, 20, 24, 37 и 38. Представление об этом дают также «полуземлянка» и часть ям, вырытых в материке.

Строительные остатки в виде горелого дерева, глины и камня, обнаруженные на материке, заполняли преимущественно края площадки. В центре их довольно мало. Немногочисленные следы жилищ позволяют считать их наземными, по-видимому срубными, постройками с глинобитными печами и деревянными полами. Направление уцелевших остатков горелого дерева, которые лежали in situ, указывает на то, что жилища были ориентированы примерно углами по странам света.

Наземные жилища не являлись единственной формой древнейшего домостроительства посада. В центре его существовало углубленное на 70 см в материк помещение («полуземлянка»), ориентированное так же, как и наземные жилища. Оно по форме отличается от ям. Стенки его вертикальны, а набор вещей вполне соответствует инвентарю жилой постройки. Проникновение углубленных жилищ в принеманские земли в X—XI вв. прослеживается наглядно. Полуземлянки с печами-каменками открыты в Волковыске на территории детинца Шведская Гора, посада, а впоследствии окольного города Замчище и на городище Муравельник, находящемся в некотором отдалении от древнего города.[1] Южная форма домостроительства подтверждается также находками в Новогрудке глиняных жаровен. Такие жаровни завершали печи южнорусских жилищ.[2]

Остальные постройки на материке — хозяйственные или производственные сооружения; такова постр. 24, стоявшая на севере площадки. Отдельные сооружения были сосредоточены в южной части поселения. К ним относится наземная срубная постр. 38 с печью-каменкой. Вещей в ней почти не было. Единственный вид находок — глиняные пряслица. Отсутствие дощатого пола, свойственного новогрудским наземным жилищам, остатки соломы, многочисленные ямки в полу и специфический набор вещей дают основание видеть в постр. 38 хозяйственное сооружение. Прямые параллели этому комплексу в археологических материалах нам не известны.

Среди этнографических материалов Белоруссии имеются риги «восеть» — тип срубной постройки для сушки снопов. В «восети» находилась печь, а стены ее для утепления прокладывались мхом. Балки, на которых сушились снопы, нередко укреплялись на столбах, врытых в землю.[3] Возможно, что новогрудская постр. 38 тоже была ригой. Судя по обилию разновременных ям, она существовала в течение длительного времени. Сезонное пользование помещением позволяло жителям заниматься и другой хозяйственной деятельностью — прядением, что наглядно подтверждается обилием пряслиц.

Постройки второго строительного периода, наступившего в начале XI в., во многом сходны с первыми строениями Новогрудка. На инвен-

---

[1] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. — Матер. по археол. БССР, Минск, 1957, вып. 1, с. 267—268; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975, с. 22—24.

[2] Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 145. (САИ; вып. Е1-32).

[3] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929, с. 47.

таре постр. 14 помимо обычной хозяйственной деятельности ее владельцев отразилось занятие бронзолитейным делом: вблизи печи лежали обломки двух тигельков и капельки бронзы. Наиболее интересными находками в жилой постр. 23 являются жернова, сосредоточенные в западной части, где, видимо, они и хранились. О повседневной деятельности владельцев этого дома можно было судить и по находкам других вещей: костяных проколок, точильных камней, глиняного пряслица и т. п. Характер вещей, найденных в постр. 30, позволяет представить, что ее владельцы занимались цементацией железа и резали рог. Им были нечужды и некоторые виды сельскохозяйственных работ, на что указывает хранившаяся под печью коса-горбуша.

Новые черты в домостроительстве ярче всего проявляются в наземной постр. 13, сменившей постр. 14. Постр. 13 площадью более 70 м² вряд ли была однокамерной. Ее можно было бы причислить к наиболее раннему, богатому жилищу, но, к сожалению, и ней уцелело немногое. Занятие бронзолитейным делом отразилось в материалах и данной постройки (см. с. 28). Остатки другой постройки этого времени (21) были в еще худшем состоянии. Не удалось даже установить место, где стояла ее печь. Хозяева постр. 21, как свидетельствуют материалы (с. 28), занимались не только бронзолитейным, но и косторезным делом. Наземным сооружением, синхронным постр. 13 и 21, является постр. 22, видимо служившая кузницей.

В материке посада открыто много ям, оставшихся от производственных и хозяйственных построек. Чаще всего ямы овальные или круглые, диаметром до 4 м, глубиной до 50 см, с пологими стенками и плоским дном; иногда же стенки ям отвесные, а дно округлое. Бо́льшая часть ям поселения имела чисто хозяйственное назначение. В них обычно находят кости животных и керамику. В материке обнаружено также немало столбовых ямок диаметром до 30 см, глубиной до 40 см, которые редко удавалось связать с определенными постройками.

Первоначальной застройке посада присущи, таким образом, преобладание наземных построек северного типа и существование наряду с этим некоторого количества углубленных жилищ, возникших под влиянием южнорусской домостроительной традиции. Материалы древнейшего посада рисуют довольно активную хозяйственную деятельность его первых обитателей. Обработкой железа и цветных металлов жители занимались не только в специально отведенных для этого помещениях, но и в жилых постройках. Данная особенность посада в полной мере проявится в более позднее время.

В XII в. посад превращается в окольный город. Площадка посада обносится валом, первоначальная высота которого была около 3 м, ширина около 9—10 м. Прорезка вала, исполненная под руководством П. А. Раппопорта, показала, что нижняя его часть состояла из темно-серой земли, а верхняя — из песка.[4]

Все постройки окольного города были наземными. Исключение представляет жилище 6, датирующееся началом XII в. Углубленное в материк, оно было, пожалуй, единственным, границы которого не вызывают сомнения. Оно являлось также одной из немногих построек, владельцы которой не занимались обработкой цветных металлов. Большое значение в их хозяйстве имела охота: вблизи печи лежало много железных гарпунов. Это большое углубленное двухкамерное жилище, где наряду с обычными находками на полу лежали обломки трех амфор и двух стеклянных сосудов, должно было принадлежать богатому горожанину.

Углубленные жилища, распространившиеся в Понеманье с конца X в., продолжали, следовательно, строиться и в начале XII в. Разумеется, различие между рядовым полуземляночным жилищем и углубленной постройкой окольного города весьма значительно, но оно обусловлено социальным характером последней, принадлежавшей богатому жителю Новогрудка.

Различие в устройстве рядовых и богатых жилищ существует в постройках древнего Белгорода. Там были обнаружены обычные полуземлянки и углубленные двухкамерные дома знати.[5] В Киеве, в центре древнейшего города, на усадьбе М. М. Петровского, В. В. Хвойко открыл остатки углубленных построек. Некоторые из них реконструированы Г. Ф. Корзухиной в виде жилищ знати и производственных сооружений.[6] Предложенная ею интерпретация построек была решительно отвергнута М. К. Каргером, усматривавшим в этих комплексах рядовые киевские полуземлянки.[7] Как бы, однако, ни трактовать углуб-

---

[4] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 122.

[5] Полонская Н. Д. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 годов в мест. Белгородке. — В кн.: Тр. Моск. предв. ком. по устройству XV археол. съезда. М., 1911, с. 62—63; Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, с. 85—87.

[6] Корзухина Г. Ф. Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве. — СА, 1956, вып. XXV, с. 318—336.

[7] Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 286.

ленные постройки, необычные размеры (площадь до 120 м²), внутреннее членение и специфический инвентарь лишают возможности поставить их в один ряд с массовыми полуземлянками Киева.

Рядовые и богатые жилища Белгорода и Киева помогают уяснить соотношение между обычными полуземлянками Понеманья и богатой углубленной постройкой окольного города Новогрудка. Последняя является единственным в своем роде жилым комплексом южного типа. Некоторые особенности дома унаследует наземное сооружение второй половины XII в., выстроенное на том же месте, где стояла постр. 6.

Наземные жилые постройки XII—XIII вв. окольного города древнего Новогрудка особенно трудны для понимания. Выше мы уже писали о том, что жилища сохранились плохо. Однако и то, что уцелело, решительно расходится с представлениями, которые создались в науке о жилых сооружениях древнерусского города.

Почти одновременно с углубленным жилищем существовали еще четыре дома, и среди них постр. 12, названная нами «домом боярина». Этот дом был возведен над постр. 13.[8] Он, по-видимому, состоял из двух помещений. В северо-восточном углу находилась глинобитная печь; почти в центре дощатого пола — яма от деревянного столба, который мог быть декоративным или поддерживать перекрытие потолка. Подобные столбы известны в богатых жилищах Белгорода.[9] Окна «дома боярина» были остеклены: вблизи углов его найдены куски оконного стекла.

Нам уже приходилось отмечать, что стены данной постройки были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Прибавим к этому, что до нас дошли не все куски штукатурки. При выравнивании площадки после гибели постр. 12 (для возведения над ней последующей постр. 10) некоторые из них несомненно выбросили. Судя по отпечаткам на внутренней стороне штукатурки, бóльшая ее часть была нанесена на стесанные бревна сруба.

Вернемся к фрескам постройки.[10] Ю. П. Спегальский попытался реконструировать роспись новогрудского жилища, состоявшую, по его мнению, из красного поля и сюжетных изображений, характер которых остается невыясненным. «Однако нужно отметить, — пишет Спегальский, — что, каково бы ни было содержание этой росписи, общий характер коренным образом отличал ее от церковных росписей. Ярко-красный цвет основного поля стен, контраст его с зеленоватой полосой, имитирующей мрамор, придавали совсем не молитвенное, а праздничное, светское звучание всей росписи. Ему должны были соответствовать яркостью и контрастностью сюжетные части росписи. Иначе они выпадали бы из общего строя расписного декора, что, разумеется, не могло иметь места».[11]

Очень интересен фрагмент фрески с изображением человека в княжеской шапке. Художник нарисовал человека безбородым, а надпись, от которой, видимо, сохранились отдельные буквы, могла пояснить, какой именно князь здесь изображен. Не был ли это юный князь Глеб, которого обычно рисовали без бороды? К тому же есть основание считать, что древний храм, открытый в Новогрудке, мог быть посвящен канонизированным князьям Борису и Глебу, поскольку современный собор, построенный в начале XVI в. на месте древней церкви, именовался собором Бориса и Глеба. Напомним, что и крупнейший древнерусский архитектурный памятник Понеманья — Коложская церковь в Гродно конца XII в. — тоже был воздвигнут в честь Бориса и Глеба.

Фресковая роспись в гражданских постройках — явление уникальное, хотя какие-то отрывочные сведения об этом в литературе уже встречались. Остатки фресок были найдены, например, среди развалин черниговского дворца.[12] Возможно, что роспись покрывала стены богатых княжеских жилищ, где были обнаружены куски штукатурки с красной краской.[13] Жилые постройки с орнаментированными стенами известны в средневековых городах Латвии. На городище Тервете в срубной постройке, обмазанной глиной, найдены фрагменты побеленной орнаментированной глины. На одном из них изображена голова музыканта, игравшего на свирели. Обломки глины, покрывавшей стены жилищ, с оттиснутыми на ней розетками встречены на городище Межотне, а в Ерсике было много подобной глины с отпечатками плетения или грубой ткани.[14]

---

8 Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 97—102.

9 Хвойко В. В. Указ. соч., с. 86.

10 Краски фресковой живописи, по определению И. Л. Ногид, минерального происхождения. Для черной краски использовалась сажа, для белой — мел; красный и желтый цвета наносились охрой, содержавшей окиси железа; зелень являлась продуктом «зеленой земли» — природного минерала с гидросиликатом железа.

11 Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972, с. 149—159.

12 Богусевич В. А., Холостенко Н. В. Черниговские каменные дворцы XI—XII вв. — КСИА УССР, 1952, вып. 1, с. 38.

13 Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 324.

14 Бривкалне Э. П. Городище Тервете и его историческое значение. — В кн.: Вопросы этничес-

Расписные стены богатых древнерусских жилищ, известных под наименованием повалуш, упоминаются в «Слове о богатом и убогом» (XII в.): «Ты же жи в домоу повалоуше испсав, а оубоги не имать, къде главы подклонити».[15] О назначении повалуш в литературе нет единого мнения. Их рассматривают в качестве неотапливаемых или складских помещений.[16] А. А. Шенников полагает, что повалуши Древней Руси являлись башнями, служившими для военных целей.[17] В работе Ю. П. Спегальского повалуша предстает в виде помещения богатого посадского дома.[18] Фрески новогрудского жилища не оставляют сомнения в том, что в нем вполне правомерно усматривать повалушу «Слова о богатом и убогом». Здесь кроме обломков керамики встречено еще около 300 находок. Вещи, среди которых немало раритетов и уникальных изделий, сочетаются с орудиями и инструментами ювелира (обломок тигелька, зубило, штампик), заготовками бронзы. В постр. 12 — одном из ранних строений богатого квартала — наиболее полно воплотились новые черты жилищ, занятых городской знатью. Они проявляются в большой площади дома, использовании кирпича, остеклении окон, обильном и богатом инвентаре. Постр. 18, соседняя с домом, где открыта фресковая роспись, превосходила его своими размерами. Величина, стеклянные окна и набор вещей (см. с. 44—46) сближают ее с жилищем 12. От постр. 3 сохранилось немногое. Однако и она принадлежала к числу богатых жилищ окольного города. Это подтверждается находками оконного стекла и вещей, среди которых есть прекрасный византийский кубок.

По остаткам жилищ второй половины XII в., принципиально не отличавшихся от построек предшествующего времени, устанавливаются некоторые новые детали строительства богатых домов.

После гибели постр. 12 площадку, занятую ее развалом, сделали ровной, засыпали песком и возвели на ней новое жилище (10) таких же размеров, от которого почти полностью сохранился нижний венец сруба. Печь находилась в северо-западном углу; другими словами, планировка постр. 10 была несколько иной, чем постр. 12. По обилию и богатству находок постр. 10 не уступает жилищу предшествующей поры; особенно выразительными оказались вещи, связанные с ювелирным делом (см. с. 73, 74).

Если постр. 10 заняла площадку, на которой в первой половине XII в. стоял «дом боярина», то постр. 5 возводится в пределах того же котлована, где находилось углубленное жилище 6. Это было наземное сооружение, хотя его пол несколько углублен. По численности вещей и их исключительному ассортименту постр. 5 принадлежит одно из первых мест среди богатых жилищ Новогрудка (см. с. 54—65).

В центре раскопа окольного города стояла постр. 1, в строительном развале которой открыты два полуциркульных оконных проема, сооруженных из глины с включением кирпича. В одном из них лежали куски оконного стекла. Эти проемы интересны как свидетельства устройства окон жилой постройки. Они указывают также и на то, что при сооружении жилища наряду с деревом, обмазанным глиной, использовалась глина с включенным в нее кирпичом.

Развалы постр. 7, 8, 16 и других жилищ, сооруженных в северной и центральной частях поселения во второй половине XII в., также остались от богатых домов. Об этом свидетельствуют как остатки домостроительства, так и инвентарь (см. с. 65—71, 81—85).

К последнему строительному периоду истории окольного города относятся всего три комплекса. Они сохранились еще хуже, чем жилища XII в. После того как в 70-х гг. XIII в. жизнь на окольном городе замерла, строительный материал, видимо, был попросту унесен.

По материалам постр. 9 — последнего, шестого жилища на северо-восточном участке окольного города — можно судить о новом строительном приеме. На этот раз в глину включался не кирпич, а камень-известняк. В постр. 4 печь была поставлена иначе, чем в нижележащих постр. 5 и 6. Она занимала юго-западный угол дома. Постр. 17 являлась скорее мастерской, чем богатым жилищем. Основную часть находок, обнаруженных при исследовании этого комплекса, составляли орудия и инструменты ювелира, а также заготовки из цветного металла. Здесь не было вещей, характерных для богатых жилищ. Единичные обломки стеклянной посуды могли попасть в постройку случайно.

Таковы археологические данные о богатых жилищах окольного города. В тех случаях, когда удавалось хотя бы приблизительно установить их контуры, выяснялось, что сооружения занимали большую площадь — 70—75 м².

кой истории народов Прибалтики. М., 1959, т. 1, с. 262, 264, рис. 9; Balodis F. Jersika. Rīga, 1940, p. 91, tab. XXII.

15 Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1902, т. 2, с. 994.

16 Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1872, с. 28—29; Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси. — ТГИМ, 1929, вып. 5, с. 16.

17 Шенников А. А. О происхождении и назначении повалуши. — В кн.: Геогр. о-во СССР. Докл. по этногр. Л., 1967, вып. 5, с. 47—51.

18 Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 114—127.

По-видимому, такие же размеры имели постройки, границы которых не удалось проследить.

В жилых комплексах XII—XIII вв. наблюдается та же ориентация, которая отличала постройки X—XI вв. и углубленное в материк жилище 6, относившееся уже к XII в. В XII—XIII вв. исследованная нами территория была заселена плотнее, чем в X—XI вв.; в сущности она застроена полностью. Жилища в это время возводились как на пустовавших ранее участках, так и на развалах разрушенных построек и культурном слое X—XI вв.

Дерево в жилищах сохранилось плохо, но оно служило основным строительным материалом. Косвенное свидетельство того — большое количество крупных гвоздей, лежавших в засыпи жилищ, и находки обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева. Глина в новогрудском домостроительстве применялась своеобразно: помимо обычного использования ее при возведении печей и для обмазки деревянных стен, в отдельных случаях часть стен жилищ делали из глины с включением кирпича (постр. 1) или известняковых плит (постр. 9). В устройстве глинобитных печей XII—XIII вв. много общего с соответствующими печами X—XI вв. Все открытые нами печи были бытового назначения, но они служили и для производственных целей.

Удивительная особенность жилых построек окольного города рассматриваемого периода — их остекленность. При раскопках найдено много фрагментов оконного стекла, которые нередко лежали вблизи углов домов. Судя по тому что встречены диски разных диаметров, можно полагать наличие в каждой оконнице трех-четырех стекол.

Оконные рамы домонгольского времени плохо известны даже и церковных постройках. Они сохранились в нескольких новгородских храмах XII—XIII вв.: в Нередице, Антониевом монастыре, Георгиевском соборе Юрьева монастыря.[19] Найдены также оконные рамы в Пятницкой церкви Чернигова [20] и Георгиевском соборе Старой Ладоги. В последнем оконная рама (1.3×0.6 м) была изготовлена из сосновых досок, скрепленных шпонками. В раме прорезано пять расширявшихся внутрь отверстий диаметром до 19 см.[21] Оконные диски новогрудских домов приближаются к этим размерам и даже превышают их. Можно полагать, что рамы построек, в которые были вставлены три-четыре стекла, не отличались от церковных оконниц. Находки оконного стекла вблизи углов домов нельзя считать простой случайностью. Видимо, часть окон прорубалась против печей, которые, как известно, чаще всего располагались в углах домов.[22]

Новогрудские стеклянные окна домонгольской поры тем более удивительны, что на Руси даже в XVI в. такие окна были редкостью. Многочисленные сообщения иностранных путешественников XVI—XVII вв. содержат известия, что в русских жилых постройках употреблялись «волоковые — задвигавшиеся доской — и слюдяные окна».[23] «До Петра Великого, — пишет И. Е. Забелин, — даже в царском дворце стекла не были в большом употреблении, их вполне заменяла слюда, известная с глубокой древности».[24]

Характеризуя древнерусские богатые дома, Н. Н. Воронин писал, что, возможно, они имели стеклянные оконницы.[25] Многочисленные находки оконного стекла в древнерусском Новогрудке превращают это предположение в твердую уверенность. Находки оконного стекла в Киеве известны давно.[26] К ним можно присоединить гражданское каменное сооружение со стеклянными окнами в Переяславе-Хмельницком.[27] Обломки оконных дисков найдены при раскопках Турова.[28] Судя по богатым находкам в этом городе (амфоры, византийское стекло и др.), нет ничего невероятного в том, что дома там тоже могли быть остеклены.

Крупные новогрудские наземные жилища (как, впрочем, и углубленное) были двухкамерными; печь в них находилась лишь в одной, большей стороне дома. П. И. Засурцев рассматривает такой тип жилой постройки как комплекс, состоявший из сеней и жилой части.[29] Иную трактовку пятистенных жилищ дает Ю. П. Спегальский; он полагает, что обе стороны дома являлись жилыми. В то время как одна часть обитателей дома находилась в боль-

[19] Воронин Н. Н. Жилище. — ИКДР, 1951, т. 1, с. 218.

[20] Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954). — СА, 1956, вып. XXV, рис. 7.

[21] Сапунов В., Драги А. Оконная рама XII в. из церкви Георгия в Старой Ладоге. — СГЭ, 1962, вып. 23, с. 15.

[22] Раппопорт П. А. Указ. соч., рис. 43.

[23] Основную литературу по этому вопросу см.: Штакельберг Ю. И. «Окончина слюдяная» из Старой Ладоги. — АСГЭ, 1965, вып. 7, с. 60.

[24] Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 1895, с. 138.

[25] Воронин Н. Н. Жилище, с. 218.

[26] Хойновский И. А. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, табл. X, *32*.

[27] Асеев Ю. С., Сикорский М. И., Юра Р. А. Памятник гражданского зодчества XI в. в Переяславе-Хмельницком. — СА, 1967, № 1.

[28] Полубояринова М. Д. Раскопки древнего Турова. — КСИА, 1963, вып. 96, с. 47.

[29] Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. — МИА, 1963, № 123, с. 54.

шей стороне жилища (с печью), другая использовала галерею, возведенную на втором этапе меньшей стороны и обогревалась теплом, шедшим от печи.[30]

Известно, что древнерусские жилища топились по-черному. В Новгороде такая система отопления существовала вплоть до XV в.[31] Лишь в Старой Рязани в постройке XII—XIII вв. предположительно имелся дымоход, выложенный из кирпича. Остатки глиняного дымохода найдены в Ленковцах (Черновицкая область).[32]

Мы сомневаемся в том, что большие жилища Новогрудка отапливались так же, как курные избы. Особенно, когда речь идет о постройке с фресками. Стоило ли расписывать стены дома для того, чтобы они покрылись копотью? Кстати, никаких следов копоти на найденных нами фресках и не было. Как уберегали помещение от дыма и копоти, мы, к сожалению, объяснить не можем.

Трудно представить себе, что интересующие нас постройки не были двухэтажными, хотя твердые археологические обоснования этого отсутствуют. На застроенной территории окольного города после гибели жилища место, которое оно занимало, немедленно выравнивалось, и здесь сразу же возводился следующий дом. Разумеется, в таких условиях исчезали вещественные признаки двухэтажности постройки. Богатый дом (и, в частности, постройка с фресковой росписью, стоявшая на краю окольного города) был рассчитан на то, чтобы выделяться не только своим внешним убранством, но и высотой, поэтому он должен был иметь не меньше двух этажей.[33] П. И. Засурцев полагает, что все большие дома в Новгороде были двух- и даже трехэтажными.[34] Двухэтажными сооружениями являются повалуши, реконструируемые Ю. П. Спегальским.[35]

Если бы в больших наземных домах окольного города XII—XIII вв. не было найдено никакого инвентаря, то и тогда их следовало бы считать постройками, принадлежавшими городской верхушке. Ведь возводились они с использованием кирпича и камня, имели стеклянные окна, а стены одного из домов покрывала даже фресковая роспись. Кроме того, в жилищах найдены необычные вещи: от двух до 10 амфор, дорогое оружие, восточновизантийская стеклянная посуда, разнообразные украшения и иные предметы роскоши. Вместе с тем в пределах жилищ производились ювелирные, косторезные и некоторые другие работы.

Между постройками XII—XIII вв. существует несомненная преемственность. Так, постр. 5 возведена в тех же границах, в которых находилась нижележащая постр. 6, и даже печь постр. 5 стояла приблизительно на том же месте, где и печь жилища предшествовавшего времени. Над постр. 5 в свою очередь была возведена постр. 4, хотя печь ее была поставлена в ином месте дома. Хорошо прослеживалась последовательность построенных друг над другом жилищ 10 и 12. Их размеры совпадали, а постр. 16 почти полностью занимала ту же площадь, на которой находилась постр. 18.

Между стоявшими друг над другом жилищами хронологических разрывов не отмечено. Их не было даже в тех случаях, когда жилища разделял слой песка, которым выравнивали площадку. Вещи из постр. 10 и 12, 16 и 18, а также других сменявших друг друга комплексов расчленить во времени очень трудно. Все они относились к XII—70-м гг. XIII в., а в тех случаях, как это было с постр. 4 и 5, когда строительные остатки стратиграфически четко не прослеживались, инвентарь их без труда можно было смешать. Только массовая керамика и отдельные вещи имеют более узкую хронологию.

Специфика богатых жилищ и существующая между ними преемственность не сделали, однако, жилища единообразными. Размеры постр. 10 и «дома боярина» совпадали, но по планировке они различались. Жилище 9, выстроенное на этом же участке, имело единственные в своем роде стены из глины с известняковыми плитами. Постр. 5 и 6 оказались одинаковыми по планировке, но нижняя была углубленной, а верхняя — наземной, со слегка углубленным полом. План постр. 4 — наиболее позднего сооружения данного участка — иной, чем постр. 5. Разнообразны типы печей богатых жилищ. Одновременно строились глинобитные печи с глиняным или кирпичным подом и печи с каменным сводом и подом, выложенным из кирпича. В сущности среди богатых жилищ окольного города Новогрудка невозможно выделить две совершенно одинаковые постройки. Все мало-мальски сохранившиеся комплексы имели индивидуальные черты.

Может показаться подозрительным, что решительно все вышеописанные нами постройки северной площадки и центральной части города XII—XIII вв. принадлежали городской знати. И тем не менее, за исключением постр. 17, все дома относились к числу богатых комплексов либо по характеру строительных остатков, либо

---

30 Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 133—134.
31 Засурцев П. И. Указ. соч., с. 36.
32 Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1950, № 49, с. 49; Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. — СА, 1970, № 4, с. 116.
33 Гуревич Ф. Д. Дом боярина. . ., с. 102.
34 Засурцев П. И. Указ. соч., с. 68.
35 Спегальский Ю. П. Указ. соч., с. 134.

по составу инвентаря, но чаще всего по тому и другому вместе. Это дает основание полагать, что исследованная нами часть окольного города представляла собой своеобразный квартал, застроенный исключительно богатыми домами.

Богатый квартал не был чужеродным в Новогрудке, а возник в итоге развития местной культуры. Некоторые признаки появления богатых домов на рубеже XI—XII вв. прослеживаются на материалах постр. 13 и в известной степени постр. 21, которые в свою очередь связаны с древнейшими жилищами посада. Преемственность рядовых и богатых построек проявляется и в том, что их владельцы занимались бронзолитейным делом и ювелирными работами в пределах жилищ. Причины, вызвавшие формирование этого нетипичного для древнерусских городов богатого квартала, пока остаются невыясненными.

Археологические материалы, относящиеся к домостроительству окольного города Новогрудка XII—XIII вв., подтверждают реальность письменных свидетельств об облике богатых жилищ. Выше мы уже приводили упоминание повалуши с расписными стенами в «Слове о богатом и убогом». Отметим также, что приобретает достоверность и указание Лаврентьевской летописи о «светлой храмине».[36]

В 1900 г. вышла в свет работа С. К. Шамбинаго, в которой автор систематизирует сведения былин, относящиеся к древнерусскому жилищу. Он считает, что в былинах запечатлены богатые дома XVI—XVII вв.[37] В свете новогрудского материала многие их черты, отраженные в былинах, обретают подлинность и для домонгольского времени. Так, былины изобилуют сведениями о стеклянных окнах: мать Добрыни «глядела в околенку стекольчату»; старуха глядела «. . .под то окошечко косивчито, как глядела во то стеколко хрустальнее».[38] Отец говорит своим детям: «Я срублю вам горницу новую, со светлым со стеклянным со окошком».[39] В былине о Дюке Степановиче герой говорит князю Владимиру: «Печи у тебя биты глиняны, а подики кирпичные».[40]

Богатые дома были сосредоточены в северной и центральной частях раскопа на окольном городе. Юг его в первой половине XII в. остается незастроенным, и там возникает кладбище, которое, однако, существует недолго. Потребности растущего города и ограниченность его укрепленной территории приводят к тому, что во второй половине XII в. над могилами возводятся новые жилища. Три постройки данного времени (28, 32, 35) почти вплотную примыкали к жилищам богатого квартала. Они сохранились плохо, но все же можно установить их некоторое сходство с богатыми домами. Остатки постр. 32 указывают на то, что это было срубное сооружение значительной площади, а в конструкцию его печи входили глина и кирпич. Количество вещей, найденных в указанных постройках, невелико, однако они весьма специфичны и говорят о том, что хозяева домов занимались обработкой цветных металлов. Кроме того, находки, характерные для жилищ богатого квартала (обломки амфор, стеклянных сосудов и др.), которые в этой части города крайне малочисленны, обнаружены либо в инвентаре постр. 28, 32 и 35, либо в непосредственном соседстве с ними. Таким образом, во второй половине XII в. территория, занятая богатым кварталом, несколько расширяется.

В некотором отдалении от богатого квартала открыты постройки, площадь которых, по-видимому, не превышает 30 м². Это были срубы наземных жилищ с остатками глинобитных печей. Кирпичей среди строительных остатков здесь не обнаружено. К инвентарю построек относились рядовая керамика, серп, отдельные инструменты и орудия труда, но не встречено находок, указывающих на занятие хозяев домов обработкой цветных или благородных металлов. Не найдено здесь и предметов роскоши, за исключением единичных и, видимо, случайно попавших обломков стеклянных сосудов.

В начале XIII в. застройка окольного города заметно сокращается. Вместо 12 построек предшествующей поры на территории богатого квартала насчитывается только три. Южная часть окольного города, как и столетием раньше, остается незастроенной и снова используется под кладбище.

В окольном городе XII—XIII вв. не было усадеб, столь обычных для древнерусских городов. Исключение представляет жилище 10, к которому примыкала хозяйственная срубная постройка. Для хозяйственных надобностей служили небольшие ямы, число которых в это время весьма невелико. Остается невыясненным, где и в каких условиях хранились съестные припасы жителей окольного города, что представляли собой их хлевы и другие подсобные помещения. Раскопки новогрудского детинца показали, что в XII—XIII вв. амбары и складские помещения были сконцен-

---

[36] ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 300.
[37] Шамбинаго С. К. Древнерусские жилища по былинам. — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 129—149.
[38] Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. М., 1940, т. 3, с. 47, 82.
[39] Шамбинаго С. К. Указ. соч., с. 137.
[40] Киреевский П. В. Песни. М., 1861, с. 104.

трированы на особом, привальном участке.[41] Надо полагать, что в окольном городе подобные постройки тоже были сосредоточены на специально отведенной территории в отдалении от жилищ.

Таковы данные домостроительства и истории застройки посада—окольного города древнего Новогрудка. Как ни фрагментарны строительные остатки, выявленные раскопками, несомненно, что население в X—XIII вв. строило разнообразные жилища. Это были рядовые постройки в виде наземных срубных и углубленных домов, а также большие и богатые двухкамерные сооружения, как углубленные, так и наземные. Специфика новогрудского домостроительства заключается именно в этих последних жилищах. Многое в их облике остается еще загадочным, но уже сам факт существования таких жилых построек представляет собой новую страницу в истории древнерусского жилища.

---

[41] Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 93—99.

Глава 2

Обработка цветных и благородных металлов. Вопрос о ремесленном объединении ювелиров XII—XIII вв.

Бронзолитейщики входили в число первоначальных жителей посада. Их потомки в XI в. также составляли определенную категорию ремесленников Новогрудка. С превращением посада в окольный город обработка цветных и благородных металлов становится ведущей отраслью ремесла. В постройках и за их пределами найдены разнообразный инструментарий ювелиров, литейные формочки и другое оборудование. Местную выплавку цветных металлов характеризуют отходы бронзолитейного дела в виде сплавов и капель бронзы, а в XII в. — золота. О выделке украшений свидетельствуют заготовки поделок, пластинки и обрезки бронзы, рубленое серебро и кусочки листового золота.

В Новогрудке найдено более 350 изделий из цветных и благородных металлов. Значительная часть их является продукцией местных ремесленников. Об этом можно судить по украшениям, отлитым в новогрудских формочках или сходным с ними. От некоторых нелитых изделий сохранились заготовки. Они включены в перечень местных вещей, так же как и отдельные, несложные для изготовления предметы. В химической лаборатории ЛОИА сделано около 25 анализов металла вещей и его остатков в тиглях. Идентичность состава металла в огнеупорах и некоторых новогрудских украшений служит еще одним из доводов в пользу местного изготовления изделий.

Характеризуя материалы, свидетельствующие об обработке цветных металлов и развитии ювелирного ремесла, мы обращаемся сначала к реалиям конца X—XI в., отражающим занятие бронзолитейным делом; они сосредоточены в жилых постройках и ямах, представляющих собой остатки производственных сооружений.

Единственная литейная формочка не имела литника. Заливка металла в такие формочки, положенные горизонтально, производилась сверху.[1] В постройках, ямах и культурном слое данного периода найдены обломки огнеупоров, бóльшая часть которых принадлежит небольшим тигелькам с округлым дном. Реконструировать их форму не представляется возможным, но, по-видимому, они относятся к обычным тиглям, характерным для лесной полосы.[2] Находки из ямы, исследованной в 1967 г., включают два крупных тигля с оплавленными наружными стенками. Изнутри сохранились следы металла. Спектральный анализ заполнения одного из тигельков с посада показал, что там находились бронза и цинк.

Наряду с литыми вещами в Новогрудке конца X—XI в. были и кованые украшения. О выработке кованых вещей можно судить по находкам пластин и обрезков бронзы, а также кусков бронзовой проволоки. Одна пластинка, подвергнутая анализу, оказалась медной. В предматериковом культурном слое встречен кусок рубленого серебра.

Вещей производственного и бытового назначения, сделанных из цветных металлов, немного. К ним относится большая игла. В постр. 14 найден остроконечник из хорошей латуни, который, возможно, употреблялся в качестве инструмента. В числе бытовых находок есть железные вещи со следами работы златокузнеца: ручка от котла (?) с медными заклепками из постр. 15 и ключ, инкрустированный бронзой.

Свыше 60 литых и кованых изделий — предметы убора и украшения. Сделанные из меди или латуни, они принадлежат к вещам, распространенным главным образом в северо-западных областях Древней Руси и Прибалтике. Только височные кольца со спиральным завитком являются характерными новогрудскими украшениями.

---

[1] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 147.

[2] Стоскова Н. В. Древнерусское литейное дело. Автореф. канд. дис. М., 1954, с. 10.

Материалы конца X—XI в. не оставляют сомнения в том, что жители занимались бронзолитейным делом и обработкой цветных металлов со времени основания Новогрудка. Они выплавляли цветные металлы, производили и кованые изделия. Новогрудским ювелирам была известна техника волочения, что показывают как заготовки проволоки, так и изделия из нее. Украшения орнаментировались пуансоном и зубчатым чеканом. Бытовые находки и украшения этого времени сделаны из меди и ее сплавов.

Изделия конца X—XI в. носят общерусский характер. Округлые пряжки, некоторые формы перстней, браслетов и другие украшения Новогрудка имеют многочисленные аналогии в древнерусских поселениях и могильниках. Вместе с тем ювелиры Новогрудка во многом вдохновлялись украшениями, характерными для Прибалтики: бронзовыми подковувидными пряжками, которые появляются там в VI—VII вв., спиральками, трапециевидными привесками, некоторыми формами перстней, браслетов и т. д.

Прибалтийские украшения, как привозные, так и сделанные местными ювелирами, были распространены во всех древнерусских городах Северо-Запада.[3] Проникновение техники обработки металла из Прибалтики в область, заселенную славянами, началось еще в конце I тыс. н. э. и прослеживается в инвентаре длинных курганов. Присутствие указанных украшений в длинных курганах В. В. Седов объясняет тем, что захоронения, в которых они были найдены, принадлежали балтийскому населению, попавшему под влияние славян.[4] Для И. И. Ляпушкина находки балтийских украшений в инвентаре курганов служат одним из доказательств неславянского происхождения памятников.[5]

В настоящей главе мы не касаемся проблемы этнической принадлежности длинных курганов и привлекли относящиеся к ним материалы лишь для того, чтобы показать, что влияние богатой металлической культуры Прибалтики на развитие ювелирного дела в Новогрудке имеет определенную традицию. В отдельных случаях новогрудские ремесленники не ограничивались буквальным воспроизведением прибалтийских украшений, а, как видно на примере височных колец, придавали им несколько иную форму.[6] Ювелиры конца X—XI в. изготовляли украшения для жителей близлежащих селений. В могильнике Коростово была найдена бронзовая кольцевидная пряжка с растительным орнаментом, а в кургане у д. Городиловки — височное кольцо со спиральным завитком и подковообразная спиралеконечная пряжка.[7]

С XII в. обработка цветных и благородных металлов становится преобладающей отраслью ремесла. В богатых жилищах и по соседству с ними найден разнообразный инструментарий ювелиров (см. с. 39—101). Общее число огнеупоров (тигли и льячки) в окольном городе — 25. Большинство тигельков остродонные. Они как будто не отличались от тигельков конца X—XI в. Параллели огнеупорам Новогрудка найдены в Новгороде, Друцке, Витебске, Белоозере [8] и других древнерусских городах. Плоскодонных тигельков было всего два. Емкость новогрудских огнеупоров крайне мала (4—8 см^3). Исключение — крупный тигель с «гребешком» из постр. 28. Среди льячек восстанавливаются три круглодонные с боковой ручкой. Литейные формочки XII—XIII вв. отличаются от таковых предшествующей поры наличием литников и отверстий для скрепления их штифтами.

Инструментарию бронзолитейщиков и ювелиров сопутствуют заготовки украшений, а также сплавы, пластины и проволока из бронзы и других цветных металлов. Сырьем для украшений из серебра служили сами серебряные вещи. Новогрудские ремесленники XII—XIII вв. выделывают и золотые изделия, а также инкрустируют металлические украшения вставками из цветного стекла.

К XII—XIII вв. относится около 30 железных вещей, инкрустированных бронзой или покрытых серебром: ножи, шпоры, ключи, безмен, булавка и т. д. Небольшую группу составляют медные и бронзовые предметы бытового назначения; некоторые формы их (иглы, остроконечники) неизменно бытуют с конца

---

[3] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41, рис. 16, *9*; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). — МИА, 1959, № 65, рис. 5, *1*, *3*, *4*; 6, *6—13*; Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова. — АСГЭ, 1962, вып. 4, рис. 53, *15*; 55, *20*; Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966, рис. 37, *29*; 45; Зверуго Я. Г. Указ. соч., рис. 14, *2—4*, *7—9* и др.

[4] Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — МИА, 1970, № 163, с. 103.

[5] Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — КДР, 1966, с. 130, 134.

[6] Павлова К. В. Об одном типе височных колец из древнего Новогрудка. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 120.

[7] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, рис. 90, *9*; 91, *2*.

[8] Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XVI вв. — МИА, 1963, № 117, с. 214; Алексеев Л. В. 1) К истории и топографии древнейшего Витебска. — СА, 1964, № 1, рис. 5; 2) Полоцкая земля, рис. 22, *2—6*; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, рис. 47, *7*.

X—XI в. Однако количество медных и бронзовых вещей, употреблявшихся в быту, невелико. Естественно, что цветные, а особенно благородные, металлы служили в первую очередь материалами для выделки предметов убора и украшений. Из цветных металлов производились и кресты-тельники.

Изменение ассортимента ювелиров в XII—XIII вв. по сравнению с предшествующим периодом находит свое отражение в табл. 17. В нее включены только материалы севера и центра посада—окольного города. Данные южной части поселения, пустовавшей в течение столетия, для этой цели непригодны.

Таблица 17. Изделия из цветных и благородных металлов

Наименование	Количество	
	конец X—XI в.	XII—XIII вв.
Пинцеты	—	1
Штампики	—	1
Иглы	1	5
Остроконечники	1	3
Сосуды	—	1
Грузики	—	3
Ручки, заклепки	—	22
Височные кольца	8	10
Серьги	—	6
Бусы	—	7
Бубенчики	10	15
Пуговки	1	17
Кресты-тельники	—	2
Пряжки	10	8
Булавки	—	3
Бляшки и другие части поясного набора	—	27
Орнаментированные накладки	—	13
Перстни	8	13
Браслеты	8	2
Поделки неопределенного назначения	—	1
Итого. . .	47	160

В табл. 17 констатируется неравномерное распределение вещей в определенной части окольного города домонгольского Новогрудка. Число изделий в XII—XIII вв. возрастает более чем в 3 раза. Некоторые виды украшений, в первую очередь возникшие под влиянием прибалтийских форм конца X—XI в., были популярны и в XII—XIII вв. Появились новые виды металлических украшений (височные кольца, серьги, бусы), а также части поясного набора. Любопытно, что только с XII в. новогрудские ювелиры начали изготовлять кресты-тельники. С этого же времени распространяются почти все медные, бронзовые и свинцовые изделия производственного и бытового назначения.

В ювелирном деле XII—XIII вв. заметно некоторое усовершенствование по сравнению с предшествующим периодом. На смену архаичной формочке, в которую расплавленный металл наливался сверху, приходят тщательно обработанные формы с литниками, вентиляционными каналами и отверстиями для штифтов. Значительно возрастает число изделий, сделанных из проволоки. Находки одинаковой в поперечном сечении проволоки позволяют судить о развитии техники волочения. Наличие украшений со стеклянными вставками и самих вставок указывает на то, что ремесленники Новогрудка научились инкрустировать металлические украшения стеклом. Нельзя забывать, что именно в это время увеличилось число железных изделий, украшенных бронзой и серебром, и появляются позолоченные украшения. Щипцы с клеймом из постр. 9 — доказательство клеймения части изделий.

Для изготовления украшений новогрудские ювелиры пользовались медью и ее сплавами в виде бронзы и латуни, а также свинцом и оловом. По заключению X. А. Моора, оловянные украшения распространялись в древности в значительно большем количестве и были более разнообразными, чем отражено в находках. В Киеве свинцовые украшения отливались в каменных и металлических формочках. Г. В. Штыхов отмечает, что оловянные изделия Полоцка подражали дорогим серебряным.[9] Часть украшений исполнена в серебре и золоте.

Медь и другие цветные металлы, а также серебро и золото были привозными. До сих пор неясно, какие земли поставляли цветные металлы для Северо-Запада нашей страны, где не было собственных месторождений. Думается, что Новогрудок, как и другие города Белоруссии, а также земли Прибалтики, пользовался сырьем с одной и той же территории. Впрочем, к данному вопросу мы еще вернемся. Неизвестно, в каком виде поступало сырье. Медеплавильные печи, открытые в Галиче и Крушвице,[10] свидетельствуют в пользу того,

---

[9] Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, 1950, вып. XIV, с. 224; Моора X. А. Об оловянных украшениях и их изготовлении в Прибалтике. — In: Munera archeologica Josepho Kostrzewski quinquagesum annum optimarum artium studiis deditum paragenti ab amicis collegis discipulus oblata. Poznań, 1963, с. 365; Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975, с. 63.

[10] Гончаров В. К. Археологічны даследжэння древнего Галича у 1951 р. — АП, 1955, т. 5, с. 25—26; Cofta-Broniewska A. Z zagadnień obróbku metali nieżelaznych. — SA, 1962, t. 9, s. 283—287.

что привозилась медная руда. Возможно, то же самое могло иметь место и в Новогрудке, хотя здесь и не обнаружено подобных печей. Трудно сказать, откуда привозилось и золото.

Общерусский характер продукции новогрудских ювелиров вряд ли вызывает сомнение. Бо́льшая часть вещей, о которых упоминалось выше, типична для древнерусских поселений и могильников. В это время гораздо меньше чувствуется прибалтийское влияние.

Совершенно необычна организация ювелирного ремесла в Новогрудке XII—XIII вв. В статье о новогрудских ювелирах мы уже высказывали предположение о том, что в указанное время они предстают в качестве ремесленников, зависимых от новогрудских купцов.[11] К такому заключению нас привела несхожесть условий труда ювелиров Новогрудка и златокузнецов других древнерусских городов. Все до сих пор известные мастерские представляют собой небольшие и небогатые полуземлянки или наземные постройки. Даже в том случае, когда ювелирная мастерская занимала значительную площадь, как это было в Новгороде,[12] она не может идти ни в какое сравнение с богатыми постройками Новогрудка. Представлялось маловероятным, чтобы владелец повалуши или другого богатого дома непосредственно занимался выплавкой цветных и благородных металлов или их холодной обработкой. Естественно, что зависимые ремесленники для своей работы должны были иметь специальные помещения. Однако таких помещений мы не нашли. Все процессы, связанные со златокузнечным делом, происходили в жилых постройках. Плавка металла производилась в обычных бытовых печах, около которых находили инструменты ювелира и тигли. Известно, что бытовые печи в Древней Руси лишь в виде исключения использовались для бронзолитейного дела. Так, в Киеве, на Киселевке, были открыты две полуземлянки. Под печи одной из них был ошлакован. Это означало, что в данной печи не только готовили пищу, но и плавили металл.[13]

Многочисленные мастерские, открытые в древнерусских и иных городах и поселениях, как правило, хорошо выделяются среди обычных жилых построек. Так, в Старой Рязани мастерской ювелиру служила одна землянка, а жил он во второй, соседней.[14] Литейные и ювелирные мастерские хорошо заметны в Райках, Вышгороде, Белой Веже и в других поселениях.[15] Прекрасные материалы, характеризующие древнерусское ювелирное ремесло, получены Т. Н. Никольской при раскопках Серенска — города, возникшего в земле вятичей.[16] Жилища нередко служили и мастерскими. Однако в тех случаях, когда они были совмещены, выплавка металла производилась в специальных горнах. Такой горн за пределами постройки открыт в Новгороде.[17] Ничего подобного не было в Новогрудке.

Объем ювелирных работ в новогрудских постройках невелик. Максимальное число тигельков в комплексах — не более семи. Литейных формочек найдено всего три. Для сравнения отметим, что в Полоцке на раскопе, площадь которого 1314 м^2, встречена 21 литейная формочка, относящаяся к домонгольскому времени; 11 формочек собрано и в Гродно.[18] В мастерской гданьского ювелира открыто около 50 тигельков.[19] Обращает на себя внимание минимальная емкость новогрудских тигельков — 4—8 см^3, в то время как полоцкие тигельки вмещали 30—50 см^3 расплавленного металла, а в Новгороде наряду с миниатюрными тигельками бытовали огнеупоры емкостью 100—150 см^3.[20]

Однако дело не только в том, что при повсеместном распространении ювелирного дела в Новогрудке удельный вес его был невелик. Характерно другое. Новогрудские ювелиры вырабатывали довольно простые изделия, и особенно украшения. Напрасно искать среди них изделия с зернью, филигранью, чернью и перегородчатой эмалью, которыми славились киевские и новгородские ювелиры, вызывавшие удивление современников.[21] Исследования последних лет показали, что шедевры ювелирного мастерства изготовлялись в древнерусском

---

11 Гуревич Ф. Д. Ювелиры древнего Новогрудка. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 20.

12 Рындина Н. В. Указ. соч., с. 226.

13 Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, с. 393.

14 Монгайт А. Л. Старая Рязань. — МИА, 1955, № 49, с. 59.

15 Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 99—109; Артамонов М. И. Белая Вежа. — СА, 1952, вып. XVI, с. 59; Голубева Л. А. «Квартал металлургов» в Вышгороде. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 25—33.

16 Никольская Т. Н. 1) Древнерусский Серенск — город вятичских ремесленников. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 76—79, рис. 24, *1—7*; 2) Кузнецы железу, меди и серебру от вятич. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 122—132; 3) Литейные формочки с надписями из древнерусского города Серенска. — СА, 1974, № 1, с. 237—240.

17 Рындина Н. В. Указ. соч., с. 226.

18 Штыхов Г. В. Указ. соч., с. 63; Воронин Н. Н. Древнее Гродно, с. 69—71.

19 Hołowińska Z. Wczesnośredniowieczne rzemiosło złotnice w Gdańsku. — GW, 1959, t. 1, s. 62, tab. VIII.

20 Штыхов Г. В. Указ. соч., с. 64; Рындина Н. В. Указ. соч., с. 213—214.

21 Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 237.

Полоцке.[22] В литье новогрудских мастеров XII—XIII вв. не наблюдается попыток создавать подражания богатым нелитым украшениям, как это характерно для древнерусского дела накануне монгольского завоевания не только в самом Киеве, но и в Вышгороде, Княжой Горе, Райках, Старой Рязани, Полоцке, Гродно и даже в маленьких городках бассейна Оки.[23] Бросается в глаза несоответствие между уровнем, а также объемом развития златокузнечного дела и тем набором вещей, который обнаружен в домах. Могли ли новогрудские ювелиры с их, если так можно выразиться, средним уровнем мастерства изготовлять продукцию, эквивалентную многочисленным амфорам или таким раритетам, как стеклянные сосуды? Ведь даже в домах киевских ремесленников, т. е. в центре Древней Руси, создававших выдающиеся образцы ювелирного ремесла, ничего подобного не наблюдалось. Известно, правда, что средневековые ювелиры были богатыми людьми, но богатство богатству рознь. Чем же тогда объяснить богатство хозяев больших домов? Разгадку возникновения богатых жилищ следует искать в причастности владельцев домов к обработке золота. Свидетельства о его обработке достаточно определенны. Это следы золота в тигельках, застывшая капля золота весом более 5 г, кусочки листового золота, а также отдельные виды украшений (бусы, серьги, цепочки, изделия с позолотой).

Разумеется, эти материалы далеко не полно отражают объем златокузнечных работ новогрудских ремесленников. Золотых дел мастера имели дело с редким и очень дорогим металлом. На всей территории Польши известно лишь небольшое количество золотых вещей. Их совершенно нет в составе кладов. По мнению З. Раевского, изделия из золота, доступные немногим представителям господствующего класса Польши, изготовлялись в первую очередь княжескими ремесленниками, находившимися под строгим контролем.[24] В многочисленных мастерских Древней Руси, известных по археологическим раскопкам, очень мало отражается процесс изготовления высокохудожественных вещей из драгоценных металлов, особенно золота. Разнообразные золотые вещи входили в древнерусский княжеско-боярский убор. В кладах, открытых в Приднепровье и землях Северо-Восточной Руси, представлены подлинные шедевры древнерусского ювелирного искусства, исполненные в золоте. Можно было ожидать, что в ювелирных мастерских тех земель, в которых были найдены эти замечательные вещи, сохранятся материалы, свидетельствующие об их выделке. Между тем следы деятельности золотых дел мастеров встречаются довольно редко.[25] Если бы обстоятельства сложились так, что клады, о которых идет речь, почему-либо не дошли до нас, то по данным мастерских невозможно было бы установить, чтó в действительности они собой представляли. В храмах Новгорода хранились уникальные культовые вещи из драгоценных металлов, сделанные местными ремесленниками. Однако в новгородских ювелирных мастерских нет следов выделки этих дорогостоящих вещей.[26] По-видимому, и в Новогрудке истинный размер продукции, изготовленной из золота, превышал число находок, демонстрирующих работу золотых дел мастеров. Раритеты в мастерских, как правило, не задерживались и сразу же поступали именитым светским или духовным заказчикам. Надо думать, что тщательно контролировалось и сырье, из которого изготовлялись драгоценности. Поэтому новогрудские материалы, неоспоримо указывающие на то, что здесь работали «кузнецы злату», сохранились, вероятно, в силу случайных обстоятельств.

Ремесленники богатого квартала снабжали рядовых горожанок массовыми украшениями из цветных металлов и серебра. Это хорошо подтверждают украшения, отлитые в литейных формочках, найденных в окольном городе, и заготовки вещей, соответствующих готовым изделиям. Часть ювелирной продукции (бляшки и т. д.) поступала окрестному сельскому населению.[27] В сферу деятельности новогрудских ремесленников входило также сочетание златокузнечного дела с кузнечным, на что указывают железные вещи с инкрустацией и платировкой. Вероятно, эти же ремесленники выделывали и бытовые медные, а также бронзовые вещи (иглы, ручки и др.).

В свете археологических материалов новогрудские ремесленники предстают ювелирами-универсалами, но богатство квартала созда-

---

[22] Алексеев Л. В. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. — СА, 1957, № 3, с. 224—244.

[23] Стоскова Н. В. Указ. соч., с. 10; Монгайт А. Л. Указ. соч., рис. 100, *5*; Штыхов Г. В. Указ. соч., с. 63; Воронин Н. Н. Древнее Гродно, рис. 34, *5*, *6*, *9—12*; Никольская Т. Н. Кузнецы железу. . ., с. 125.

[24] Raewski Z. Zagadnienie złotnictwa wczesnośredniowiecznego na zemiach polskich. — WA, 1954, t. 20, z. 1, s. 20.

[25] Каргер М. К. Указ. соч., с. 375—401; Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 133—153.

[26] Покровский Н. В. Древняя ризница новгородского Софийского собора. — В кн.: Тр. XV археол. съезда. М., 1914, с. 1—4, 42—47, 82—83; Седова М. В. Указ. соч., с. 223; Рындина Н. В. Указ. соч., с. 201.

[27] Гуревич Ф. Д. Древности. . ., рис. 79, *1*, *3*.

ется на основе собственно-златокузнечного дела. Отработка цветных и благородных металлов — не единственный вид ремесла, которым занимались жители богатого квартала. В небольшой мере здесь засвидетельствовано косторезное дело. О нем пойдет речь ниже (с. 141—144). В литературе существует мнение, что средневековые ювелиры сами изготовляли себе инструменты и орудия ремесла. В частности, Г. Ф. Корзухина предполагает, что киевские ювелиры сами резали литейные формочки.[28] Наши материалы ответа на этот вопрос не дают.

Существование богатого и в силу этого замкнутого квартала златокузнецов XII—XIII вв. на территории окольного города древнего Новогрудка позволяет предположить, что здесь могла возникнуть своеобразная ремесленная корпорация.

Более ста лет ведутся споры о возможности существования цехового строя на Руси. История этих споров изложена Б. А. Рыбаковым, который показывает, что сторонники и противники реальности древнерусских ремесленных объединений были лишены возможности подкрепить свои взгляды убедительными материалами.[29] Кроме того, отрицанию ремесленных корпораций способствовали укоренившиеся представления о том, что древнерусские города не являлись ремесленными центрами и отличались от средневековых городов Запада с их высокоразвитым ремеслом. Археологические исследования городов домонгольской поры, в итоге которых ремесленная деятельность их жителей предстает во всем своем многообразии, заставляют советских исследователей снова обратиться к историческим судьбам ремесленных корпораций в Киевской Руси. Советские историки опираются на известные положения К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривавших средневековые цехи как порождение феодального общества и феодального города,[30] и выделяют ранний период в истории древнерусских ремесленных корпораций, от которого не сохранилось документального оформления. В 1939 г. С. В. Юшков высказался в пользу существования цехов на Руси в домонгольский период.[31] Позже В. В. Стоклицкая-Терешкович, занимаясь проблемой многообразия средневекового цеха, пришла к выводу, что «цехи — характерное явление средневекового города, без которого его нельзя мыслить. Они имелись не только в Западной и Центральной Европе, но и в Польше, а также в Древней Руси».[32] Решительными сторонниками существования первичных ремесленных корпораций в Древней Руси являются Б. А. Рыбаков и М. Н. Тихомиров. Трудно себе представить, считают эти авторы, что Русь, окруженная государствами Западной Европы, Византии и Кавказа, где имел место цеховой строй, оставалась в стороне от такой формы ремесла. Элементы корпоративных объединений, по их мнению, можно усматривать в концентрации ремесленников на определенных территориях, что запечатлелось в наименованиях «Гончары», «Кузнецы», «Щитники» и т. д. Они рассматривают новгородские сотни как первоначальные ремесленные объединения, а в новгородских рядовичах видят представителей торгово-ремесленных корпораций.[33]

Б. А. Рыбаков выделяет ряд признаков, характерных для таких объединений XI—XII вв.: совместное поселение в городе по профессиональному признаку; существование в поселке ремесленников своей администрации, юрисдикции и военной организации; постройка патрональной церкви и совместные пиры ремесленников в определенные времена года.[34]

Анализируя знаки на кирпичах монументальных построек древнерусского Гродно, польский археолог В. Голубович пришел к выводу, что в этом городе существовала организация ремесленников, вырабатывавших кирпичи, а также возводивших здания из них.[35] Если это действительно так, то деятельность названной организации распространялась на соседний Волковыск, где знаки на кирпичах недостроенного храма XII в. идентичны гродненским.[36]

Возможность организации у ремесленников-гончаров («цехообразные объединения») предполагает Н. Н. Воронин,[37] а Б. А. Колчин считает, что подобные объединения могли иметься у древнерусских кузнецов.[38] Иных взглядов придерживается Н. Л. Подвигина применительно к Новгороду, отрицая возмож-

---

[28] Корзухина Г. Ф. Указ. соч., с. 232.
[29] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 729—737.
[30] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Собр. соч., т. 3, с. 23, 51; Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Там же, т. 20, с. 282, 284; Маркс К. Капитал. — Там же, т. 23, с. 352.
[31] Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 140.
[32] Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы средневекового города X—XV вв. М., 1960, с. 175.
[33] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 740—767; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 128—136.
[34] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 737—738.
[35] Hołubowicz W. Znaki rodowe i inne na przedmiatach z wykopalisk w Grodnie. — SA, 1948, t. 1, s. 580.
[36] Зверуго Я. Г. Указ. соч., с. 122.
[37] Воронин Н. Н. Поселение. — ИКДР, 1951, т. 1, с. 189—190.
[38] Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1953, № 32, с. 203.

ность существования объединений у новгородских ремесленников не только в домонгольское время, но и в более поздний период.[39]

Возвращаясь к богатому кварталу окольного города, попытаемся проследить, в какой степени наши материалы соответствуют признакам, которые, по Б. А. Рыбакову, характерны для раннего древнерусского ремесленного объединения. Существование квартала, в котором деятельность златокузнецов и ювелиров запечатлелась почти в каждой постройке (табл. 18), само по себе решает вопрос о расселении ремесленников по профессиональному признаку.

Из 16 жилых построек XII—XIII вв., раскопанных в богатом квартале, следов ювелирного ремесла не найдено только в трех: 2, 6 и 33, причем постр. 2 и 33 лишь частично были затронуты раскопками, и поэтому нельзя с определенностью сказать, что в них не производилась обработка цветных или благородных металлов. К этим данным следует присоединить материалы постр. 28, 32 и 35, сооруженных на территории кладбища во второй половине XII в. (см. с. 85—92). В постр. 28 встречены тигель и бронзовые пластины. Большое скопление оплавленной бронзы относится к постр. 32, а в постр. 35 обнаружены хорошие ювелирные ножницы, обломки бронзы и стеклянная вставка для перстня. Отметим также вещи из культурного слоя этого времени: литейную формочку, обломок тигелька, напильники, заготовки и др.

Итак, на территории окольного города в первой половине XII в. действовали четыре мастерские, во второй половине этого века их было шесть и еще три мастерские возникли в южной части площадки. В последний период истории окольного города существовали три ювелирные мастерские.

В свете археологических материалов территориальная общность новогрудских ремесленников неоспорима. В свое время Б. А. Рыбаков критически отнесся к мнению А. А. Мансурова, утверждавшего, что все жители Старой Рязани занимались определенными ремеслами, и упрекал его в методической неточности, отмечая, что он опирался не на комплекс находок, а на отдельные, иногда случайные вещи.[40] Вряд ли можно усомниться, что в окольном городе Новогрудка обработка цветных и благородных металлов в жилищах представлена именно комплексом находок. Ювелирным делом занимались в каждой богатой постройке, в том числе и в той, стены которой были расписаны фресками.

Таблица 18. Инструменты, заготовки и сырье бронзолитейщиков и ювелиров, найденные в богатых жилищах

Дата	№ постройки	Находки
Перв. пол. XIII—70-е гг. XIII в.	17	Обломки пяти тигельков, литейная формочка, ножницы для резки металла, обломки и заготовки бронзы, бронзовая проволока, точильный камень с желобком
То же	9	Тигелек, шипцы для клеймения изделий, куски оплавленной бронзы
»	4	Три тигелька, льячка, обломки бронзы и свинца, часть серебряной рубленой гривны, кусочек листового золота, три стеклянных вставки
Вт. пол. XII—	16	Тигелек, обрезки бронзы
рубеж XII—XIII вв.	10	Два напильника, два ювелирных молоточка, наковальня, клещи, скребок, поделка для пробивания отверстий, штампик, ступочка, обломки и обрезки бронзы
То же	8	Обломки и обрезки бронзы, стеклянная вставка
»	7	Заготовка из бронзы
»	5	Обломки пяти тигельков, литейная формочка, штампик, ювелирные щипцы, заготовки бронзовых подвесок, пластинки и стерженьки из бронзы, мелкие обломки листового золота, точильные камни с желобком, две стеклянные вставки
»	1	Пробойник, заготовка для привески, оплавленная бронза
Нач. XII в.—сер. XII в.	19	Заготовка бронзовой проволоки
	18	Обломки тигельков, напильник, обломки и обрезки бронзы, капля оплавленного золота, стеклянная вставка
То же	12	Тигелек, штампик, бронзовые пластинки
»	3	Тигелек

В археологической литературе известно немало ювелирных мастерских как в древнерусских, так и иных городах, но всюду они представляли собой единичные комплексы, выделявшиеся среди остальных построек. Ювелиры Киева, где это ремесло было особенно развито, группировались на дворе князя и на соседних с ним дворах киевской знати, а также в некоторых других местах.[41] На Неревском

[39] Подвигина Н. Л. К вопросу о существовании цехов в Новгороде конца XII—начала XV в. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 234—240.
[40] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 502—504.

[41] Каргер М. К. Указ. соч., с. 391—393.

конце Новгорода (вскрыто более 1 га) с X по XV в. существовало всего до 10 ювелирных мастерских. В Вышгороде, Старой Рязани, Белой Веже и прочих систематически раскапываемых памятниках мастерские по обработке цветных и благородных металлов были единичны.[42] Также редко встречаются ювелирные мастерские в Польше (Блоня, Крушвица, Гданьск).[43]

Если вопрос о территориальной общности ремесленников может быть разрешен средствами археологии, то путем раскопок невозможно выяснить характер юрисдикции и административного управления ремесленной корпорации. Есть лишь некоторые данные, позволяющие считать, что в богатом квартале имелось лицо, стоящее во главе объединения златокузнецов. Им мог быть хозяин повалуши, или «дома боярина». Постройка, стены которой покрывала фресковая роспись, до сих пор представляет собой уникальное явление в городском домостроительстве. По составу инвентаря повалуша — самое богатое жилище окольного города первой половины XII в. Ее владелец происходил из семьи ранних поселенцев посада, живших на одном и том же месте начиная с конца X в. Мы уже отмечали, что хозяин дома должен был играть главенствующую роль в окольном городе первой половины XII в.,[44] а в настоящее время считаем возможным конкретизировать свое предположение. Постройка, расписанная фресками, не принадлежала боярину. Ее владелец был «первым среди равных», иначе говоря, по-видимому, являлся главой новогрудской корпорации златокузнецов. Не исключено, что эта должность по крайней мере на протяжении XII в. передавалась по наследству. Постр. 10, воздвигнутая над повалушей, не уступала ей по ценности вещей. В ней найден наиболее полный в богатом квартале набор ювелирных инструментов; на полу лежали золотые предметы, изготовленные хозяином.

Обратимся к вопросу о военной организации ремесленников. Вал, воздвигнутый в окольном городе XII в., защищал его от внешнего нападения. В случае надобности новогрудские златокузнецы могли выставлять свое боевое подразделение, а также нести сторожевую службу. В каждой богатой постройке имелся набор железных стрел. В отдельных домах, кроме того, найдены меч, наконечники копий, кистень и защитное оружие (кольчуга и пластинчатый доспех). К предметам вооружения могли относиться также вещи, связанные со снаряжением всадника и боевого коня. Следовательно, в богатом квартале были все условия для создания своей военной организации.

Попытаемся, наконец, рассмотреть данные о военных пирах и постройках патрональной церкви, которые Б. А. Рыбаков считает внешними, но крайне характерными проявлениями ранних ремесленных корпораций. Пиры и пирушки являлись неотъемлемой частью жизни новогрудских ремесленников. Трудно найти постройку XII—XIII вв., в которой не было бы фрагментов причерноморских амфор, служивших тарой для вина. Встречены дома, где собрано до 10 амфор. Приверженность жителей богатого квартала к пирам наглядно демонстрирует выдающаяся коллекция стеклянных сосудов древнерусского и восточновизантийского происхождения; основная форма стеклянных сосудов — бокалы и кубки.[45] Эту сторону жизни характеризуют также местные образцы поливной посуды и обломки ближневосточных чаш и блюд, покрытых люстровой росписью.[46]

Несколько сложнее решить, имели ли новогрудские златокузнецы патрональную церковь. Остатки храма на территории окольного города пока не обнаружены. Тем не менее он должен был существовать. Как известно по материалам, опубликованным выше (с. 118), в южной части посада—окольного города в 1965—1967 гг. открыто 105 христианских погребений, которые указывают на то, что данная территория дважды была занята кладбищем: в первой половине XII в. и с начала до 70-х гг. XIII в. Бо́льшая часть погребений относилась к раннему кладбищу. В первой публикации, посвященной новогрудскому кладбищу, К. В. Павлова справедливо предполагает, что могилы располагались вблизи церкви и что наличие христианского кладбища на территории окольного города свидетельствует о существовании здесь храма.[47] В то же время новогрудское кладбище имеет и свои специфические черты. Погребения почти вплотную примыкали к жи-

---

[42] Голубева Л. А. «Квартал металлургов»..., с. 25—33; Рындина Н. В. Указ. соч., с. 225—226; Монгайт А. Л. Указ. соч., с. 59—60, 133; Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62, с. 66—69.

[43] Hołowińska Z. Op. cit., s. 58—62.

[44] Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 102.

[45] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, с. 15.

[46] Малевская М. В. Поливная керамика древнего Новогрудка. — СА, 1969, № 3, с. 201—202; Гуревич Ф. Д. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 35.

[47] Павлова К. В. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. — КСИА, 1967, вып. 110, с. 39.

лищам. Расстояние между могилами северной части кладбища и постр. 3, принадлежавшей, как можно судить по граффити на амфоре, Олексию, не превышает 20 м. С начала XII в. значительная часть окруженной валом и крайне ограниченной территории, столь нужной растущему городу, отводится под христианское кладбище. Между тем деды и отцы жителей богатого квартала были погребены в курганах, отстоящих от Новогрудка не менее чем на 1.5 км. Несомненно, что кладбище, открытое раскопками, не являлось общегородским могильником, каким в более древнее время служили курганы вблизи Новогрудка. Соседство богатых жилищ и кладбища оправдано лишь в том случае, если последнее предназначалось для узкого круга прихожан патрональной церкви — членов ремесленной корпорации. Это было привилегированное кладбище. По-видимому, завершив свой жизненный путь, владельцы богатых домов и члены их семей находили свой последний приют вблизи принадлежавших им жилищ. Если наша атрибуция новогрудского кладбища, просуществовавшего немногим более 50 лет, верна, то здесь были погребены златокузнецы и их семьи, населявшие богатый квартал в первой половине XII в. Раскопки территории всего кладбища, границы которого не удалось полностью установить, позволили бы выяснить численность жителей богатого квартала в это время. Христианство нивелирует погребения, лишая их вещей. Почти нет их и при костяках на кладбище окольного города. Только отдельные находки в виде серебряных бляшек, покрытых позолотой, и золотых нитей, которыми была расшита ткань, позволяют догадываться о принадлежности погребенных к зажиточной части городского населения.

В обязанности западноевропейских цехов входили забота об умерших собратьях по цеху и погребение их вблизи патрональной церкви.[48] Новогрудское кладбище как бы позволяет распространить эту особенность на раннюю древнерусскую ремесленную корпорацию.

Во второй половине XII в., в пору максимального расцвета богатого квартала, кладбище становится помехой для дальнейшего развития городской жизни. Оно, по-видимому, переносится в другое место. На территории кладбища возводятся новые постройки, и в их числе несколько домов ювелиров. В более позднее время (до 70-х гг. XIII в.) здесь снова было кладбище, на котором хоронили детей. Возможно, что оно тоже имело привилегированный характер. Кладбище могло располагаться на этой территории и тогда, когда богатого квартала уже не существовало.

Новогрудские погребения, лишенные инвентаря, казалось бы, важны преимущественно для антропологических изысканий, но в конечном счете христианское кладбище в сочетании с остальными материалами окольного города предстает в виде немаловажного археологического источника. По нашему мнению, это послужило надежным свидетельством существования здесь патрональной церкви, а привилегированный характер кладбища как бы подчеркивает замкнутость новогрудского богатого квартала. В немецких городах XIV—XV вв. местом церковных собраний служили не только церкви, но и кладбища.[49] Новогрудское кладбище, находившееся в тесном соседстве с богатым кварталом, представляет интерес и в данном плане.

Итак, археологические материалы окольного города древнего Новогрудка почти полностью подтверждают наличие раннего ремесленного объединения. Прибавим к этому строгую наследственность ювелирного ремесла. Семьи, владевшие постр. 4 и 5, 16 и 18, возведенными друг над другом, занимались обработкой цветных и благородных металлов на протяжении не менее 100 лет. Наиболее последовательно принцип наследования ремесла проявляется в семье, откуда, как мы предполагаем, вышел старшина ремесленной корпорации. Цветные металлы, а впоследствии и золото здесь обрабатывали начиная с первой половины XI в. (постр. 14) и вплоть до 70-х гг. XIII в. (постр. 9). Данная семья «кузнецов злату и меди» в общей сложности работала на территории посада—окольного города более 250 лет. В этих условиях возникает прочная семейная традиция, когда вместе с имущественными ценностями по наследству передается технология ремесла, совершенствующаяся от поколения к поколению. Передача ювелирного дела по наследству в средневековых городах хорошо прослеживается на археологических материалах Новгорода; за пределами Руси отметим данные Гданьска и Крушвицы.[50] Наследование ремесла — один из отличительных признаков западноевропейского цеха — было особенно распространено в среде золотых дел мастеров.[51]

В соответствии со всеми данными богатый квартал окольного города Новогрудка можно

---

[48] Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 747.

[49] Стоклицкая-Терешкович В. В. Указ. соч., с. 188.

[50] Рындина Н. В. Указ. соч., с. 226: Hołowińska Z. Op. cit., s. 58—59; Cofta-Broniewska A. Op. cit., s. 297.

[51] Karscher R. Das deutsche Gold und Schmiedehandwerk. Leipzig, 1911, S. 86.

рассматривать как своеобразную корпорацию древнерусского города. Нет необходимости подчеркивать важность археологических материалов, по-новому освещающих социальную организацию городского ремесла. Ценность этого материала состоит еще в том, что он позволяет проследить истоки ремесленного объединения. Объединение новогрудских златокузнецов возникает не под внешним влиянием, а создается в итоге длительного развития местной обработки цветных металлов. Горячей и холодной обработкой цветных металлов и серебра жители занимались со времени основания посада во второй половине X в. наряду с другими ремеслами. В XII в. с приобщением к обработке золота бронзолитейщики постепенно превращаются в золотых дел мастеров, жителей богатого квартала, где, по-видимому, и формируется первичное ремесленное объединение. Причем члены его занимаются и некоторыми другими ремеслами.

Возникновение ремесленных объединений не засвидетельствовано документами даже в странах Западной Европы с их классическим цеховым строем. Статуты цехов относятся ко времени существования развитых ремесленных корпораций. Проблеме генезиса западноевропейских цехов посвящена огромная литература. Они рассматриваются как простое продолжение поместной организации крепостных ремесленников (вотчинная теория), как видоизмененные религиозные братства или гильдии, а также как объединения, возникшие из потребностей рынка.[52] «Исторической науке не удалось создать вполне достоверные теории по вопросу о происхождении цехового строя»,— писал в 1911 г. Н. П. Грацианский.[53] Отсутствие письменных источников не может изменить данное положение и в настоящее время. Кроме того, нет и особой надежды, что такие источники появятся. В этих условиях особое значение приобретают археологические материалы, относящиеся к предыстории ремесленной корпорации.

Объединение новогрудских ремесленников возникает в среде златокузнецов, и это вполне понятно. Ювелиры, имевшие доступ к драгоценным металлам, составляли цвет ремесленного люда. Естественно, что в их среде должна была возникнуть передовая для своего времени социальная организация. Златокузнецы и ювелиры занимали привилегированное положение в городах Западной Европы, в частности в Германии. В Кёльне — центре золотоплавильного дела — цех златокузнецов являлся строго аристократическим объединением и пользовался большей независимостью, чем остальные ремесленные корпорации. Особое положение таких цехов подчеркивается тем, что доступ в них был ограничен. В Брауншвейге, Гамбурге, Ульме и других немецких городах в члены корпорации златокузнецов принимались только законорожденные ремесленники. Люнебургские и бременские цехи золотых дел мастеров состояли исключительно из немцев. В городской книге Аугсбурга ювелиры упоминались на первом месте.[54] Примеры такого рода можно без труда умножить.

Автор настоящей работы далек от мысли сопоставлять развитые западноевропейские цехи с организацией древнерусского города, находящейся на заре своей истории. Данные городов Западной Европы используются для того, чтобы отметить исключительное положение в обществе ремесленников, имевших дело с драгоценными металлами. Западноевропейские материалы помогают утвердиться в мысли, что богатство квартала окольного города Новогрудка возникло на основе ремесленной обработки золота, а это в свою очередь породило замкнутость златокузнецов и могло способствовать рождению ремесленной корпорации.

Объединение ремесленников на территории окольного города Новогрудка просуществовало недолго: с начала XII или рубежа XI—XII вв. до 70-х гг. XIII в. Новогрудок, не подвергшийся разграблению монголов, как будто не имел препятствий для того, чтобы зародившаяся на его территории ремесленная корпорация превратилась в зрелый цех. Тем не менее упадок богатого квартала, выразившийся в резком сокращении его застройки, не мог не отразиться на судьбе ремесленного объединения. После 70-х гг. XIII в. окольный город длительное время был малообитаем. Причины, приведшие к постепенному запустению этой богатой части города, следует связывать с политической обстановкой, которая сложилась в Черной Руси, и особенно в Новогрудке. Первые летописные известия о нем, относящиеся к 50-м гг. XIII в., сообщают об активной борьбе за Новогрудок, которую ведут волынские князья, а в более позднее время — и князья Литвы.[55] Совершенно очевидно, что стремление обладать городом проявилось значительно раньше и это пагубно отразилось на судьбе

---

[52] Полянский Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы. М., 1952, с. 44.

[53] Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях. Казань, 1911, с. 18.

[54] Karscher R. Op. cit., S. 55, 70, 84; Стоклицкая-Терешкович В. В. Указ. соч., с. 200.

[55] ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 816 сл.

окольного города, более доступного нападениям, чем хорошо укрепленный детинец, и в конечном счете привело к захирению богатого квартала и гибели формирующегося объединения златокузнецов.

Таким образом, данные, полученные в результате раскопок окольного города древнего Новогрудка, позволяют обосновать существование древнерусских ремесленных объединений. Они подтверждают правоту историков, отстаивающих взгляды на то, что в городах Древней Руси зарождались свои ремесленные корпорации. Они также обнадеживают, что при исследовании других древнерусских городов могут быть найдены новые материалы, свидетельствующие в пользу этого предположения. Возможно, что подобные материалы снова выявятся в среде златокузнецов и ювелиров, в силу специфики их ремесла, о которой говорилось выше. Следы таких объединений, естественно, могут сохраняться за пределами детинцев древнерусских городов, ибо территориальная близость к князю или другому феодалу лишала ремесленников независимости, без которой немыслимо возникновение корпорации.

Глава 3

Изделия из железа, кости, камня и других материалов

Много железных изделий хранилось в домах Новогрудка и в их ближайшем окружении. В итоге исследования посада—окольного города (площадь около 2000 м²) добыто свыше 2000 железных вещей. За вычетом примерно 300 аморфных кусков железа, количество новогрудских железных вещей составляет около 1700 предметов. Немногим больше — около 2000 изделий — извлечено в Белой Веже, где раскопанная территория достигала 10 500 м².[1] В древнерусском городе Воинь в 1956—1959 гг. было исследовано 7735 м² площади, а железных вещей при этом найдено около 1000.[2] По насыщенности железными находками Новогрудок можно сравнивать с Райковецким городищем, где при раскопках детинца (площадь 3000 м²), посада и близлежащих поселений встречено около 3500 железных изделий.[3]

Новогрудская коллекция железных вещей является благодарным источником для технологического и металлографического изучения. Однако это — предмет специальных занятий. В предлагаемой работе мы ограничиваемся типологической классификацией, иногда обращаясь к данным технологии и металлографии в качестве сравнительного материала.

О металлургических работах древних обитателей Новогрудка свидетельствуют крицы, найденные в печах-каменках. В ряде случаев крицы лежали в обычных кухонных горшках. Подобные явления наблюдались в Старой Рязани, в слое XI в. Москвы, на Пировом городище — древнем Ярополче,[4] а также в польских городах Ополе, Ленчица[5] и других местах. Б. А. Колчин полагает, что таким путем производилась цементация железа.[6]

Металлургия железа в Белоруссии имеет давнюю традицию. Небольшие печи для выплавки железа открыты еще на городищах со штрихованной керамикой (Лабенщина, Кимия, Оздятичи).[7] Болотная руда добывалась сравнительно просто. Наличие ее устанавливалось деревянными жердями, которые использовали в качестве щупов. Руду выкапывали деревянными лопатами.[8] На интересующих нас землях в с. Рудня (Варенский район Литовской ССР) еще в XVIII—первой половине XIX в. существовала железоплавильня, в которой из 1.5—2 пудов болотной руды добывали полпуда железа. Документы указывают, что население здесь издавна занималось добычей болотной руды.[9]

Мы не располагаем данными о том, где происходила варка железа, поступавшего в Новогрудок. В близко расположенном от него Волковыске у подножия городища открыты следы разрушенных домниц.[10] В древнерусских памят-

---

[1] Артамонов М. И. Саркел—Белая Вежа. — МИА, 1958, № 62, с. 11; Сорокин С. С. Железные изделия Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 140—141.

[2] Довженок. В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О. Древньоруске місто Воїнь. Київ, 1966, с. 25, 109—111.

[3] Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950, с. 18, 49—56, 144—146.

[4] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 210; Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 году. — КСИИМК, 1952, вып. 44, с. 117; Седов В. В. Древнерусское поселение близ города Вязники. — КСИА, 1961, вып. 85, с. 101.

[5] Piaskowski J. Hutnictwo, kowalstwo w reionie Łęczycy w XII—XIII w. — ZOW, 1959, t. 2, s. 101—102.

[6] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). — МИА, 1959, № 65, с. 14.

[7] Ляўдански А. Н. Да гісторыі железного промыслу на Палесьсі. Менск, 1933, с. 5, рис. 5.

[8] Zbierski A. Wczesnośredniowieczne górnictwo i hutnictwo w świetle materiałow z grodziska łęczyckiego. — SW, 1955, t. 3, s. 308.

[9] Lizdenis H. Rudnios geležies liejykla. — ILK, 1959, t. 2, p. 188—192.

[10] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. — Матер. по археол. БССР, Минск, 1957, вып. 1, с. 271.

никах металлургические работы производились обычно на посадах. Это особенно хорошо видно на примере южных поселений (Григоровка, Алчедар, Екимауцы).[11] Нельзя исключить и предположение о том, что металлургической базой Новогрудка служили окрестные поселения. При разведочных работах на близлежащей территории (в Городиловке, Черешле, Руде) встречены железные шлаки. Особенно много их найдено на селище Руда, где была открыта яма, сплошь заполненная шлаком.[12] Все свидетельства металлургии железа Новогрудка конца X—XI в. сводятся пока лишь к тому, что в пределах посада производилась его цементация. В это же время на посаде, по-видимому, существовало не менее двух кузниц: одна — в северной части, другая — в южной. Новогрудские крицы по размерам и весу (диаметр 10—12 см, вес более 1 кг) меньше криц южнорусских городов: Городска, Райков, Княжой Горы и Вышгорода.[13] Определенные приемы металлургии и существование кузниц — доказательства того, что основные железные изделия Новогрудка в указанный период выделывались на месте.

Набор железных изделий в жилищах невелик. Это единичные находки ножей, кресал, ключей и других вещей. Больше железных вещей появляется в постройках XI и рубежа XI—XII вв. Так, в жилище 21 было 13 находок, а в постр. 23 — 18.

Все, что нам известно о железных изделиях посада, дает основание считать, что жители, поселившиеся в Новогрудке в конце X в., имели сложившееся железообрабатывающее ремесло. Изделия являются общерусскими. Мастерство новогрудских ремесленников соответствовало требованиям своего времени. Около 25 наименований железных вещей, которые они производили, сделано с различной степенью сложности. Серп, долото, стамеска и другие предметы изготовлялись приемами обычной ковки, а иногда нуждались в сварке. Такие изделия, как сошник, ножницы и ключи, требовали применения зубила. Выделка топора была сложным делом, включавшим ряд операций.[14] Среди новогрудских вещей конца X—XI в. нет напильников, но некоторые изделия (стрелы, рыболовные крючки, острога, срезень, а также ключи) после ковки должны были быть обработаны с их помощью. Для заточки железных вещей новогрудские кузнецы широко пользовались точильными камнями из глинистого сланца или песчаника. Они разнообразных размеров: от миниатюрных с отверстием для подвешивания к поясу до брусков значительной величины. На всех точильных камнях имеются следы работы.

Выше (с. 128) говорилось о том, что новогрудские бронзолитейщики и ювелиры производили украшения, подражавшие прибалтийским изделиям. Заимствование прибалтийских форм проявляется еще и в том, что местные подковообразные пряжки исполнены не только в бронзе, но и в железе.

Все ли железные изделия, о которых идет речь, являются местной продукцией? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Некоторое сомнение внушает нарядный ключ с платировкой и нарезкой. Однако в кургане у д. Коростово под Новогрудком найдена более скромная аналогия этой вещи.[15] Можно думать, что новогрудские ремесленники выделывали ключи этой формы не только для жителей города, но и для обитателей окружающих сельских поселений. Новогрудские мастера конца X—XI в. умели соединять железо с цветным металлом (пример — ручка с медными заклепками), а также украшать металл нарезкой. Таким образом, и рассматриваемый нами ключ был скорее всего местным изделием.

Согласно мнению Б. А. Колчина, в железообрабатывающем ремесле городов Древней Руси выделяется ряд специальностей.[16] Возможно, что какая-то специализация была свойственна новогрудским ремесленникам конца X—XI в. Тот же автор полагает, что в эпоху Киевской Руси между городскими и сельскими ремесленниками существовало известное разделение труда: первые вырабатывали более совершенные орудия и инструменты, в то время как в деревне ковали сошники, гвозди, обручи для ведер и другие несложные изделия.[17] Мы не знаем, в какой мере это наблюдение применимо к Новогрудку, но несомненно, что некоторые виды вещей (ножи, пряжки и т. д.)[18] из окрестностей курганов и поселений, по-видимому, тоже являются продукцией новогрудских ремесленников.

Начиная с XII в. в Новогрудке исчезают даже те скромные следы металлургии, которые свойственны для предшествующего периода.

---

[11] Артамонов М. И. Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре. — СГЭ, 1955, вып. 7, с. 26—27; Федоров Г. Б. 1) Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. — КСИА, 1964, вып. 99, с. 81—84; 2) Посад Екимауцкого поселения. — КДР, 1965, с. 275—276.

[12] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 202.

[13] Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). — МИА, 1959, № 32, с. 44.

[14] Рыбаков Б. А. Ремесло. . ., с. 138.

[15] Гуревич Ф. Л. Древности. . ., рис. 96, *4*.

[16] Колчин Б. А. Черная металлургия. . ., с. 195.

[17] Там же, с. 193—194.

[18] Гуревич Ф. Д. Древности. . ., рис. 90, *1*, *2*, *10—12*; 96, *2—4*.

Таблица 19. Железные изделия

Наименование	Количество: конец X—XI в.	Количество: XII—XIII вв.
Крицы и шлаки	150	—
Зубила	1	6
Клещи	—	2
Шипцы	—	2
Ножницы для резки металла	—	2
Напильники	—	5
Ювелирные молотки	—	2
Ювелирные наковальни	—	2
Пинцеты	—	1
Скребки	—	2
Приспособления для пробивки отверстий	—	1
Штампики	—	1
Пилы	—	1
Топоры	1	3
Долота	1	6
Стамески	1	2
Сверла	—	3
Резцы	—	1
Скобели	—	1
Буравы (?)	—	1
Шилья	2	8
Ножи	41	113
Ножницы	5	7
Иглы	2	11
Кресала	2	1
Сошники	1	—
Серпы	2	—
Оковки лопат	—	2
Рыболовные крючки	3	3
Остроги	1	2
Гарпуны	—	8
Крюки для сетей	—	2
Ледоходные шипы	—	2
Безмены	—	1
Наконечники стрел	15	100
Копья и сулицы	—	3
Оковки колчана	1	—

Наименование	Количество: конец X—XI в.	Количество: XII—XIII вв.
Кистени	—	1
Ножны	—	2
Втоки	—	3
Доспехи	—	1
Кольчуги	—	1
Шпоры	—	21
Стремена	—	1
Удила и псалии	—	19
Подковы	—	3
Оголовья	—	1
Пластины от конского убора	—	~20
Гвозди	20	~580
Ключи	11	32
Замочные личины	—	1
Замки и их части	1	18
Скобы	14	26
Пробои	—	9
Дверные ручки	—	8
Дужки, оковки и ушки от ведер и бадей	16	63
Котлы	2	—
Цепи	—	3
Сковородки	—	1
Стили	1	7
Миниатюрные топорики	—	1
Булавки с кольцевой головкой	—	6
Пряжки	9	8
Поясные пластинки	—	~30
Подковки для обуви	—	4
Изделия неопределенного назначения	~20	>40
Итого. . .	~320	>1200

Не стало больше кузниц. Вместе с тем количество железных вещей возрастает примерно в 3 раза. В жилище 12 их найдено более 140, в постр. 10 — 57, в постр. 18— 72, в постр. 16 — около 80 и т. д. Такие массовые находки, как ножи, стрелы, ключи и др., в домах встречаются сериями (до 10 предметов одновременно).

При исследовании такого разнообразного вещевого материала, как железные изделия Новогрудка XII—XIII вв., существует опасность смешать вещи, сделанные на месте, с привозными, Ниже рассматриваются только те находки, которые, очевидно, изготовлены в Новогрудке. Включив в группу местных изделий наконечники стрел, мы отдаем себе отчет, что некоторые из них (в частности, срезни, типичные для монголов или арбалетные от самострелов) могли быть чужеземного происхождения. Но, во-первых, численность этих вещей незначительна, во-вторых, рассматривать их в группе привозных изделий также неоправданно.

Набор железных вещей XII—XIII вв. значительно изменился по сравнению с начальным периодом истории города. В табл. 19, как и в табл. 17, сопоставляются материалы только тех частей поселения, культурный слой которых не нарушен кладбищем (северной и центральной).

Железные изделия в ранних и поздних слоях Новогрудка домонгольской поры распределены неравномерно. От конца X-XI в. сохранилось примерно 320 вещей 26 наименований, в то время как в дальнейшем вещей становится более 1200, а наименований — до 60. Вещи XII—XIII вв., как и в начальный период истории Новогрудка, типичны для древнерусских поселений. Лишь в отдельных случаях параллели новогрудским находкам отмечены за пределами Древней Руси.

В ремесле XII—XIII вв. намечается несомненная преемственность с железообрабатывающим ремеслом конца X—XI в. Определенный набор вещей и в ряде случаев их форма остаются неизменными. Вместе с тем в XII—XIII вв. намечается повсеместное проникновение железных изделий в различные области хозяйственной и культурной жизни. Совершенствуется их выработка.

В богатых домах нет сельскохозяйственных орудий, бытовавших в постройках конца X—XI в. (за исключением оковок лопат), но намного больше орудий охоты. Вспомним множество гарпунов, редко встречающихся в других поселениях Древней Руси. Примечательно обилие предметов вооружения и их разнообразие. Количество вещей, принадлежавших воинам и относившихся к воинскому убору, превышает 140. XII век для Новогрудка — время появления в городе вооруженных всадников, оно отмечено внедрением шпор и специфического убора боевого коня. Железный безмен отражает изменения, происшедшие в торговле. Рост числа стилей свидетельствует о распространении грамотности. Наряду с обычными вещами в быт горожанина проникают изделия, рассчитанные на изысканный вкус. Ножи, ножницы, ключи, булавки, шпоры, удила и другие вещи украшены нарезкой, инкрустированы цветным металлом или покрыты листовым серебром.

Железные изделия XII—XIII вв. в отличие от вещей из цветных и благородных металлов выделывались за пределами богатого квартала. Его плотно стоявшие богатые дома исключали возможность горячей обработки железа в непосредственной близости от жилищ. В мастерских ювелиров нет следов обычных кузнечных и слесарных работ. Кроме единственной заготовки стрелы, отсутствуют материалы, позволяющие опровергнуть высказанное утверждение. Ювелиры богатого квартала могли соприкасаться с обработкой вещей из железа лишь в той мере, в какой труд кузнецов и слесарей связывался с работой златокузнецов, т. е. занимаясь инкрустацией и платировкой железных изделий. Обилие предметов из железа в домах новогрудских ювелиров служит одним из проявлений богатства хозяев дома. По этим находкам можно судить о златокузнецах как о потребителях продукции, изготовленной вне богатого квартала. В рядовых постройках окольного города (25—27) тоже нет данных о железообрабатывающем ремесле. Очевидно, все виды данной ремесленной деятельности, существовавшей на заре истории Новогрудка, не только имели место в XII—XIII вв., но и, судя по продукции, во многом усовершенствовались. Зрелое мастерство новогрудских ремесленников проявляется как в массовой продукции, так и в вещах, изготовленных по индивидуальному заказу. Специфика обработки железа, рассчитанная на удовлетворение запросов городской верхушки Новогрудка, сказывается в соответствующем ассортименте вещей (много предметов вооружения и изделий бытового назначения).

Говоря о специализации древнерусского железообрабатывающего ремесла, Б. А. Колчин полагает, что она могла существовать лишь в крупнейших русских городах: Киеве, Новгороде, Смоленске и др.[19] В Новогрудке, который не принадлежал к их числу, тем не менее наряду с кузнецами-универсалами должны были быть свои специалисты по изготовлению ножей, инструментов, стрел, уздечек и т. д. Большая коллекция железных вещей окольного города дает возможность выделить особую группу ремесленников высокой квалификации, работавших в Новогрудке. Местонахождение мастерских кузнецов XII—XIII вв. пока остается неизвестным. Надо полагать, что они размещались в той части окольного города, которая пока не раскопана.

Железообрабатывающее ремесло посада— окольного города, как показывают археологические материалы, развивается иным путем, чем ювелирное дело. В конце X—XI в. универсальная обработка железа производилась в тех же жилых и хозяйственных постройках, где осуществлялась выделка изделий из цветных металлов и серебра. В XII в. обработка железа выделилась в самостоятельную отрасль ремесла и территориально обособилась от корпоративно организованной деятельности златокузнецов. Вместе с тем железные вещи с инкрустацией и платировкой серебром и цветными металлами свидетельствуют о существовании определенных форм разделения труда между кузнецами и златокузнецами богатого квартала.

Возможно, что в XII—XIII вв., как и в более раннее время, ряд железных изделий (оковки бадей, ведер и др.) поставляли кузнецы окружающих сельских поселений. Новогрудок же в свою очередь снабжал деревню своей продукцией. Убедительным доказательством этого обмена являются ножи, ключи, ложкорез и некоторые другие железные находки на селище Городиловка.[20]

* * *

Резьба по кости выделяется в определенную отрасль новогрудского ремесла лишь на рубеже XI—XII вв. В первое столетие существования Новогрудка его косторезное дело имеет характер домашнего промысла. К концу X—XI в.

---

[19] Колчин Б. А. Черная металлургия. . ., с. 197.
[20] Гуревич Ф. Д. Древности. . ., рис. 76, *1*, *6*, *7*.

относится более 80 находок, отражающих это занятие. Одна треть их — обломки лосиных костей и рогов, а также заготовки вещей или незавершенные обработкой изделия. В редкой постройке не было одной-двух проколок или других орудий, сделанных из пястных или берцовых костей овец, а также грифельных костей лошадей.[21] Костяные орудия Новогрудка указанного периода столь типичны как для синхронных, так и для более ранних и поздних памятников славянского и соседнего с ним миров, что, описывая их, нет необходимости ссылаться на аналогии, которыми так богата археологическая литература. Рог в виде исходного сырья применялся реже, чем кость.

Продукция новогрудских косторезов была предназначена почти исключительно для хозяйственных надобностей. Косторезы Новогрудка конца X—XI в. не могли состязаться с резчиками по кости других поселений и городов как в Древней Руси, так и за ее пределами. Великолепные материалы Старой Ладоги дают исчерпывающее представление о том, что уже в IX—X вв. обработка рога и кости была отраслью сформировавшегося ремесла, а токарный станок появился там даже в VIII—IX вв.[22] Косторезные мастерские X—XI вв. известны в Киеве, Новгороде, Старой Рязани, Райках, Звенигороде[23] и других древнерусских городах. Яркими центрами косторезного ремесла были города Польского Поморья. В Колобжеге оно зародилось во второй половине IX в., Щецине — в конце IX в., а Волине — на рубеже IX—X вв. В Гданьске косторезное ремесло хорошо прослеживается начиная с X в.[24]

В Новогрудке XII—XIII вв. число обломков кости и рога, заготовок вещей и готовых изделий возрастает более чем в 3 раза. Основным видом сырья отныне становится рог. Части рогов оленей или лосей в небольшом количестве найдены почти в каждой постройке. Множество находок имеет следы опила. В ряде жилищ встречены изделия, незавершенные обработкой.

Вещи из рога и кости этого времени, за редкими исключениями, являются изделиями местной выделки. Такой вывод сделан на основании находок сырья и заготовок, появления многих инструментов, потребных в косторезном деле, более или менее одинакового качества выработки роговых изделий и определенных приемов их орнаментации.

Сопоставление находок из кости и рога двух указанных периодов в северной и центральной частях поселения см. в табл. 20.

Таблица 20. Изделия из кости и рога

Наименование	Количество	
	конец X—XI в.	XII—XIII вв.
Кость и рог со следами работы	7	24
Заготовки вещей	7	37
Проколки и шилья	15	19
Кочедыки	2	—
Иглы	2	1
Приспособления для сучения ниток	1	—
Приспособления для ткацкого стана (?)	—	2
Пряслица	—	1
Рукоятки и обоймы	—	11
Стрелы	—	1
Наконечники	3	10
Пуговицы	—	4
Гребни	—	25
Уховертки	—	3
Стили	—	1
Шахматные фигурки	—	1
Накладки	—	6
Просверленные клыки	1	—
Вещи неопределенные	1	6
Итого . . .	39	152

Превращение косторезного дела из домашнего промысла в отрасль ремесла сопровождалось увеличением объема работ и ассортимента изделий, переходом к интенсивному использованию рога и художественной обработке вещей.

В предшествующей главе упоминалось, что резьба по кости была единственным достоверным видом ремесла, которое в богатом квартале сопутствовало ювелирному делу. На причинах, способствовавших их сочетанию, мы остановимся ниже. Резьбой по кости занимались также и владельцы рядовых построек XII—XIII вв.

Наряду с маталлическими бытовали орудия, сделанные из костей домашних и диких животных. Рог для этого употреблялся очень редко. При изготовлении проколок и других орудий, как и прежде, пользовались топором и ножом. Более сложна выработка орудий труда из рога. Пряслица и предполагаемые приспособления

[21] Определения Н. М. Ермоловой.

[22] Д а в и д а н О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР). — АСГЭ, 1966, вып. 8, с. 114.

[23] Ш о в к о п л я с А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в Древнем Киеве. — КСИА УССР, 1954, вып. 3, с. 32; Р а т и ч О. О. Древньоруські вироби з кості і рогу, знайдені на території Галицької і Волинської земель. — Матер. досліджения з археол. Прикарпаття і Волині, Київ, 1959, т. 2, с. 130.

[24] C n o t l i w y E. Z badań nad rzemiosłem, zajmujacym sie obrobka rogu i kości na Pomorzu Zachodnym we wczesnym średniowieczu. — MZP, 1956, t. 2, s. 166—169; T a b a c z y ń s k a E. Obrobka rogu i kości. — In: Losiński W., Tabaczyńska E. Z badań nad rzemiosłem wczesnośredniowiecznym Kołobrzegu. Poznań, 1959, s. 71; H i l c z e r ó w n a Z. Rogownictwo gdańskie w X—XIV wieku. Gdańsk, 1961, s. 91.

для ткацкого стана обточены на токарном станке. Эти операции были необходимыми и при выработке стрел, наконечников, рукоятей и других поделок. Обоймочки, на которые шли тонкие окончания рогов, требовали для своего изготовления пилу, сверло и нож.[25] А. М. Шовкопляс восстановила процесс производства округлых пуговиц из трубчатых костей крупных животных. Он состоял из следующих операций: распила кости на маленькие квадратные пластинки, пробивки сквозных отверстий, придания пластинке округлой формы, нанесения орнамента и шлифовки.[26]

Наиболее трудоемким делом было изготовление гребней. Инструментарий костореза, занимавшегося выделкой гребней, наряду с орудиями, о которых упоминалось выше, должен был включать комплект пилок разных размеров, напильники, долота, молотки, наковальни, а также тиски. Последние в славянских странах неизвестны. З. Гильчерува полагает, что они напоминают тиски, обнаруженные в Хедебю.[27] Объемные костяные изделия Новогрудка — рукояти, шахматная фигурка и др. — обточены на токарном станке, применявшемся в Древней Руси уже в X в. (в Старой Ладоге им пользовались даже в VIII—IX вв.).[28] На 29 новогрудских изделиях нанесен орнамент в виде прямых, ломаных или перекрещивающихся линий, а также кружков. Если линии можно было нанести с помощью ножа или пилки, то для кружков требовался циркульный инструмент. Укажем, что железные циркули, используемые для этой цели, найдены в Польше (Бискупин, Ленчица).[29]

Хочется обратить внимание на то, что на отдельных новогрудских изделиях процарапаны знаки. На шахматной фигурке — стилизованный трезубец (см. с. 72); отлом навершия стиля не давал возможности воссоздать изображенный на нем знак, сохранились лишь пересекающиеся линии (с. 98). Любопытен знак на пластинке из постр. 18 в виде буквы *X*, в известной мере напоминающий такую же букву на ювелирных щипцах (с. 48). Это могли быть знаки ремесленника или собственника. Археологические материалы Новогрудка, отражающие определенное отставание косторезного дела в городе конца X—XI в., показывают, таким образом, что в XII в. оно превращается уже в отрасль ремесла.

Попытаемся ответить на вопрос, почему новогрудские златокузнецы наряду со своей основной профессией занимались обработкой кости и рога. При ремесленной организации косторезного дела немаловажное значение имеют способы поступления сырья. По мнению Ю. Костржевского, косторезы старались пользоваться рогами, сброшенными животными в лесу.[30] Это подтверждается материалами Гданьска, где лишь 38% рогов принадлежало убитым на охоте животным. В Волине в разной степени использовали оба способа добывания сырья. Ремесленники поморских городов в ряде случаев не могли сами заниматься добычей сырья и вынуждены были покупать его у охотников.[31] Жители богатого квартала имели в сущности даровое сырье. В городах Черной Руси, а в Новогрудке в частности, исключительно большую роль играла охота. В остеологических материалах этих городов кости диких животных составляют от 36 до 58%. Приверженность охоте в изобилии доставляла жителям богатого квартала рога как оленя, так и лося. Многие из них найдены на черепах животных, что свидетельствует в пользу того, что они действительно являются охотничьими трофеями.

В косторезном деле с успехом мог использоваться инструментарий ювелиров: напильники, молотки, наковальни и т. д. Топоры, ножи сверла, долота и ряд железных инструментов, которые имелись в богатых домах, также можно было употреблять для обработки рога и кости. Наконец, бронзовые гвоздики, скреплявшие пластины и гребни, были непосредственной продукцией ювелиров.

Развитию косторезного ремесла в Новогрудке XII—XIII вв. бесспорно способствовал расцвет этой отрасли на территории Белоруссии. Иноземное влияние сказалось в форме новогрудской шахматной фигурки, являющейся, по мнению историка шахмат И. М. Линдера, образцом классической восточной символики в шахматах.[32] Однако новогрудские косторезы не достигают тех высот художественного мастерства, которые свойственны в это время ремесленникам других городов Белоруссии: Минска, Мстиславля, Друцка, Лукомля, Гродно, Турова и Волковыска, — откуда происходят резные пла-

---

25 Tabaczyńska E. Op. cit., s. 94; Hilczerówna Z. Op. cit., s. 36; Cnotliwy E. Z badań. . ., s. 156.
26 Шовкопляс А. М. Указ. соч., с. 27—28.
27 Hilczerówna Z. Op. cit., s. 39—40.
28 Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге. — АСГЭ, 1970, вып. 12, с. 84.
29 Raewski Z. Wczesnośredniowieczny cirkel żelasny z Biskupina, pow. Żnin. — WA, 1956, t. 23, s. 208—210.

30 Kostrżewski J. Kultura prapolska. Poznań, 1949, s. 252.
31 Hilczerówna Z. Op. cit., s. 10—13; Cnotliwy E. Stan i problematika badań nad rogownictwem wczesnośredniowiecznym w Polsce. — MZP, 1964, t. 10, s. 230—231.
32 Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975, с. 79.

стины для колчанов, нарядно орнаментированные рукояти и иные превосходные вещи.[33]

В 1965 г. мы отмечали сходство музыканта новогрудской уховертки с волковысским барабанщиком. И действительно, обе фигуры выполнены в одной манере. Лица их безусы и безбороды. Прямые волосы покрыты плоскими, надвинутыми на лоб шапками, а одеждой служат рубахи, широкими сборками спускающиеся до колен и перехваченные поясом. Создается впечатление, что изображения, найденные в двух разных городах, сделаны рукой одного и того же мастера. В ряду этих изделий находится и лукомльская шахматная фигурка короля.[34] По-видимому, на территории Белоруссии в XII—XIII вв. работали косторезы, специализировавшиеся на изготовлении вещей для городских верхов. И вполне возможно, что уховертка с изображением музыканта является изделием такого мастера.

Косторезное дело, долго находившееся на положении домашнего промысла, оформляется в отрасль производства только с возникновением богатого квартала. Оно является как бы побочным ремеслом новогрудских ювелиров XII—XIII вв. Этот вид производственной деятельности, очевидно, не играл большой роли в хозяйственной жизни города. Неясно, куда сбывались вещи из кости и рога, кроме тех, которыми пользовались сами владельцы богатых домов. На территории новогрудского детинца, судя по заготовкам рога и кости, работали свои ремесленники, обслуживавшие князя и его окружение. На селище Городиловка, снабжавшемся ремесленной продукцией Новогрудка, совсем не найдено изделий косторезов.

* * *

Попытаемся рассмотреть некоторые группы изделий, которые, вероятно, в конце X—XI в. вырабатывались на территории посада, а в более позднее время изготовлялись новогрудскими ремесленниками за пределами раскопанной нами территории. К этим изделиям относятся вещи из дерева, камня, янтаря и других материалов.

Косторезное дело сопряжено с обработкой нескольких материалов. Общеизвестна связь, существовавшая в приемах работы над костью и деревом. Топоры, ножи, сверла и иные инструменты и орудия, в которых нуждались косторезы, были столь же необходимы древоделам.[35] Не менее тесной была, по-видимому, связь косторезного ремесла с обработкой камня и янтаря. На каменной литейной формочке и янтарном крестике из Гродно сохранились следы пробы циркулем[36] — одним из основных инструментов костореза. Поражает сходство двух шахматных ладей: одна, из рога, найдена в Волковыске; вторая, из светлого камня, — в Гродно. Обе ладьи сходны почти во всех деталях, изображают реальные суда, на которых находятся воины, держащие миндалевидные щиты. Суда покоятся на ножках с прямоугольными подставками.[37] Вполне возможно, что обе превосходно исполненные фигурки, обнаруженные в соседних городах, сделаны одним мастером. Обильные материалы, свидетельствующие о сочетании косторезного дела и обработки янтаря, получены при раскопках Колобжега и Волина. В последнем, кроме того, в тех же мастерских, где изготовлялись изделия из рога и янтаря, происходила обработка камня.[38]

В какой мере обработка дерева, янтаря и камня отразилась в материальной культуре Новогрудка? Специфические особенности почвы окольного города, почти не сохраняющей дерева — этого основного материала жителей лесной полосы, крайне обедняют наши представления о деятельности плотников, бондарей, столяров и иных мастеров-древоделов. Об их работе можно судить лишь по разнообразным инструментам для обработки дерева, неоднократно упоминавшимся выше. Плохая сохранность дерева в постройках не может поколебать уверенности в том, что именно оно было основным строительным материалом не только для рядовых, но и для богатых жилищ Новогрудка. Косвенными свидетельствами бытования ведер, бадей, кадушек и другой клепаной деревянной утвари являются железные ушки, дужки и обручи, встреченные как в нижнем, так и в верхнем горизонтах домонгольского Новогрудка. Все эти вещи типичны для широкого круга славянских памятников.[39]

Как ни фрагментарны новогрудские деревянные изделия, несомненно, что в них запечатлены работы в рамках домашнего промысла (выделка утвари) и труд ремесленников, освоив-

---

[33] Алексеев Л. В. Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии. — СА, 1962, № 4, с. 197—207; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Минск, 1975, рис. 18.

[34] Гуревич Ф. Д. Изображения музыкантов в Древней Руси. — СА, 1965, № 2, с. 276; Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 гг. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, рис. 18.

[35] Рыбаков Б. А. Ремесло. . ., с. 413.

[36] Воронин Н. Н. Указ. соч., рис. 34, *6*.

[37] Тарасенко В. Р. Указ. соч., рис. 13; Воронин Н. Н. Указ. соч., с. 75—76, рис. 37.

[38] Tabaczińska E. Op. cit., s. 94; Cnotiwy E. 1) Z badań. . ., s. 162—163; 2) Wczesnośredniowieczne wyroby kamienne ze stanowiska 4 w Wolinie. — MZP, 1959, t. 4, s. 232.

[39] Орлов С. Н. Деревянные изделия Старой Ладоги. Автореф. канд. дис. М., 1954; Barnycz-Gupieniec R. Naczynia drewniane z Gdańska w X—XIII wieku. Łodz, 1959, s. 13—20, 33—40.

ших токарный станок и занимавшихся художественной обработкой дерева (резные пластины).

Среди новогрудских находок имеется более 20 сравнительно небольших кусков янтаря. За исключением обломка из постр. 21 и единичных находок в культурном слое, все остальные куски датируются XII—XIII вв. Цвет янтаря везде один и тот же — красновато-коричневый. Готовых изделий всего шесть (бусины и перстни). Обработка янтаря в Новогрудке началась в XII в., но эта отрасль ремесла по получила большого развития. Где и как проводилась обработка янтаря, по существующим материалам установить невозможно. Что касается единичных его кусков, встреченных в постройке XI в. и культурном слое, то это вряд ли было сырье, предназначенное для выделки украшений. Янтарь, которому в древности приписывали целительные свойства, здесь скорее играл роль амулета.

Более обширны материалы, отражающие камнерезное дело Новогрудка. Кроме привозных шиферных изделий, основная масса каменных вещей сделана из глинистого сланца и песчаника, характерных для Белорусской моренной гряды, в состав которой входит и Новогрудская возвышенность. Продукция камнерезов конца X—XI в. представлена точильными камнями, жерновами, одной литейной формочкой и пряслицами. Среди новогрудских точильных камней совсем нет крупных, пригодных для заточки таких орудий, как серпы, топоры, косы и др. На них точили ножи, ножницы и иные небольшие орудия и инструменты. Существует мнение, что точильные камни изготовляли косторезы.[40] Каменные жернова Новогрудка не отличаются от многочисленных находок в древнерусских городах, а также в городах Польши (Ополе, Волин и др.)[41] Литейная формочка, найденная в постр. 21, сделана из известняка, т. е. из мягкого камня. Русские кустари даже в XV в. резали мягкие камни ножом, выделывая при этом затейливые изделия.[42]

Развитие ремесла в Новогрудке XII—XIII вв. вызвало необходимость широко использовать точильные камни. Количество их намного возросло. Появились камни с желобком, приспособленные для заточки ювелирных инструментов.

В ассортимент каменных изделий XII—XIII вв. входили литейные формочки. Местные каменные пряслица в этот период почти полностью были вытеснены привозными шиферными. Новым видом изделий являются каменные кресты-тельники. Производство точильных камней и пряслиц, по-видимому, и в XII—XIII вв. было отраслью домашнего промысла. Немало усилий шло на то, чтобы просверлить отверстие в грузиле (постр. 9). Изготовление каменных крестиков, особенно граненых, требовало более тонкой работы. Лучшими изделиями местного камнерезного дела были три литейные формочки из постр. 5, 17 и культурного слоя. Они уступали мастерски сделанным ювелирным формочкам Киева, Новгорода, Полоцка, Гродно[43] и других городов, но и им свойственны резьба, тщательная обработка и гладкая полированная поверхность, необходимая для соединения обеих половинок формы. Нам неясно, кто резал новогрудские литейные формочки: сами ли ювелиры, как это предполагает Г. Ф. Корзухина применительно к киевским «имитационным» формочкам,[44] или другие мастера, пользовавшиеся тем же набором инструментов, который был нужен для обработки камня. Несомненно лишь, что они сделаны местными ремесленниками.

В камнерезном деле XII—XIII вв. нет такой разительной перемены по сравнению с более ранним временем, которая наблюдается в обработке цветных металлов и железа, а также в резьбе по кости. Однако имеется некоторое различие и в количестве вещей, и в их ассортименте.

За исключением крестов-тельников, все каменные поделки являются орудиями труда. Вероятно, большая работа, необходимая для создания изделий из камня, препятствовала использованию этого материала для других нужд.

В Новогрудке не сохранилось материалов, характеризующих гончарное производство. Единственный источник, отражающий эту отрасль ремесла, — сама керамика. Новогрудская коллекция керамики X—XIII вв., насчитывающая более 14 000 фрагментов, служит

40 Cnotliwy E. Wczesnośredniowieczne wyroby. . ., s. 232.

41 Рыбаков Б. А. Жернова Вщижского городища. — КСИИМК, 1945, вып. 11; Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958, т. 1, рис. 135; Cnotliwy E. Wczesnośredniowieczne wyroby. . ., rys. 1; Jamka R. Szegolowesprawozdanie z prac wykopaliskowych w Opolu na okres 1948—1949. — MW, 1951, t. 1, rys. 17.

42 Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. М., 1961, т. 2, с. 123.

43 Рыбаков Б. А. Ремесло. . ., с. 424; Каргер М. К. Указ. соч., табл. XVIII; Рындина Н. В. Технология производства новогрудских ювелиров X—XV вв. — МИА, 1963, № 117, рис. 9, *10*; Штыхов Г. В. Древний Полоцк. Минск, 1975, рис. 32; Воронин Н. Н. Указ. соч., рис. 34, *9*, *11*, *12*.

44 Корзухина Г. Ф. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. — СА, 1950, вып. XIV, с. 232.

предметом специального изучения М. В. Малевской.[45] Мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями. Обращает на себя внимание, что керамика первых насельников посада была кружальной. Фрагменты лепной керамики единичны. Таким образом, жители посада появились здесь со своим сложившимся керамическим ремеслом.

Сосуды XII—XIII вв. из богатых домов не более нарядны, чем керамика предшествующего времени. Иначе говоря, в обиходе жителей богатого квартала была такая же массовая посуда, какой пользовались остальные горожане. Новогрудские гончары, по-видимому, не занимались выделкой парадных неполивных сосудов. Потребность в парадной посуде удовлетворялась за счет местной поливной керамики[46] и привозных фаянсовых и стеклянных сосудов.

Пока не решен вопрос о том, является ли массовая керамика окрестных поселений продукцией новогрудских или сельских гончаров. Форма и орнамент керамики Новогрудка и селища Городиловка идентичны, и ответ на интересующий нас вопрос во многом зависит от сравнения состава глины, из которой сделаны сосуды обоих поселений.

На территории богатого квартала найдено 180 фрагментов поливной керамики, принадлежавших не менее чем 50 сосудам. За пределами этого квартала встречены лишь единичные фрагменты. По сорту глины, рецепту поливы и ассортименту изделий новогрудская поливная керамика делится на красноглиняную и белоглиняную. Формы красноглиняной керамики довольно разнообразны: горшки, сосуды, близкие к биконическим, крышки, чаши, блюда, светильники или кубки и сосуды с полой ручкой и обращенным вниз раструбом. Из белой глины сделаны кувшины и миниатюрные горшочки. Найден также сосуд с вертикальным горлом. Цвет поливы — зеленый, желтый и коричневый. Петрографический анализ поливной и неполивной посуды и некоторые другие признаки свидетельствуют о том, что она происходит из двух мастерских, существовавших в самом Новогрудке.

В новогрудской поливной посуде прослеживаются некоторые связи с сосудами городов Поднепровья, в частности Киева, и вместе с тем есть общие черты с поливной керамикой древнерусских городов на территории Белоруссии (Гродно, Волковыск, Друцк).

Поливой покрывалась не только посуда — найдены красноглиняные половые плитки, покрытые желтой и зеленой поливой.

К некоторым глиняным изделиям, связанным с ювелирным делом (тигельки, льячки и др.), нам уже приходилось обращаться (см. с. 128). М. А. Безбородов, изучивший тигли из стеклоплавильных мастерских Киева и Галича, установил, что при их изготовлении древнерусские ремесленники среди разнообразных глин, имеющихся в природе, умели выбирать полукислые огнеупорные сорта.[47]

Бóльшая часть пряслиц конца X—XI в. также сделана из глины. К этому времени относится около 50 лощеных и шероховатых пряслиц. Они имели хождение до XI в. В XII в. ими пользовались, по-видимому, только в рядовых постройках. В постр. 26 найдена заготовка для такого изделия. Иногда встречаются пряслица, сделанные из стенок сосудов. Обнаружена заготовка из стенки обычного горшка; для другого экземпляра материалом послужила стенка амфоры. Выделка пряслиц, как глиняных, так и керамических, — один из домашних промыслов.

Возведение богатых жилищ, в конструкцию которых входил кирпич, а особенно строительство храма Бориса и Глеба на возвышенности, соседней с окольным городом, несомненно требовали собственной выделки кирпичей. Прибавим к этому, что на некоторых из них сохранились знаки, нанесенные на необожженную поверхность. Таким образом, в число городских ремесленников древнерусского Новогрудка XII—XIII вв. включаются кирпичники-плинфоделатели.

Печи для обжигания кирпичей, открытые в Суздале, Смоленске, а также Волковыске, представляли собой сложные сооружения, возникшие вблизи возводимых храмов.[48] В 1973 г. еще одна подобная печь обнаружена в Смоленске.[49] Печь в Новогрудке тоже, вероятно, стояла где-либо недалеко от храма Бориса и Глеба. Часть ее продукции использовалась и в домостроительстве.

---

[45] Малевская М. В. 1) К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель в XII—XIII вв. — КСИА, 1971, вып. 125, с. 27—31; 2) Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики). — КСИА, 1972, вып. 129, с. 14—17.

[46] Малевская М. В. Поливная керамика древнего Новогрудка. — СА, 1969, № 3, с. 194—202.

[47] Безбородов М. А. Древнерусские стекла и огнеупорные изделия. — КСИИМК, 1956, вып. 62, с. 73.

[48] Варганов А. Д. Обжигательные печи XI—XII вв. в Суздале. — КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 49—54; Пех Г. И. Раскопки в Волковыске в 1958 г. — СА, 1963, № 1, с. 233; Юшко А. А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске. — КДР, 1966, с. 307—312.

[49] Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. — АО 1973 г., 1974, с. 76.

В домонгольском Новогрудке было много стеклянных вещей. В конце X—XI в. — это бусы и единичные перстни; в XII—XIII вв. появляются многочисленные браслеты, перстни, вставки для перстней и иных украшений, а также разнообразная посуда. Раскопки дали и куски ошлакованного стекла.

Было бы очень заманчиво найти в Новогрудке следы местного стеклоделия. На этот путь встал Б. А. Шелковников, считавший, что сосуды из разноцветного стекла и расписанные золотом, эмалью, обнаруженные в Новогрудке, производились здесь же. Доказательством, по его мнению, является то, что в окольном городе открыты печи, не связанные с жилищами, а также тигли и стеклянные браслеты.[50] Однако Шелковников ошибался. Изолированно стоявшие печи, которые он считает приспособленными для стекловарения, на самом деле были обычными бытовыми печами, уцелевшими при разрушении жилищ. Тигли служили исключительно для плавки металлов. Весьма сомнительно также, что в Новогрудке имелась собственная мастерская по выделке стеклянных браслетов. При местном изготовлении этих украшений они должны были бы встречаться в слоях конца XIII—XIV в., хорошо представленных на детинце, поскольку Новогрудок не пострадал от монгольского нашествия. В Новгороде и Полоцке, которые не были разгромлены монголами и где действительно выделывались стеклянные браслеты, такие изделия распространялись вплоть до XIV в. Между тем в Новогрудке стеклянные браслеты полностью исчезают после 70-х гг. XIII в. Что касается ошлакованного стекла, упоминаемого Шелковниковым, то это была оплавившаяся в пожаре стеклянная посуда.[51]

Перечень ремесел, представленных в Новогрудке, мог бы быть намного полнее, если бы в земле окольного города сохранялись органические остатки. Мы лишены возможности охарактеризовать такие несомненно существовавшие отрасли городского ремесла, как выработка кожи и сапожное дело. При раскопках на детинце встречены фрагменты кожаной обуви со следами швов и отверстий, обрезанные лоскуты кожи и ремешки. Шилья, ножи, иглы и некоторые другие находки могли также применяться и в сапожном деле. Однако все эти материалы крайне незначительны и не дают возможности сделать на их основании сколько-нибудь серьезные выводы.

Многогранная деятельность новогрудских горожан проявляется различно. В конце X—XI в. обработка железа, цветных металлов и серебра в новогрудском посаде — отрасли ремесла, что хорошо подтверждается находками, отражающими определенные этапы выделки тех или иных изделий. Деятельность гончаров представлена исключительно готовой продукцией, которая тем не менее свидетельствует о сформировавшемся гончарном ремесле. Обработка других материалов (кость, камень и др.) в это время принадлежит к числу домашних промыслов. В XII—XIII вв. в богатом квартале помимо златокузнечного дела в небольшом объеме занимались резьбой по кости и рогу. Все остальные ремесленники Новогрудка — гончары, кузнецы, слесари, плинфоделатели и другие мастера — селились и работали вне раскопанной нами части города.

Остается сказать несколько слов о некоторых домашних занятиях: прядении, ткачестве и шитье одежды. Обрывки одежды, пряжи или тканей очень редки среди находок посада—окольного города. В постр. 10 лежала плетенка из ниток растительного происхождения, а в культурном слое XII в. встречен кусок войлока. Однако находки более 160 пряслиц, глиняных, сланцевых и шиферных, являются хорошим свидетельством повсеместного занятия прядением. Пряли в каждом доме конца X—XI в. Много времени отдавали прядению в постройках XII—XIII вв. В больших домах выполнялись и ткацкие, и швейные работы. О них говорят поделки, предположительно относящиеся к ткацкому стану, многочисленные железные, а также бронзовые иглы и ножницы.[52]

---

[50] Шелковников Б. А. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалью. — СА, 1965, № 1, с. 213—216.

[51] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалью». — СА, 1966, № 1, с. 312—315. — На критике взглядов Б. А. Шелковникова мы останавливаемся более подробно на с. 151.

[52] Материалы по сельскому хозяйству см.: Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы древнего Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 77—84.

Глава 4

Предметы импорта. Внешние связи

Торговля и другие формы внешних связей, присущие городу русского средневековья, выглядят особенно выразительно в свете материалов Новогрудка XII—XIII вв. Прочные связи с внешним миром свойственны и начальной поре его истории.

Привозные вещи представлены предметами убора, украшениями и разнообразными бытовыми находками. В тех случаях, когда импортировали сырье (цветные металлы), оно тоже служило для изготовления украшений. Исключение представляют шиферные пряслица от нежно-розового до коричневого цвета, применявшиеся в хозяйстве и одновременно имевшие определенную эстетическую ценность. Заслуживает внимания наблюдение Э. С. Мугуревича, отметившего, что в Латвии, где находки шиферных пряслиц редки, ими пользовались только состоятельные слои населения.[1] Количество привозных вещей в жилищах конца X—XI в. сравнительно невелико — в основном одно-два шиферных пряслица, несколько стеклянных бус, единичные металлические украшения.

Нелегко установить, откуда попадали в Новогрудок цветные металлы. Медь в конце X—XI в. добывалась в горах Гарца, а со второй половины XI в. вывозилась из Скандинавии.

Янтарь с глубокой древности являлся предметом прибалтийского экспорта. Выше (с. 145) говорилось, что в слоях конца X—XI в. в Новогрудке встречены единичные куски янтаря, возможно служившие амулетами. Особенность торговли прибалтийским янтарем, который обменивался в необработанном виде, была отмечена еще в I в. н. э. Тацитом. Римский историк сообщает, что жители Прибалтики собирают янтарь и продают его не отделывая.[2] В 1950—1951 гг. нами было раскопано городище Грачевка в Калининградской области, расположенное вблизи Янтарного берега, и в слоях до V в. н. э. обнаружено свыше 500 кусков необработанного янтаря.[3] Янтарь мог попадать в Новогрудок из земли древних пруссов, где были наиболее крупные его залежи, или от куршей, живших на восточном берегу Балтийского моря, также издавна богатого янтарем. Более определенный ответ зависит от установления различий химического состава янтаря, происходящего из отдельных областей Балтийского побережья.[4]

К раннему периоду истории Новогрудка относится более 10 шиферных пряслиц. Преобладают зонные диаметром до 2 см, высотой до 1.3 см. Судя по находкам в комплексах, данные пряслица появились здесь не ранее второй половины XI в., хотя в могильнике у д. Городиловки вблизи Новогрудка шиферное пряслице найдено в кургане с трупосожжением.[5] Залегание красного шифера, ограниченное районом г. Овруча (р. Уборть), и открытие там мастерских позволяют безошибочно определить место, откуда шиферные пряслица широко вывозились во все концы Руси и сопредельные с ней страны.[6]

Домашний характер косторезного дела в Новогрудке конца X—XI в. заставляет считать привозными изделия из рога. Это накладки для лука, несомненно изготовленные специалистом-ремесленником. Они могли попасть в Ново-

---

[1] Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, с. 36.

[2] Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии. — Соч. в 2-х т. Л., 1969, т. 1, с. 372.

[3] Гуревич Ф. Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики. — МИА, 1960, № 76, с. 351.

[4] Гуревич Ф. Д. Прибалтийский импорт и Понеманье в X—XIII вв. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, с. 53.

[5] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962, с. 186.

[6] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 469—470; Антоневич Е. О находках овручских пряслиц на племенных территориях балтов. — Archeol. Polona, 1960, t. 3, s. 172—180.

грудок из какого-либо древнерусского города на территории Белоруссии, где было более развитое косторезное ремесло. Вероятно, такое же происхождение имеет обточенная на токарном станке роговая трубочка, найденная в постр. 20.

Привозными, очевидно, являются все гребни из нижнего горизонта, а также футляр для одностороннего гребня. Что касается последнего, то, по мнению Э. Д. Шноре, подобные изделия происходят с южного побережья Балтийского моря.[7]

Наиболее ранняя находка (рубеж XI—XII вв.) стеклянной посуды — фрагмент донца воронкообразного кубка. Форма воронкообразных сосудов глубоко традиционна. Она была известна уже в римское время, а затем унаследована франкскими мастерами. Именно из франкских мастерских, в частности из мастерских вблизи Трира на Рейне, происходят многочисленные воронкообразные кубки, найденные в поселениях и погребениях IX—X вв. Швеции и Дании.[8] Но новогрудский кубок был изготовлен на Руси. Химический анализ одного из таких сосудов, сделанный в лаборатории ЛОИА, показал, что основными компонентами его стекла были кремнезем, свинец и калий. Этот состав отличает стекло древнерусских мастерских. Начиная с XI в. воронкообразные кубки распространяются в ряде городов Древней Руси. Фрагменты такого же сосуда найдены в польских городах Крушвица и Ополе.[9]

В постройках и культурном слое конца X—XI в. обнаружено свыше 60 бусин. В комплексах их встречено от одной до семи. Все они довольно типичны для своего времени. Стекло синей зонной бусины было подвергнуто анализу и оказалось натриево-кальциево-кремнеземным. Мы пользуемся также результатами анализов состава стекла бус, приведенными в работах Ю. Л. Щаповой и других исследователей русского стекла, поскольку новогрудские бусы не отличаются оригинальностью и полностью соответствуют бусам древнерусских и других синхронных памятников. Анализ стекла лимоновидных бус показал, что в его состав входили кремнезем, натрий и кальций, а также окиси свинца и олова.[10] Бóльшая часть битрапецоидных и зонных бус городища Асоте сделана из калиево-свинцового стекла, в то время как глазчатая изготовлена из натриево-кальциевого стекла со значительной примесью калия.[11]

Решение вопроса о том, были ли новогрудские бусины русского или иноземного происхождения, находится в зависимости от атрибуции того или иного типа бус, основанной на массовом материале. Очевидно, однако, что коль скоро выделка стеклянных бус на Руси начинается не ранее XI в.,[12] то находки в комплексах X в. следует считать изделиями мастерских, расположенных за ее пределами. Это относится к лимоновидным, глазчатым, ребристым, а также некоторым другим типам бус, местом выделки которых были Ближний Восток и Средняя Азия.[13] Ю. Л. Щапова полагает, что бисер сделан древнерусскими мастерами.[14] Для Новогрудка это представляется сомнительным. Бисер был найден в постройках конца X в., но особенно много его в новогрудских курганах, существование которых прекращается к тому времени, когда только зарождалось древнерусское производство бус.

Отдельные виды бус (в основном бочковидные) могли быть как древнерусскими, так и привезенными из стран Ближнего Востока. Битрапецоидные бусы рассматриваются в литературе как изделия, изготовленные в древнерусских мастерских.[15] Данное положение вполне можно распространить и на новогрудские находки. Что касается зонных бус, в которых тоже усматривают продукцию русских мастеров, то они в Новогрудке, особенно в его курганном могильнике, не встречаются позднее начала XI в. и, вероятнее всего, также были восточного происхождения. Сердоликовые бусы М. В. Фехнер считает среднеазиатским импортом.[16]

Особую группу привозных вещей составляют металлические украшения и предметы убора, происходящие из Прибалтики и северо-западных областей Руси: крестовидная булавка, подковообразная пряжка с головками в форме усеченных пирамид, звездчатая пряжка, трехпетельчатые привески и др.

---

[7] Шноре Э. Д. Асотское городище. — Рига, 1961, с. 124, табл. IX, *15*, *19*.

[8] Arbman H. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937, S. 73—78.

[9] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 54; Dekówna M. Naczinia szklane pochodzenia obcego na zemiach polskich we wczesnym średniewieczu. — SA, 1962, t. 9, s. 242.

[10] Щапова Ю. Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус. — СА, 1962, № 2, с. 90—91.

[11] Щапова Ю. Л., Дайга И. В. Стеклянные бусы и браслеты Асотского городища. — Матер. и исслед. по археол. ЛатвССР, Рига, 1961, т. 2, с. 193—194.

[12] Щапова Ю. Л. О происхождении. . ., с. 84.

[13] Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — ТГИМ, 1959, вып. 33, с. 162—170; Щапова Ю. Л. О происхождении. . ., с. 88—89, рис. 1, *15*; Боброва А. С. Бусы из Афрасиаба. — КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 121—123.

[14] Щапова Ю. Л. О происхождении. . ., с. 86.

[15] Фехнер М. В. К вопросу. . ., с. 170—171.

[16] Там же, с. 152—155.

В слоях конца X—XI в. встречено несколько стеклянных перстней. Один из них (постр. 13) полукруглый в сечении, из коричневого стекла, с желтой инкрустацией. Редкие на Руси, такие перстни по технике изготовления напоминают стеклянные браслеты, в большом количестве попадающиеся в средневековых городах Закавказья и, по-видимому, там и производившиеся.[17] Остальные стеклянные перстни, зеленого и синего цветов, явно русского производства. Анализ химического состава стекла новогрудских перстней показал, что оно было свинцово-кремнеземным и калиево-свинцово-кремнеземным.

Выросшее и развивающееся ювелирное ремесло XII—XIII вв. потребовало значительно больше сырья. Цветные и благородные металлы могли привозить в Новогрудок из различных земель. Географическое положение города дает основание думать, что поставщиками были страны Центральной и Северной Европы. Растущий спрос на медь могли удовлетворять Прикарпатье и Альпы, где с конца XII в. наблюдается рост добычи меди. Наряду с увеличением ввоза меди, бронзы и латуни в Новогрудок попадает и свинец. Весьма вероятно, что новогрудские ювелиры пользовались свинцом краковских и силезских месторождений (территория, где были старейшие в Центральной Европе центры горнорудного дела).[18] Серебро доставляли в Новогрудок в виде изделий. И это очень характерно. До конца XII в. серебро в Европе добывали в небольшом количестве. И даже в Чехии, которая впоследствии стала его важнейшим поставщиком, серебро появлялось в виде военной добычи или приобреталось посредством торговли.[19] Возможно, что таким же способом поступало и золото, перерабатывавшееся новогрудскими ювелирами.

На XII—XIII вв. приходятся почти все находки янтаря, подвергавшиеся обработке в самом Новогрудке. По-видимому, он по-прежнему привозился с берегов Балтийского моря. Почти в 7 раз возрастает число шиферных пряслиц. В их форме нет каких-либо изменений, за исключением того, что в употребление входят миниатюрные изделия (диаметр 1.2—1.5 см), предназначавшиеся для девочек. Отдельные пряслица украшены насечкой, а на одном процарапана буква *Ж*. Известно, что в указанное время шиферные пряслица ряда древнерусских городов, и в частности на территории Белоруссии, были помечены женскими именами.[20] Количество шиферных пряслиц в Новогрудке почти равно находкам во всей Восточной Латвии (101 экз.). Намного позади Новогрудка по числу этих вещей стоит Литва, где в 16 пунктах обнаружено лишь 37 пряслиц из шифера.[21] В одной из мастерских Овруча был сделан шиферный подтреугольный оселок с отверстием, найденный в постр. 10. Таким образом, изделия овручских мастеров находили в это время в Новогрудке место сбыта.

В главе о новогрудских ювелирах отмечалось их умение украшать металлические изделия стеклянными вставками. Вставки тоже были привозными. Кроме тех из них, которые сохранились на перстнях местной работы, найдено 10 экз. Из шести, подвергнутых анализу, пять имеют свинцово-кремнеземное и калиево-свинцово-кремнеземное стекло. Стекло шестой вставки было натриево-кальциево-кремнеземным.

Богатые остекленные постройки окольного города нуждались в регулярном поступлении оконного стекла. Раскопки дали много его фрагментов, принадлежавших примерно 30 оконным дискам. Бóльшая часть стекла, изготовленная по калиево-свинцово-кремнеземному рецепту, должно быть, сделана в Киеве. Об этом свидетельствует продукция стекольных мастерских Киево-Печерской лавры.[22] Незначительное количество новогрудского оконного стекла содержит много кальция. Ю. Л. Щапова считает, что подобные оконные стекла могли быть изделиями обосновавшихся в Киеве греческих мастеров.[23]

К привозному оружию относятся бронзовые перекрестья меча и сабли. Как мы писали (с. 39, 107), меч следует считать прибалтийским, а саблю южнорусским импортом.

Вино и масло из стран Причерноморья привозились в амфорах. По количеству найденных амфор Новогрудок безусловно занимает одно из первых мест среди городов Древней Руси. Для сравнения приведем материалы

[17] Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 89.

[18] Holowińska Z. Wczesnośredniowieczne rzemiosło złotnicze w Gdańsku. — GW, 1959, t. 1, s. 83—86.

[19] Molenda D. Górnictwo kruszczowe na terenie złóż śląsko-krakówskich do połowy XVI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963, s. 46.

[20] Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии. — КСИИМК, 1955, вып. 57, с. 129—132; Лысенко П. Ф. Пряслице с надписью из Пинска. — СА, 1966, № 3.

[21] Мугуревич Э. С. Указ. соч., с. 35; Navickaitė-Kuncienė O. Senosios rusios importas X—XIII amžiu Lietuvoje. — LTMAD, 1964, p. 117.

[22] Богусевич В. А. Мастерские XI в. в Киеве. — КСИА УССР, 1954, т. 3, с. 19.

[23] Щапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений. — ВВ, 1961, т. 19, с. 66.

Тмутаракани, расположенной вблизи центров, выделывающих амфоры. В этом городе на площади, значительно превышающей площадь раскопок в Новогрудке, насчитывается 2000 обломков амфор, имевших хождение с V по XIII в.[24] Это меньше того количества амфор, которое распространялось в Новогрудке в XII—XIII вв.

Невелика, но выразительна новогрудская коллекция фаянсовой керамики, расписанной люстром. Люстровая роспись, являвшаяся результатом восстановительного обжига состава, в который входили медь, серебро и даже золото, играла первенствующую роль в надглазурной керамике Ирана. Фаянсовая посуда с люстровой росписью, выделывавшаяся в Рее, Кашане и других городах Ирана, — вершина расцвета керамики феодального города.[25] Значение новогрудской коллекции фаянсовой посуды с люстровой росписью возрастает в связи с тем, что подобная керамика — крайне редкая находка в древнерусских городах. В Поднепровье такой посуды не было. Встреченная в Саркеле—Белой Веже фаянсовая посуда датируется X—XI вв. и связывается с сиро-египетскими странами.[26] Из иранских мастерских вышел фрагмент сосуда с арабской надписью, обнаруженный в Смоленске в слое XII—XIII вв. Находки в Новгороде, сконцентрированные преимущественно на территории богатой усадьбы, принадлежавшей, вероятно, боярской семье Лукиничей, как полагает Т. И. Макарова, представляют собой имитацию люстра и сделаны не в Иране, а в одном из среднеазиатских центров.[27] Отметим также фрагмент фаянсового сосуда из Лукомля.[28] Посуда, расписанная кобальтом и марганцем (фрагмент из постр. 12), вывозилась из стран Передней Азии.[29]

Погибшие в пожаре богатые постройки окольного города Новогрудка дали большое количество находок, среди которых особую группу составляет стеклянная посуда самых разнообразных видов и расцветок. Рухнувшие в пожаре постройки не могли, разумеется, сохранить в целости эти хрупкие изделия. Весь огромный материал дошел до нас в многочисленных фрагментах. Однако детальное изучение коллекции позволило выделить и восстановить с той или иной степенью точности ряд сосудов.[30] Кроме того, были широко использованы результаты спектрального анализа стекла, который, как правило, подтверждал наши заключения, а в некоторых случаях, когда на сосуде или фрагменте отсутствовали явные типологические признаки группы, помогал определить их происхождение.

Таким образом, благодаря комплексному методу изучения материала выяснено, что в древнем Новогрудке стеклянная посуда была как древнерусского, так и иноземного происхождения. Новогрудской стеклянной посуде, привезенной с Востока, посвящена специальная публикация,[31] а древнерусские сосуды этого города изданы Ю. Л. Щаповой.[32]

В отличие от всех исследователей, не сомневающихся в том, что сосуды, расписанные эмалью и золотом (резной кубок и др.), изготовлены в мастерских Византии, Сирии и Египта, Б. А. Шелковников утверждает, что они были продукцией русских (точнее — новогрудских) мастеров.[33] Мы имели возможность на фактическом материале показать беспочвенность взглядов Шелковникова.[34] Однако и в более поздних работах он снова изложил свои ошибочные теории, причислив к изделиям новогрудских мастеров не только расписное стекло, но и сосуды группы «Hedwigsgläser».[35] В 1969 г. с критикой позиции Шелковникова выступила в печати польский археолог М. Декувна.[36]

---

[24] Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 48, рис. 32.

[25] Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, с. 41—42, 56—57.

[26] Шелковников Б. А. Поливная керамика Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 303—306; Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967, с. 32—33. (САИ; вып. Е1-38).

[27] Медведев А. Ф. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок Новгорода. — МИА, 1963, № 117, с. 271; Макарова Т. И. Указ. соч., с. 33. — В 1962—1963 гг. в Новгороде на Ильиной улице найдено еще более 30 фрагментов ближневосточной расписной керамики: обломки блюд и чаш (Авдусина Г. А., Засурцев П. И. Раскопки на древней Ильиной улице в Новгороде в 1962—1963 гг. — КСИА, 1965, вып. 104, с. 127).

[28] Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле и 1966—1968 годах. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 321, рис. 15, *6*.

[29] Макарова Т. И. Указ. соч., с. 34.

[30] Реконструкция стеклянных сосудов принадлежит М. В. Малевской.

[31] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968.

[32] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси, с. 47—51.

[33] Шелковников Б. А. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалью. — СА, 1965, № 1, с. 206—224.

[34] Гуревич Ф. Д., Джанполадян Р. М., Малевская М. В. По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалью». — СА, 1966, № 1, с. 312—315.

[35] Shelkownikow B. A. Russian glass from the 11th to the 17th century. — J. Glass studies, 1966, vol. 8, p. 101—112; Шелковников Б. А. Русское художественное стекло. Л., 1969, с. 20—40.

[36] Dekówna M. Рец. на ст.: 1) Шелковников Б. А. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмалью (СА, 1965, № 1); 2) Shelkownikow B. A.

Удивительная коллекция новогрудской стеклянной посуды не имеет себе равных среди материалов других древнерусских городов. Нам удалось зафиксировать более 100 сосудов, 60 из которых русского, а 40 восточного происхождения. Не исключено, что число сосудов было больше. Иногда трудно решить, принадлежали ли многочисленные обломки неорнаментированных стенок одному или нескольким сосудам. Учитывалось лишь минимальное их количество.

Русские и иноземные сосуды существовали одновременно. Раньше других в Новогрудке появились воронкообразные кубки, а затем и остальная посуда из киевских мастерских. В поступлении восточной посуды устанавливается следующая последовательность: начиная с первой половины XII в. в Новогрудок привозились сосуды, расписанные эмалью и золотом и сделанные в византийских мастерских. Кубки группы «Hedwigsgläser» бытовали со второй половины XII в., а в первой половине XIII в. появляются стеклянные изделия Ракки и Алеппо.

Очень интересно, что сосуды поступали сериями, а молочно-белый флакон и чаша из молочно-белого стекла, найденные в постр. 10, вообще можно рассматривать в качестве комплекта. Очень правдоподобно, что каждая серия стеклянных сосудов связана не только с одним и тем же центром, но и изготовлена в определенных мастерских. Привозная посуда была предназначена прежде всего для вина. На рисунках Радзивилловской летописи нередко можно видеть изображения кубков на княжеских столах.[37] Форма их сходна с формой новогрудских кубков. Мы уже упоминали, что воронкообразные сосуды были известны в Европе с давних времен. Одна из средневековых западноевропейских миниатюр на календаре-мартирологе Вандальберта (X в.) изображает человека, пьющего из такого кубка.[38] Воронкообразный кубок мог находиться на столе лишь в опрокинутом состоянии, поэтому и осушать его приходилось сразу. Не эту ли форму имеют в виду древнейшие былины, упоминая о чаре, которую «принимают молодцы единой рукой, выпивают чару единым духом».[39] Кубки могли служить и культовыми сосудами, как это видно на примере «Hedwigsgläser» (см. с. 79). Отдельные сосуды, в особенности флаконы, были пригодны для хранения косметических средств, благовоний и лекарств. Художественное стекло, вывезенное из стран Востока, бережно хранилось и служило не одному поколению жителей окольного города.

Большую популярность имели византийские ларцы, покрытые резными костяными пластинками. Наша пластинка с резным орнаментом могла принадлежать как привозному ларцу, так и изделию местного ремесленника, сделанному по византийскому образцу. Единственная новогрудская писанка происходит из Северо-Восточной или Северо-Западной Руси (см. с. 110).

Мы не можем в достаточной мере охарактеризовать еще одну статью импорта, которая должна была отразиться в материальной культуре Новогрудка. Речь идет о шелковых тканях. Помимо пояса интересны золотые нити из одного погребения. Такими нитями обычно вышивали по шелку.[40] Центром торговли шелковыми тканями являлась Византия.[41]

Распространение христианства, строительство храма Бориса и Глеба и, вероятно, других церквей в Новогрудке усиливали нужду в разнообразных предметах культа. Часть их (шиферные кресты, энколпионы и т. д.) привезена из Киева, а мраморовидные крестики («корсунчики») — из Херсонеса.

В XII в. исчезают глазчатые, лимоновидные и некоторые другие ранние формы бус и появляются шаровидные, уплощенно-эллиптические, с пластичным узором, ягодовидные и др. Химическому анализу подверглось 10 стеклянных новогрудских бусин XII—XIII вв. Семь из них оказались свинцово-кремнеземными, одна — калиево-свинцово-кремнеземной и две — натриево-калиево-кремнеземными. Последние представлены зелеными цилиндрической и битрапецоидной. Кроме того, известны итоги анализов бус с других памятников. Большинство их было свинцово-калиево-кремнеземными. Таковы зонные, шаровидные, цилиндрические, ягодовидные, уплощенно-эллиптические и с пластичным узором.[42] Следовательно, в XII—XIII вв. новогрудские жители получали бусы преимущественно из древнерусских земель и лишь некоторая часть их восточного происхождения.

Стеклянных перстней конца X—XI в. найдено всего четыре, а XII—XIII вв. — 92.

Russian glass from the 11th to the 17th century. (J. Glass studies, 1966, vol. 8). — AP, 1969, t. 14, s. 504—514.

37 Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902, л. 107, 141 сл.

38 Arbman H. Op. cit., Abb. 10.

39 Былины. Л., 1957, с. 197.

40 Nahlik A. W sprawie rozwoju krosna tkackiego. — KHKM, 1956, s. 537.

41 Фехнер М. В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси. — В кн.: История и культура Восточной Европы. М., 1971, с. 208.

42 Безбородов М. А. Технология производства стеклянных бус в древности. — ТГИМ, 1959, т. 33, табл. III.

В жилищах встречается от двух до четырех перстней, а в постр. 5 их обнаружено сразу 28. Основная масса стеклянных перстней Новогрудка типична для древнерусских памятников. Исключение составляют два экземпляра: рубчатый и из двухцветного стекла со щитком (постр. 5), аналогий которым найти не удалось. По количеству находок стеклянных перстней Новогрудок занимает одно из первых мест среди городов Древней Руси, уступая Новгороду, где за шесть сезонов работы обнаружено 140 перстней, в то время как в Старой Рязани их было всего 14, в Минске — 10, а в Гродно и Райках стеклянных перстней вовсе не встречено. Стекло новогрудских перстней свинцово-кремнеземное и калиево-свинцово-кремнеземное и по своему составу не отличается от распространенных древнерусских стекол.

В заключение остановимся на стеклянных браслетах. Их найдено примерно 3000. В постр. 6 (начало XII в.), где встречены стеклянная посуда, амфоры и некоторые другие вещи, типичные для XII в., стеклянных браслетов еще не было. Сравнительно мало их оказалось в богатой постр. 12. Основной поток стеклянных браслетов хлынул в Новогрудок во второй половине XII в. В постр. 10 обнаружены обломки приблизительно 80 браслетов, в постр. 16 — более 100. Очень много их было в постр. 4, 5 и др. Стеклянные браслеты поступали в Новогрудок лишь до середины XIII в. Это особенно хорошо прослеживается на примере детинца, где жизнь продолжалась во второй половине XIII в. и позднее. Подавляющая часть новогрудских стеклянных браслетов не отличается от таких же украшений, которые носили женщины других древнерусских городов. Более интересны их редко встречающиеся формы, а также находки, не имеющие аналогий. Например, витые, трехгранные и рифленые стеклянные браслеты известны в небольшом количестве, а украшенные стеклянной крошкой характерны преимущественно для южных памятников (Саркел, Херсонес). Браслеты с защипами встречены в Тмутаракани.[43] Специфической новогрудской группой являются браслеты, украшенные горизонтальными полосами, с желобками и широкие рифленые.

Стеклянные браслеты были, таким образом, излюбленными украшениями новогрудских горожанок XII—XIII вв., а Новогрудок принадлежит к тем древнерусским памятникам, где находки стеклянных браслетов особенно обильны. Почти все стеклянные браслеты были сделаны в древнерусских мастерских. Как уже неоднократно подчеркивалось, верхняя хронологическая граница бытования данных украшений — середина XIII в., что указывает на их южнорусское производство. Поступившие из русских городов стеклянные браслеты могли быть изготовлены не только в Киеве. Не исключено, что некоторые из них, в частности коричневые, привезены из Полоцкой земли. В массе стеклянных браслетов к восточному импорту относятся лишь единичные находки, изготовленные по натриево-кальциевому рецепту.

Ниже (табл. 21) приводится перечень новогрудского импорта, за исключением цветных и благородных металлов. При подсчете находок оконного стекла, амфор, стеклянной и фаянсовой посуды указывается число обломков. Стеклянные браслеты и перстни, легко поддающиеся подсчету, учтены более точно. Как и в предшествующих главах, в табл. 21 включены лишь те находки, которые отражают реальное количество украшений, причем только для северной и центральной частей окольного города.

Распределение привозных товаров ярче всего отражает различие двух периодов в истории Новогрудка. Если даже не принимать во внимание большое количество стеклянных браслетов, этих массовых привозных изделий, то и тогда число импортных вещей в окольном городе Новогрудка возрастает во много раз. Однако материалы, характеризующие внешнеэкономические связи раннего Новогрудка, убеждают в том, что для появившегося здесь населения они были традиционными.

Привозные вещи и сырье известны в самых древних комплексах. Из Прибалтики (включая часть стран Скандинавии) и северо-западных земель Новогрудок получал янтарь и, возможно, цветные металлы, гребни, утварь и металлические украшения. Правда, когда речь идет о прибалтийских украшениях, нет уверенности, что это был импорт в собственном смысле слова. Украшения, а также некоторые предметы убора могли принадлежать литовским или иным жителям соседних прибалтийских земель, почему-либо оказавшимся в пограничном районе. Таким же образом могли попасть в Новогрудок отдельные украшения радимичей.

Определенные взаимоотношения наблюдаются в это время с Киевом и Киевской землей. Они запечатлены в находках шиферных пряслиц, некоторых видов бус и перстней, а также наиболее раннего стеклянного кубка. Восточной по своему происхождению была бóльшая часть бус как из самого Новогрудка, так и его могильника. Известно, что восточ-

---

[43] Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75, с. 310—311, рис. 1, *7*; Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, рис. 2, *8*.

Таблица 21. Привозные вещи

Наименование	Количество	
	конец X—XI в.	XII—XIII вв.
Янтарь (куски)	3	23
Шиферные пряслица	13	80
Шиферные оселки	—	1
Стеклянные вставки	—	9
Предметы вооружения	2	2
Обоймы	—	1
Оконные стекла (обломки)	—	>300
Амфоры (обломки)	—	~2200
Фаянсовая и поливная посуда (обломки)	—	~215
Писанки	—	1
Стеклянная посуда		
древнерусская	1	>60
восточная	—	>40
западная	—	~3
Бронзовые чаши	1	—
Шелковые пояса и ткани	—	2
Роговые гребни и другие поделки из рога	7	1
Кресты и иные предметы культа	—	17
Бронзовые стили	—	2
Бусы		
стеклянные	55	86
каменные	1	3
металлические	—	3
Раковины каури	—	1
Булавки, подвески, цепи	4	6
Медальоны	—	5
Бляшки	—	3
Пряжки	2	4
Накладки	—	4
Перстни		
металлические	—	4
стеклянные	4	92
Браслеты		
металлические	—	2
стеклянные	—	~2500
Итого . . .	93	>5670

ные стеклянные и каменные бусы попадали на Русь через Волжскую Болгарию и Киев, где русские купцы встречались с мусульманскими.[44] Из стран Запада, может быть, привозили цветные металлы. Лишь единичными вещами представлены земли, заселенные финскими племенами.

В XII—XIII вв. Новогрудок наводнен импортными изделиями. Город, который по размерам своих укрепленных частей (2.5 га) принадлежал к небольшим[45] и в котором была раскопана площадь около 2000 $м^2$, по находкам предметов роскоши соперничает с прославленными древнерусскими городами, а в ряде случаев является обладателем уникальных вещей. За период с начала XII до середины XIII в. отдельные виды импорта (амфоры, оконное стекло, посуда, браслеты и перстни из стекла) прибывали большими партиями.

К ассортименту новогрудского импорта XII—XIII вв. помимо находок, перечисленных в табл. 21, а также цветных и благородных металлов следует присоединить вино и масло, наполнявшие амфоры. Можно предположить также, что привозили дорогие ткани, благовония, пряности и другие товары, не сохранившиеся в земле окольного города. Привозные изделия и в это время попадали через Новогрудок в окрестные сельские поселения (стеклянные браслеты с селища Городиловка, прибалтийская пряжка, инкрустированная серебром, из Сулятич и т. д.).[46]

Из каких же областей поступали товары? Связи с Прибалтикой и северо-западными землями сохраняются. Янтарь, оружие, некоторые виды украшений, добытые и сделанные на территории пруссов, литовцев, латгалов и куршей, занимают определенное место в новогрудском импорте. Как уже говорилось, отдельные виды стеклянных браслетов могла поставлять Полоцкая земля, однако основная масса привозных изделий попадала в Новогрудок с Юга и Востока. Главными поставщиками товаров были Киевская и другие южнорусские земли. Отсюда поступала бóльшая часть стеклянных изделий (оконное стекло, перстни, браслеты и посуда из Киева), все предметы, относящиеся к христианскому культу, и, вероятно, бронзовые стили. С южнорусскими землями связываются изделия из шифера. Значение этих земель во внешнеэкономических связях возрастает еще и потому, что амфоры, отправляемые из Причерноморья в Новогрудок, не могли миновать Поднепровья. Сабля, от которой уцелело лишь перекрестье, также была привезена из южнорусских степей.

---

[44] Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — ИКДР, 1951, т. 1, с. 336—337; Фехнер М. В. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных связей. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 52; Stattler E. Kontakty handlowe ludności wczesnopolskich z krajami arabskimi we wczesnem średniowieczu. — SA, 1966, t. 13, s. 210.

[45] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель в X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 189.

[46] Гуревич Ф. Д. Древности. . ., рис. 78; 79, *4—6*.

Спецификой Новогрудка XII в. являются его полнокровные связи с Византией и Ближним Востоком. Удивительной статьей византийского экспорта была разноцветная тонкостенная стеклянная посуда, расписанная золотом и эмалью. Помимо этого, в Новогрудок попали шелковая ткань, резной ларец и некоторые виды стеклянных украшений (см. с. 152). В восточных мастерских были сделаны толстостенные резные «Hedwigsgläser», сосуды с арабскими надписями и некоторые другие виды стеклянной посуды. Родина фаянсовой посуды — мастерские городов Ирана.

Земли, лежавшие к западу от Новогрудка, представлены находками изделий из цветных и благородных металлов. Вероятно, польского происхождения единичные металлические бусы. Уникальный золотой перстень с латинской надписью (см. с. 44) мог принадлежать богатой европейской женщине, попавшей в Новогрудок. Наконец, стеклянные сосуды со специфическим составом стекла скорее всего были сделаны в рейнских мастерских.

Наплыв привозных изделий в Новогрудок тем более удивителен, что город был лишен того преимущества, которым располагала бóльшая часть средневековых городов, расположенных на судоходных реках. Ближайшая крупная водная артерия — Неман. Его верховье с притоками Вилией, Щарой, Сервечем и др., системой волоков было связано с бассейнами Западной Двины, Припяти и т. д. Непосредственно в Новогрудок, отрезанный от Немана и других рек расстоянием около 30 км и стоявший вдали от водных магистралей, товары должны были привозиться по сухопутным дорогам.

Пути, по которым можно было проникнуть в Новогрудок, в известной степени воссоздаются благодаря письменным свидетельствам, повествующим о военных походах. Пробираясь к Новогрудку в 50—60-х гг. XIII в., волынские князья шли через Берестье или Пинск на Щару, а иногда направлялись через Туров на р. Сервеч,[47] откуда до Новогрудка оставалось около 30 км. В 1258 г. князь Роман Данилович должен был пойти на Возвягль (Киевская земля), а оттуда в Киев.[48] Путь от Новогрудка до Польши князь Шварн Данилович проехал «вборзе».[49]

Согласно западнорусским летописям, войска литовцев шли обычно в Новогрудок через Вилию и Неман. Переправившись через Неман и одолев четыре мили к югу, они попадали в город.[50] Дорога с Запада на Черную Русь проходила через Германию и Польшу, а иногда через Волынь по Припяти и левому ее притоку Ясельде.[51] Вполне возможно, что амфоры с их содержимым из Причерноморья и весь южнорусский импорт транспортировались по Днепру и Припяти, потом по левым притокам последней и далее сухопутным путем в Новогрудок.

Интересны пути, по которым доставлялись восточные сосуды. Часть их привозилась по Черному морю и затем, вероятно, по Днепру и Припяти. Находки синих флаконов в Херсонесе, настолько сходных с новогрудскими, что данные сосуды могли происходить из одной мастерской, и восточновизантийской посуды в Турове, стоящем на Припяти, делают этот путь вполне реальным. Часть же восточной посуды проникала в Новогрудок с Запада. Характерен ареал «Hedwigsgläser», сконцентрированных на землях Польши, ГДР и ФРГ. Посуда с арабскими надписями также найдена в городах, лежащих к западу от Новогрудка (Слоним, Ополе). Наиболее правдоподобно, что эти великолепные изделия стали добычей крестоносцев, особенно после третьего крестового похода, в котором участвовало много немецких рыцарей.[52] Некоторые виды сосудов, в частности «Hedwigsgläser», были пожертвованы храмам, а единичные экземпляры попали в дома богатых горожан.

Неясно, каким путем прибыли в Новогрудок фаянсовые сосуды, которые кроме него найдены пока только в городах Западной Руси (Новгород, Смоленск, Лукомль). Вещи из Прибалтики, а также товары, поступавшие волжско-каспийским путем, доставлялись в Новогрудок с Севера. Новогрудский импорт убеждает в том, что в XII—XIII вв. в город тянулись своеобразные караваны с русскими и заморскими товарами.

Внешние связи — прежде всего связи торговые. Хорошими находками, свидетельствующими о торговых операциях, являются безмены и гирьки в слоях XII—XIII вв. По подсчетам Б. А. Колчина, на безмене из Старой Рязани длиной около 36 см можно было взвешивать груз до 7—8 пудов.[53] Новогрудский безмен имел в длину 41 см и мог, следовательно, выдерживать бóльшую тяжесть. Гирьки принадлежали чашечным весам. Напомним, что

47 ПСРЛ, 1962, т. 2, стб. 818—819.
48 Там же, стб. 838.
49 Там же, стб. 864.

50 ПСРЛ, 1907, т. 17, стб. 230—231.
51 Даркевич В. П. Костяное навершие из Волковыска. — КСИА, 1963, вып. 96, с. 105—106.
52 Заборов М. А. Крестовые походы. М., 1956, с. 169.
53 Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. — МИА, 1956, № 32, с. 164.

одна из них, с вырезанными на ее плоскостях крестами, весила 34 г, а вторая — 90.1 г. Если безмен служил для взвешивания товаров, то посредством гирек могли взвешивать цветные и благородные металлы.

Какой же эквивалент могли предложить новогрудцы за разнообразный и ценный импорт? Выше (с. 131) мы высказали предположение, что богатство раскопанного квартала было создано благодаря торговле изделиями златокузнецов. Наряду с этим новогрудцы имели возможность торговать и другими товарами. Основные статьи русского экспорта перечислены князем Святославом под 969 г. Это «скора и воск, мед и челядь».[54] В 1279 г. ятвяги, жившие в той же природной среде, что и жители нашего города, предлагали князю Владимиру Васильковичу в обмен на жито «воску ли, бели ль, бобров ли, черных ли коун, серебра ль».[55] Для новогрудцев — жителей пущи — легче всего было расплачиваться пушниной и другими дарами леса. Известно, что Русь вывозила на внешний рынок ряд сельскохозяйственных продуктов: жир, сало, мясо. В международной торговле ценились кони, в том числе и из лесной полосы (Смоленск). Допустимо, что все это могло являться и статьями торговли Новогрудка.

Интересен вопрос, в чьих руках была сосредоточена торговля, особенно с дальними странами. Не формировалось ли купеческое сословие из числа ювелиров богатого квартала? Позволим себе сослаться на торговые связи западноевропейских златокузнецов. «Очень почетное место занимали повсеместно золотых дел мастера, — пишет В. В. Стоклицкая-Терешкович. — Профессия эта требовала значительных капиталов и широких торговых связей, ибо материал был дорог и шел большей частью издалека. Промышленная и торговая деятельность тесно переплеталась у золотых дел мастеров, сближая их с купечеством. Они торговали своими изделиями не только у себя дома, но и разъезжали с ними по отдаленным городам, и посещали известные в средние века ярмарки».[56] При всей рискованности сравнения торговой деятельности западноевропейских золотых дел мастеров и новогрудских златокузнецов не лишено основания предположение, что из среды последних могли выделяться купцы.

Часть импортных вещей, особенно предметы роскоши, поступала в средневековые города в виде военной добычи, даров, выкупа и другими внеэкономическими путями.[57] Думается, что некоторые виды дорогих вещей могли появиться в Новогрудке таким же способом. Возможно, что купцы Новогрудка имели какие-то контакты с крестоносцами, опустошавшими страны Ближнего Востока, и благодаря этому редкостные византийские и сирийские изделия попали в принеманские земли.

[54] ПСРЛ, 1962, т. 1, стб. 67.
[55] ПСРЛ, т. 2, стб. 879.

[56] Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы средневекового города X—XV вв. М., 1960, с. 198.
[57] Żak J. Z teorii «importu» wczesnofeodalnego. — AP, 1962, t. 7, s. 137.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долетописный Новогрудок, чье существование предугадывали лишь отдельные историки, благодаря археологическим материалам предстает во всем многообразии своей древнерусской культуры с конца X до XIII в. Выводы об облике Новогрудка этого времени станут более убедительными, когда наряду с материалами посада—окольного города будут привлечены данные его крепости-детинца, полученные в итоге раскопок. Археологические материалы двух районов Новогрудка тогда же смогут быть сопоставлены с летописными свидетельствами. Сейчас же мы ограничиваемся только теми выводами, которые можно сделать на материалах посада—окольного города.[1]

Скромное поселение, возникшее в конце X в. на одном из новогрудских холмов, становится посадом древнерусского Новогрудка. К началу XII в. посад, огражденный валом, превращается в окольный город. Центральную и северную части его территории занимали большие и богатые дома.

Богатый квартал представляет собой уникальный комплекс древнерусского города. Причину его появления и развития мы видим в том, что к XII в. особое значение приобретает труд златокузнецов и ювелиров, имеющих дело не только с бронзой и серебром, но и с золотом. Возможность обрабатывать редкий и дорогой металл превращает златокузнецов в группу городского населения, выделявшуюся своим богатством. Жители богатого и в силу этого замкнутого квартала златокузнецов могли входить в состав своеобразного раннесредневекового ремесленного объединения.

Богатый квартал окольного города с его большими домами и обильными находками подтверждает правдивость письменных известий о культуре и быте верхушки древнерусского города.

В культуре окольного города древнего Новогрудка отразились интенсивные внешние связи, среди которых поражают взаимоотношения с Киевской землей, Византией и мусульманским Востоком.

Конец существования окольного города древнерусского Новогрудка следует связывать с походом на этот город в 1274 г. волынского князя Льва Даниловича, когда он «взя околнии град». Если на новогрудском детинце, несмотря на войны, продолжалась интенсивная городская жизнь, то на территории окольного города она захирела и лишь до некоторой степени возродилась с вхождением Новогрудка в состав Литовского государства.

---

[1] Некоторые итоги исследования Новогрудка см.: Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг. — СА, 1980, № 4, с. 87—101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВВ — Византийский временник. М.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИКДР — История культуры Древней Руси. М., Л.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.
КДР — Культура Древней Руси. М.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИА УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР. Киев.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
ПВЛ — Повесть временных лет. М.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
AP — Archeologia Polski. Warszawa.
GW — Gdańsk wczesnośredniowieczny. Gdańsk.
ILK — Iš lietuvių kultūros istorijos. Vilnius.
KHKM — Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa.
LTMAD — Lietuvos TSR mokslų Akademijos Darbai. Vilnius.
MW — Materiały wczesnośredniowieczne. Warszawa.
MZP — Materiały zachodnio-pomorskie. Szczecin.
RAU — Rozprawy Akademii umiejętności. Kraków.
RB — Rocznik białystocki. Białystok.
SA — Slavia antiqua. Poznań.
SW — Studia wczesnośredniowieczne. Warszawa, Wrocław.
WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa.
ZOW — Z otchłani wieków. Wrocław, Poznań.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Фрида Давыдовна Гуревич

ДРЕВНИЙ НОВОГРУДОК

(посад—окольный город)

Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства В. Т. Бочевер

Художник М. И. Разулевич

Технический редактор Н. Ф. Соколова

Корректоры О. В. Олендская
и С. И. Семиглазова

ИБ № 8822

Сдано в набор 11.07.80. Подписано к печати 23.04.81. М-33612. Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 10+1 вкл. ($^{3}/_{8}$ печ. л.)=17.43 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.06. Тираж 3500. Изд. № 7099. Тип. зак. 1612. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12